

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2024 г. № 1 (106)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2024 г. № 1 (106)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: Ю. В. Березутский

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2024, no. 1 (106)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: Yu. V. Berezutskiy

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu. V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Спасский Е. Н. Лю Дяньбо	Социология управления в Китае: история и современность	8
Митрошин И. В.	Отраслевые различия доходов наемных работников в Австралии	18
Цзоу Сютин	Современные перспективы торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией	30

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Раевский С. В.	Развитие инвестиционно-строительного комплекса Приморского края	39
Кулагина О. В. Серова И. И.	Актуальные вопросы функционирования территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе	47
Строева Г. Н.	Экономическая доступность продовольствия в Хабаровском крае	58

Теория и практика экономики и управления

Медведева Н. В. Маслюк Н. А.	Мобилизационный характер научно-технологического развития: заделы и перспективы	71
Егоров В. А.	Измерение качества человеческого потенциала в условиях современной экономики: управленческий аспект	84

Социология

Байков Н. М. Березутский Ю. В. Ермошкина Е. Н. Митрофанов Д. В.	Концепт вовлеченности жителей города в территориальное общественное самоуправление по месту жительства: социологический анализ	97
Тальнёв В. Е. Андриенко О. Ю. Андриенко Ю. И.	Формирование гражданского общества – новая реальность в XXI веке	115
Невеличко Л. Г. Воротилкина И. М.	Семья и родительство как условие стабильности современного российского общества	127
Зайцев Э. А.	Особенности влияния детско-родительских отношений на формирование ценностных ориентаций детей и молодежи	138

Представляю к защите

Карев А. С.	Модернизация первичного звена здравоохранения в сельской местности в системе территориального планирования (на примере Хабаровского края)	149
Бессонов Н. А.	Управленческая культура крупной компании: сущность и состояние	161

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Spassky E. N. Liu Dianbo	Sociology of management in China: history and modernity	8
Mitroshin I. V.	Sectoral differences in the income of employees in Australia	18
Zou Xutin	Modern prospects for trade and economic cooperation between Heilongjiang Province and Russia	30

The Far East: strategies and development models

Raevskiy S. V.	Development of the investment and construction complex of the Primorsky Territory	39
Kulagina O. V. Serova I. I.	Current issues of functioning of territories of advanced development in the Far Eastern Federal District of Russia	47
Stroeva G. N.	Economic availability of food in the Khabarovsk Territory	58

Theory and practice of economics and management

Medvedeva N. V. Maslyuk N. A.	The mobilization nature of scientific and technological development: basis and prospects	71
Egorov V. A.	Measuring the quality of human potential of modern economy: managerial aspect	84

Sociology

- Baykov N. M.
Berezutskiy Yu. V.
Ermoshkina E. N.
Mitrofanov D. V. The concept of the Khabarovsk residents' involvement into territorial public self-government at their place of residence: sociological analysis 97
- Talynev V. E.
Andrienko O. Yu.
Andrienko Yu. I. The formation of civil society as a new reality of the 21st century 115
- Nevelichko L. G.
Vorotilkina I. M. Family and parenthood as a condition for stability of the modern Russian society 127
- Zaitsev E. A. The features of the parent-child relationship's influence on the formation of value orientations of children and young people 138

Post-Graduate Research

- Karev A. S. Modernization of primary health care in rural areas in the territorial planning system (using the Khabarovsk territory as an example) 149
- Bessonov N. A. Management culture of a large company: essence and condition 161

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья
УДК 316.354(510)
doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-8-17

Социология управления в Китае: история и современность

Евгений Новомирович Спасский¹, Лю Дяньбо²

^{1, 2} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹ srs2@festu.khv.ru

² 153439806@qq.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию становления управленческой мысли в Китае: от периода древних царств до наших дней. Материалом для исследования послужили трактаты мыслителей и философов, работы ведущих ученых, политических и общественных деятелей, исследовавших феномен управления. Труды китайских мыслителей и научных деятелей сквозь века и тысячелетия подробно освещают проблемы управления, выступают опорой и ориентиром в вопросах нравственности, справедливого и успешного управления. В статье рассмотрены основные идеи ведущих социально-философских школ, выдающихся ученых и общественных политических деятелей, сформулированы основные этапы становления управленческой мысли в Китае и в частности этапы становления и развития марксистской управленческой идеологии в условиях социализма с китайской спецификой. Важным фактом является один из главных лейтмотивов управленческой мысли Китая во все времена: «народ – основа государства», что делает результаты исследования актуальными и для совершенствования системы отечественного управления государством, обществом и бизнесом.

Ключевые слова: управление, управленческая мысль, социология управления, конфуцианство, даосизм, моизм, марксизм

Для цитирования: Спасский Е. Н., Лю Дяньбо Социология управления в Китае: история и современность // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 8–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-8-17>

Original article

Sociology of management in China: history and modernity

Evgeny N. Spassky¹, Liu Dianbo²

^{1, 2} The Far-Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹ srs2@festu.khv.ru

² 153439806@qq.com

Abstract. The article studies the formation of management thought in China: from the period of ancient kingdoms to the present day. The study is based on papers by thinkers and philosophers, works by leading scholars, political and public leaders

having studied the phenomenon of management. The works by Chinese thinkers and scholars have been covering the problems of management in details for many centuries being a support and guide in matters of morality, fair and successful management. The article considers the major ideas of leading socio-logical and philosophical schools and also the ideas by outstanding thinkers, public and political figures. It formulates the main stages in the development of Chinese management, in particular, the stages of the formation and development of the Marxist management ideology under the conditions of the socialism with Chinese characteristics. An important fact is one of the main leitmotifs of the Chinese management of at all times: "The people is the basis of the state", making the results of the study relevant for improving the system of domestic state governance, society and business.

Keywords: *management, management thought, sociology of management, Confucianism, Taoism, Mohism, Marxism*

For citation: Spassky E. N., Liu Dianbo (2024) Sociology of management in China: history and modernity // Power and Administration in the East of Russia. № 1 (106): 8–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-8-17>

Введение

Китай – одна из крупнейших держав, с каждым годом все более укрепляющая свои позиции на мировой арене благодаря непрерывному динамичному развитию. Феномен «китайского чуда» пытаются разгадать политики, социологи и экономисты всего мира. В первую очередь исследователи обращаются к феномену управления. Классическая теория управления, социология управления, широко распространенные на Западе, появились в Китае значительно позже. Тем не менее исследование сущности управления и его законов занимали умы ведущих ученых, мыслителей и философов многие века и тысячелетия. Социально-философские трактаты китайских мыслителей и ученых – квинтэссенция мудрости, к которой обращаются далеко за пределами Китая чиновники и управленцы во все времена. Идеи, высказанные древними мыслителями тысячелетия назад, созвучны научным разработкам современных ведущих социологов, политологов, философов. Таким образом, проблематика исследования связана с необходимостью изучения социологии управления в Китае для совершенствования отечественной системы управления, её творческого обогащения мировыми управленческими практиками. Цель исследования – структуризация управленческой мысли в Китае, а также анализ этапов её становления и развития.

Результаты исследования

Исследование феномена управления

являлось одной из первоочередных задач китайских философских школ на протяжении трех тысячелетий. Так, начиная с эпохи Западной Чжоу (1045–770 гг. до н. э.), в период правления которой доступ к научным знаниям был обеспечен исключительно правящей элите, вопросы эффективного управления рассматриваются в первом широко известном научном трактате «Чжоу ли» (на русский язык название трактата может быть переведено как «Чжоуские ритуалы», «Чжоуские [правила] благопристойности»).

В эпоху Восточной Чжоу (770–256 гг. до н. э.) научные знания становятся доступны не только правящей элите, но и более мелким чиновникам, а в конце периода Вёсен и Осеней (722–479 гг. до н. э.), относящегося к эпохе Восточной Чжоу, зарождаются конфуцианство, моизм и ряд других философских школ, подробно исследовавших понятия «управление» и «общество». Вопросы управления периода Вёсен и Осеней, или Чуньцю, описаны в одноименной летописи, составителем которой принято считать Конфуция. Важным зеркалом эпохи, отражающим особенности управления древними китайскими царствами, нормы этики и морали, является и летопись «Ши Цзи», составленная видным деятелем науки Сыма Цянем [Сыма Цянь, 2010].

Для периода Сражающихся царств (475–221 гг. до н. э.) были характерны рост количества ученых и образованных среди населения древних царств в связи с появлением частных школ и, как

следствие, широкие дискуссии многочисленных ученых деятелей – ученых «ста школ». В идейных течениях тем не менее преобладали конфуцианство, даосизм, моизм и легизм. Однако практика привлечения ко двору странствующих философов, предлагавших правителям собственные управленческие идеи и программы реформирования, привела к появлению ряда мелких течений каждой научно-философской школы, появлению многообразных философских доктрин, посвященных проблемам управления. К наиболее выдающимся деятелям того периода относят таких мыслителей, как Мо-цзы, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Чжуан-цзы, Хань Фэй, Цзоу Янь, Гунсунь Лун и другие.

В «Ши цзи» Сыма Цянь систематизировал деятельность существовавших в тот период научно-философских школ, исследовавших вопросы управления в Древнем Китае, и представил следующий укрупненный перечень: школа темного и светлого начал – «инь-янь»; конфуцианство, моизм, школа имен (номинализм), легизм, даосизм (школа «дао» и «дэ»). Проанализировав трактаты каждой из научно-философских школ, Сыма Цянь пришел к выводу, что, несмотря на собственное видение проблемы, все научно-философские школы в своих исследованиях главной целью преследуют упорядочение государственного управления в Поднебесной. В связи с этим в летописи приводится цитата из Канона Перемен («Си цы чжуань»): «Поднебесная приходит к одному результату, идя разными путями, и единство достигается множеством различных мнений» [И цзин, 2005. С. 245]. Ключевым вопросом, фигурировавшим в трактатах всех научно-философских школ, выступала двойственность человека, противостояние индивида и социума. С одной стороны, каждый человек принадлежит социуму: существует в рамках определенной сложившейся системы социальных, политических, экономических норм и взаимоотношений. С другой стороны, каждый человек индивидуален: ему свойственны его собственные устремления, ценности, интересы, мотивы. Поэтому проблема эффективного управления зачастую рассматривалась сквозь призму противосто-

яния личности и социума.

По мнению конфуцианцев, гарантом упорядочения государственного управления и гармоничных отношений в обществе служит социализированный человек, осознающий свой долг и ответственность перед обществом, а не отдельно взятая личность, пусть даже обладающая рядом знаний и достоинств, но действующая исключительно в собственных интересах, а не в интересах общества. Непременным условием социально-экономического развития общества и прогресса является четкое скрупулезное исполнение своих обязанностей каждым членом общества во благо и процветание этого общества. Следует отметить, конфуцианство вовсе не умаляет роли личности, напротив, вопросы самосовершенствования выступают одними из ключевых при исследовании качеств и достоинств правителей. Однако конфуцианство ставит интересы общества выше интересов индивида, тем самым подавляя личные намерения и стремления индивида.

Противоположной точки зрения придерживались представители даосизма, в особенности одного из его направлений – школы Чжуан-цзы. Даосская концепция управления ставила индивида и его интересы выше социализированного человека и общества в целом. Последователи буддизма, находившиеся в постоянной конфронтации с представителями конфуцианства и даосизма, во главу угла ставили уважение и почитание правителя. В основе социально-этического учения моистов – принцип всеобъемлющей любви и равенства. Мо Ди (Мо-Цзы) выступал против конфуцианских идей управления и социальной иерархии. Поэтому моисты выступали за уничтожение классовых пережитков общества. Очевидно, что конфуцианство получило наибольшую поддержку среди правящих элит и населения древних царств. Так, яркий представитель конфуцианства Мэн-цзы отмечал: «Нашим жилищем должно быть человеколюбие, а нашим путем – справедливость. ... Это приводит к реализации гуманного правления» [Мэн-цзы, 2004. С. 327, 381]. Сунь-цзы – военный стратег периода Весен и Осеней, приверженец конфуцианства, автор военного трактата «Искусство войны» (или «Сунь-

цзы о военном искусстве»), популярного и по сей день среди политиков, дипломатов, управленцев далеко за пределами Китая, отмечал: «Драгоценнее всего в Поднебесной – человек, наделенный не только знаниями, но и чувством долга и справедливости. Долг и справедливость отвращают человека от зла и коварства» [Лоу Юйде, 2022. С. 250]. Тем не менее следует отметить, что конфуцианская, даосская, буддистская и другие научно-философские школы не существовали изолированно от других, поэтому учения каждой дополнялись и уточнялись зачастую под влиянием учений конкурирующих научно-философских школ.

Искусство управления в Поднебесной и управленческие традиции, как описано выше, формировались тысячелетиями. В целях систематизации ключевых взглядов на проблемы управления в V в. государственный деятель Вэй Чжэн – советник императора Тайцзуна составляет трактат «Цюньшу чжияо» – «Собрание текстов о важнейшем в управлении» или «Важнейшее в управлении», собрав воедино мудрейшие изречения об управлении из текстов представителей конфуцианства, в первую очередь, а также даосизма, моизма, легизма и других научно-философских школ. В основу «Важнейшего в управлении», составление и редакция которого были завершены к 631 г., легли более 14 тыс. научно-философских трактатов. Особое внимание в тексте уделено обсуждению таких важнейших конфуцианских категорий, как чувство долга и ответственности, человеколюбие, преданность, уважение к старшим, забота о народе. «Важнейшее в управлении» представляет собой не просто набор изречений и советов. Большая часть текста посвящена нравственным качествам правителя и защите интересов народа. Согласно трактату, управление есть не что иное, как наука о нравственном.

Таким образом, «Важнейшее в управлении» является квинтэссенцией мудрости правителя – социализированного человека [Маслов, 2017. С. 46]. Основной идеей, заложенной в тексты «Важнейшего в управлении», выступает высочайшая нравственность правителя как

основа управления. Стоит отметить, что во все эпохи, начиная с глубокой древности, китайское государство являлось социально ориентированным, то есть забота о благополучии народа выступала первоочередной задачей правителя, что свидетельствует о действенности конфуцианского учения. В трактате народ назван «основой государства», поэтому правитель несет ответственность за свой народ: заботится о нем, обеспечивает его благополучие, действует исключительно в интересах народа, а помыслы его чисты и направлены на развитие и процветание государства. Народ и подданные, в свою очередь, отвечают правителю глубоким уважением и преданностью, несут службу и осуществляют различные виды деятельности исключительно в интересах государства. Начиная с 2000-х гг. «Важнейшее в управлении» снова становится объектом тщательного изучения управленцев не только Китая, но и зарубежных стран, что связано, в том числе, с колоссальным экономическим ростом Поднебесной. Исследователи скрупулезно изучают национальные идеи управления, основанные на нравственности и добродетели.

Более 130 лет в эпоху «Кацянь» (1661–1796) империя процветала. Однако с приходом к власти седьмого императора династии Цин Айсиньгёро Юньяня (период правления – 1796–1820 гг.) выстроенная веками государственная система управления постепенно начала приходить в упадок. Очевидно, что не каждый чиновник и управленец беспрекословно следует советам мудрых ученых и мыслителей. Среди поданных императора начала процветать коррупция, что привело к политике изоляции империи, препятствующей социально-экономическому развитию Поднебесной. Крупнейшие мировые державы, в числе которых Великобритания, Франция и США, осуществляли довольно агрессивную внешнюю политику, вели захватнические войны с более слабыми государствами. Китай всегда выступал весьма привлекательной целью для захватчиков. Среди них были тюркоязычные народы, ближайшие соседи – Япония и Корея, пытавшиеся укрепить свои позиции в Китае, а в

период Великих географических открытий – Англия, Португалия и Испания. Тем не менее Поднебесная под руководством сильных императоров всегда сохраняла суверенитет.

Однако внутренний разлад в стране, разлаженный аппарат управления всегда обеспечивают ослабление позиций перед внешним врагом. Так, в начале XVIII в. Британская империя, благодаря торговле опиумом через Ост-Индскую компанию, начала постепенное «порабощение» китайского народа. Она пополняла свой бюджет за счет продажи опиума и поступательно ослабляла Поднебесную. Решительные действия китайского правительства в виде мощной антинаркотической кампании, продолжавшейся более 100 лет, привели к военной агрессии Британской империи против Китая – Опиумным войнам, поражение в которых привело к ограничению влияния цинской монархии, нарушению территориального суверенитета Поднебесной. Тем не менее поражение в Опиумных войнах положило начало важным социальным переменам в китайском обществе: постепенный крах феодального строя, просуществовавшего в Китае более 2000 лет; начало реформаторского движения, инициированного китайской интеллигенцией.

Один из лидеров реформаторского движения – Линь Цзэсюй и его соратники ратовали за создание учебных заведений нового типа для изучения западной культуры и наук и обусловили наступление «эпохи западничества» среди прогрессивных государственных деятелей, ученых и мыслителей Китая того периода. Их деятельность стала основой для формирования новых духовных ценностей и идеологии для следующего поколения деятелей и ученых, реализовавших программу «Сто дней реформ» [Хао Пин, 2019. С. 12].

В 1860 г., после поражения во Второй опиумной войне, возникло «Движение по усвоению заморских дел», активными участниками которого выступали чиновники династии Цин, получившие поддержку императрицы Цыси. Среди основных направлений деятельности, реализуемых Движением, помимо военного, промышленного и экономического

устройства, значились также внедрение современной системы образования и отправка выдающихся студентов за рубеж, которые по возвращении привозили в Китай внушительный багаж знаний и прогрессивных идей, связанных с управлением и социально-экономическим устройством страны.

Первые упоминания о социологии в той форме, в которой она была известна в западных странах, начинают появляться в научных публикациях с 1895 г. Ведущие деятели того периода (Лян Цичао, Янь Фу, Чжан Бинлинь, Цзэн Гуанцюань) знакомят китайскую общественность с социологией благодаря переводам текстов западных и японских социологов.

Следует отметить, среди китайских ученых и политиков широкую популярность снискали теории английского философа и социолога Герберта Спенсера. «Изучение социологии» в переводе Янь Фу и «Основания социологии» в переводе Чжан Бинлиня и Цзэн Гуанцюаня стали настольными книгами ряда общественных деятелей, ученых и чиновников. Герберт Спенсер – сторонник эволюционизма, автор социологической концепции, теоретико-методологической основой которой является органицизм. Он сравнивал общество с биологическим организмом – сложной системой органов – социальных институтов, взаимосвязанных между собой, взаимодействие которых и обеспечивает функционирование всей системы в целом. Спенсер сравнивает Правительство с мозгом человека, уравнивая функции руководства жизнедеятельностью общества и жизнедеятельностью организма [Западноевропейская социология XIX века, 1996].

Концепции эволюционизма и органицизма получили большой отклик в Китае благодаря некоторой схожести с идеями древних мыслителей. Так, в Древнем Китае бытовало наставление: «Не будь хорошим министром, а будь хорошим врачом». Ведь разве возможно привести в порядок государство, если не знаешь, как привести в порядок организм? Принципы управления государством идентичны принципам самосовершенствования: плохое самочувствие и недомогание организма и смута в государстве одинаково

во являются результатами дисбаланса. Как только будет преодолено ошибочное представление об отсутствии взаимосвязи, найдутся и пути, и средства [Лоу Юйле, 2022. С. 250].

В целом ошибочно говорить, что западничество заменило китайским мыслителям, чиновникам и ученым конфуцианство, даосизм, легизм, моизм. Среди ведущих деятелей того времени, активно изучавших и переводивших на китайский язык труды западных социологов, большинство являлось адептами традиционных китайских учений, пытавшимися привнести в китайскую социологию управления, зародившуюся тысячелетия назад, новые идеи, почерпнутые у западных коллег. Так, идеолог китайского реформаторского движения Янь Фу, переведивший труды Герберта Спенсера и придерживавшийся его эволюционной концепции, отмечал: «В китайском обществе существует три устоя: абсолютная власть Государя над поданным, отца над сыном, мужа над женой; в западном обществе существует равноправие», поэтому применять в Китае западную систему управления, где основой демократии выступает свобода, недопустимо. Ключ к развитию и усилению Поднебесной Янь Фу видел в синтезе достижений традиционной китайской культуры и науки и науки западной [Хао Пин, 2029. С. 29]. Чжан Бинлинь, исследуя проблемы управления, искал новые идеи в трудах Спенсера, и пытался соединить их с учениями буддистской философии и легизма.

Лян Цичао, изучив идеи западных социологов, в том числе Карла Маркса, и объединив их с идеями традиционной китайской научно-философской мысли, сформулировал стратегию управления, которая буквально переводится как «управление обществом на основе общественных методов». Это означает, что ключ к процветанию нации – коллективное управление, которое в отличие от единоличного, лоббирующего исключительно собственные интересы, складывается из нужд и проблем всего общества. Участие общества в законотворческой деятельности – гарантия принятия справедливых законов.

Общественно-политический деятель

Линь Се также в вопросах управления выступал за совмещение традиционной китайской и западной наук. В своих работах он указывал на зависимость управления от ряда критериев, в том числе политического и научного. Политический критерий эффективного управления предполагал равноправие всех членов общества: равная ответственность перед законом всех членов общества, обеспечение всех членов общества свободой слова, свободой мысли и свободой печати. Научный критерий предполагал синтез лучших практик традиционной китайской и западных наук. Особую роль Линь Се отводил в управлении народу Китая: для эффективного самоуправления предполагалось воспитать просвещенных мужественных граждан, сведущих в вопросах управления, внешнеэкономических отношений, социологии, военного дела, экономики и финансов, религии.

Не все общественные и политические деятели придерживались мнения о народовластии как основе эффективного управления. Так, военный генерал Цзянь Байли в своих публикациях под псевдонимом Фэй Шен отмечал: правительство представляет народ, поэтому мудрость правительства выше мудрости общества. Хань Цзюй в своих исследованиях отводил правительству ведущую роль в организации эффективной системы управления.

Среди общественных и политических деятелей находились и противники традиционной китайской системы управления, основанной на канонах и трактатах научно-философских школ, выступавшие за внедрение западной социально-управленческой теории для установления эффективной системы управления, например, основатель партии Гоминьдан – Сунь Ятсен.

Сунь Ятсен внес существенный вклад в исследование феномена социального управления. Он видел в привлечении результатов исследований западных ученых большие перспективы для решения проблем управления социумом в Китае. Выступая с критикой монархии и ратуя за народовластие, Сунь Ятсен отмечал: «Вести и направлять народ – задача духовного лидера и идеолога». В работе «Три народных

принципа и будущее Китая» (1906 г.) Сунь Ятсен обосновывал проведение реформы власти: разделение непосредственно на законодательную, исполнительную, судебную, экзаменационную и контрольную. В «Программе строительства государства» (1917–1919 гг.) отдельная часть под названием «Социальное строительство (первые шаги народовластия)» посвящена проблемам социального управления [Сунь Ятсен, 1985. С. 281–284].

Активные дискуссии ведущих ученых, общественных и политических деятелей, посвященные идеям западных социологов, синтезу китайской традиционной науки и западным новаторским идеям, образованию как одному из факторов эффективного управления, привели к включению в 1906 г. дисциплины «Социология» в учебные программы университетов.

С 1910 г. происходит становление и развитие идей управления в рамках марксистской социологии. Стоит отметить, период знакомства китайских общественных и политических деятелей с ключевой идеологией – марксизмом – начался несколько раньше. Как упоминалось выше, одним из первых общественных и политических деятелей, изучавших труды Маркса, был Лян Цичао. Несмотря на большое влияние европейской и советской марксистской школы, возникновение и развитие марксистской идеологии на территории Китая изначально произошло благодаря переводам на китайский язык работ японских и западных марксистов, книги которых уже были изданы в Японии. Так, китайский ученый Ли Да перевел на китайский язык труды одного из основоположников марксизма в Японии – Хадзимэ Каваками.

В целом можно выделить три основных этапа становления и развития марксистской управленческой мысли в Китае.

Первый этап связан с исследованием и переосмыслением марксизма китайскими общественными и политическими деятелями, в числе которых Мао Цзэдун, Ли Дачжао, Ли Да, Цюй Цюбай, Ай Сицы, и его постепенной китаизацией. Так, в своей работе «Мой взгляд на марксизм» Ли Дачжао положил начало китайскому марксизму. Широкое рас-

пространение в Китае получили работы Цюй Цюбая, исследовавшего марксистскую идеологию, опираясь на китайскую традиционную науку об управлении. Его работы «Современная социология», «Введение в социальные науки», «Введение в социальную философию» способствовали популяризации марксизма в Поднебесной. Ученый-марксист Ай Сицы выпускает сборник докладов под названием «Популярная философия», в котором в доступной форме объясняет основные идеи марксизма массовому читателю. Ли Да осуществил систематизацию исследований марксистской идеологии, проведенных им на основе изучения и анализа работ советских, западных, японских и китайских исследователей.

Популяризации и китаизации марксизма в Китае способствовали труды Мао Цзэдуна. Так, работа «Анализ классов китайского общества», вышедшая в 1925 г., заложила основу для линии политики и программы борьбы Коммунистической партии Китая в период новой демократической революции [Чжан Яньцю, 2023. С. 240 – 253]. Произведение «Против книгопоклонства» – основа китаизации марксизма. В нем говорится о невозможности слепого копирования марксистской идеологии управления у СССР и стран Запада и внедрении ее в Китае ввиду особенностей развития китайской цивилизации, богатого наследия традиционной китайской науки и культуры [Мао Цзэдун, 1996]. Мао Цзэдун – главный идеолог китайского марксизма (маоизма), благодаря идеям которого Китайская коммунистическая партия привела народ к великим достижениям в социалистической революции, осуществила масштабные и глубокие социальные преобразования в истории китайской нации [Qing Xuan, 2021].

Второй этап связан с вступлением Китая в новую эру реформ и открытости, с развитием теории Дэн Сяопина (новый китайский марксизм), возникновением научной концепции развития, теоретической системы социализма с китайской спецификой. Дэн Сяопин продолжал развивать идеи Мао Цзэдуна в новых социально-экономических реалиях. Его теория дает ответы о способах постро-

ния и укрепления социализма, обоснования принимаемых управленческих решений фактическими данными.

Третий этап связан с реализацией идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой, возвратом к национальной идентичности. Социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, и Центральный комитет Китайской коммунистической партии во главе с Си Цзиньпином всегда придерживается главной руководящей идеологии – марксизма, которая обеспечивает развитие, процветание и могущество Китая.

Си Цзиньпин в своем выступлении на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая отметил первоочередной принцип управления – «народ превыше всего» [Xi Jinping, 2022]. Поэтому обеспечение благополучия, счастья, защиты народа и его интересов – первоочередная задача управляющей партии [Xi Jinping, 2020].

Идеи Си Цзиньпина – это гармоничное сочетание марксистских идей с лучшими достижениями традиционной китайской науки и культуры, в которой еще тысячелетия назад были сформированы главные управленческие ценности, актуальные во все времена: «Поднебесная принадлежит всем», «народ – основа государства», «управление государством при помощи добродетели», «назначение на должность только по способностям человека», «неустанное стремление к самосовершенствованию», «почитание добродетели», «соблюдение принципов честности и дружелюбия», «поддержание добрых отношений с соседями» и другие. Поэтому концепция Си Цзиньпина «Китайский дискурс», связанная с формированием системы наук об обществе и управлении на основе достижений традиционной китайской науки и культуры, получила широкую поддержку среди ученых, общественных и политических деятелей и населения страны.

Заключение

Становление управленческой культуры Китая – сложный, многоступенчатый процесс, сформировавшийся под влиянием традиций и обычаев, философских течений, политических и экономических факторов. Резюмируя вышесказанное, целесообразно выделить основные этапы

развития управленческой мысли в Китае.

Первый этап – самый длительный: начинается в глубокой древности с эпохи Западного Чжоу и длится до 1840 г. Культура управления формируется и реализуется под влиянием научно-философских школ и течений. Философско-политические доктрины научно-философских школ Поднебесной, в первую очередь конфуцианства, выступают своеобразными нравственными регуляторами, трактующими понятия норм и морали, справедливого управления, долга, почтения к старшим и чело- веколюбия.

Второй этап – 1840–1890 гг. – выступает переходным периодом. Происходит столкновение Китая с западной цивилизацией, ученые и мыслители предпринимают попытки переосмысления сложившейся управленческой науки, ее сильных и слабых сторон; происходят первые шаги навстречу западной науке, изучение ее преимуществ для последующего изучения в Китае и для усиления позиций Китая.

Третий этап – 1890–1910 гг. – связан с реализацией ряда реформ и возрастанием влияния в Поднебесной западной науки и культуры, широким распространением теорий и идей западных мыслителей, формированием китайскими учеными и политическими деятелями собственных теорий об управлении под влиянием западной мысли.

Четвертый этап – 1910–1978 гг. – характеризуется становлением и развитием идей управления в рамках марксистской социологии изначально под влиянием марксистских идей Японии, СССР и стран Запада, а затем переосмыслением и разработкой собственных концепций. Главным результатом этого этапа является формирование марксистской идеологии Мао Цзэдуном – китайского марксизма.

Пятый этап охватывает период с 1978 г. по 1990 г. – эпоха реформ и открытости, развития социологической мысли, реализации управленческих идей на основе концепции теоретической системы социализма с китайской спецификой, предложенной Дэн Сяопином.

Шестой этап – середина 1990 гг. – настоящее время – современный этап развития управленческой мысли, возврат

к национальной идентичности, отказ от идей западной социологии управления. В настоящее время развитие управленческой культуры происходит на основе концепций «Китайский план» и «Китайский дискурс» Си Цзиньпина, направленных на гармоничное сочетание марксистских идей с лучшими достижениями традиционной китайской науки и культуры.

На разных этапах эволюционного развития китайское общество внедряет в управленческий процесс инновации, переосмысливает и совершенствует управленческие практики, отбрасывая неактуальные и изжившие себя. Однако остаются

непреодолимые ценности, заложенные в основу эффективного управления в глубокой древности, подтверждающая свою актуальность на протяжении тысячелетий. Управленческая культура Китая опирается на сочетание идей конфуцианской философии и марксистской идеологии, что означает строгую иерархию общества, построение жесткой вертикали власти, субординации, директивного управления. При этом первоочередная задача руководителей на всех уровнях управления – обеспечение защиты интересов своих сотрудников, поскольку главной ценностью всегда выступает человек.

Список источников:

1. Западноевропейская социология XIX века: учебное пособие для вузов / Конт О., Миль Д. С., Спенсер Г.; под общей редакцией В. И. Добренкова; составитель В. П. Трошкина. Москва: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. 352 с.
2. И цзин (Канон перемен): Перевод и исследование / Сост. А. Е. Лукьянов; отв. ред. М. А. Титаренко. М.: Восточная литература, 2005.
3. Лоу Юйле. Духовные основы китайской культуры / Пер. с кит. Топоровой Д. С., Титова К. С., Рыбалко Н. Н.; науч. ред. д.филос.н., проф. Кобзев А. И. М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2022. 301 с.
4. Маслов А. Наука управления Китаем. Зеркало для дракона. М.: РИПОЛ классик, 2017. 272 с.
5. Мэн-цзы / Пер. с кит. и коммент. П.С. Попова // Переломов Л.С. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
6. Сунь Ятсен, Избранные произведения: Перевод / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1985. 781 с.
7. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки): в 9 т. / Пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина. М.: Восточная литература, 2010. Т. 9. 623 с.
8. Хао Пин. Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае / Пер. с кит. Орышич К.А. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2019. 431 с.
9. Чжан Яньцю. Китаизация марксизма в современном Китае. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 240–253.
10. Mao Zedong (1996) Collected works. Beijing: People's Publishing House. Vol. 3. 472 p.
11. Qing Xuan (2021) Centenary Achievements of the CPC and the “Three Leaps” of Sinicization of Marxism. Pedagogy and Research, No 12. (In Chinese).
12. Xi Jinping. The Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China, 16 October 2022. (In Chinese).
13. Xi Jinping (2020) Xi Jinping: The Governance of China. Beijing: Publishing house of literature in foreign languages. Vol. 3. 570 p. (In Chinese).

References:

1. Western European sociology of the 19th century: textbook for universities / Comte O., Mill D.S., Spencer G.; under the general editorship of V. I. Dobrenkov; compiled

by V. P. Troshkina. Moscow: International University of Business and Management, 1996. 352 p. (In Russ.).

2. I Ching (Canon of Changes): Translation and Research / Comp. A. E. Lukyanov; resp. ed. M. L. Titarenko. M.: Eastern literature, 2005. (In Russ.).

3. Low Yule. Spiritual foundations of Chinese culture / Translated from China. Toporova D.S., Titova K.S., Rybalko N.N.; scientific ed. Doctor of Philosophy, Prof. Kobzev A.I. M.: LLC "International Publishing Company "Chance", 2022. 301 p. (In Russ.).

4. Maslov A. The science of managing China. Mirror for the dragon / A. Maslov. M.: RIPOL classic, 2017. 272 p. (In Russ.).

5. Mencius / Trans. from China and comment. P.S. Popova // Perelomov L.S. Confucian "Four Books" ("Si Shu"). M.: Eastern literature, 2004. 431 p. (In Russ.).

6. Sun Yat-sen, Selected works: Translation / Rep. ed. S.L. Tikhvinsky. M.: Nauka, 1985. 781 p. (In Russ.).

7. Sima Qian. Shi ji (Historical notes): in 9 volumes / translation from China and comment. edited by A.R. Vyatkina. M.: Eastern literature, 2010. Vol. 9. 623 p. (In Russ.).

8. Hao Ping. Peking University and the genesis of higher education in China / Trans. from China Oryshich K.A. M.: International Publishing Company "Chance", 2019. 431 p. (In Russ.).

9. Zhang Yanqiu. Sinicization of Marxism in modern China *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2023; 73: 240–253. (In Russ.).

10. Mao Zedong (1996) Collected works. Beijing: People's Publishing House. Vol. 3. 472 p.

11. Qing Xuan (2021) Centenary Achievements of the CPC and the "Three Leaps" of Sinicization of Marxism. *Pedagogy and Research*, No 12. (In Chinese).

12. Xi Jinping. The Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China, 16 October 2022. (In Chinese).

13. Xi Jinping (2020) Xi Jinping: The Governance of China. Beijing: Publishing house of literature in foreign languages. Vol. 3. 570 p. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 06.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 06.02.2024.

Информация об авторах

Е. Н. Спасский – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения;

Лю Дяньбо – аспирант, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Information about the authors

E. N. Spassky – Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Law at the Far Eastern State Transport University;

Liu Dianbo – Post-graduate student, the Far Eastern State Transport University.

Научная статья

УДК 330.564.2(94)

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-18-29

Отраслевые различия доходов наемных работников в Австралии

Игорь Васильевич Митрошин

ООО «Интернешнл Бизнес Консалтинг Групп», Москва, Россия

timgarick@yandex.ru

Аннотация. Уровень жизни населения отражает сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране. В периоды мировых финансовых кризисов и ограничений, в том числе в связи с пандемией COVID-19, становится актуальным проведение анализа стандартов жизни человека и влияния этих негативных факторов на социальные условия жизни населения. В настоящей работе на примере Австралии изучены доходы наемных работников, получаемые ими от работодателей за 2014–2023 гг., как наиболее значимый показатель уровня жизни населения. По результатам проведенного исследования выявлен постоянный и стабильный рост доходов наемных сотрудников в рассматриваемом периоде. Определено, что почасовая оплата труда сотрудников, находящихся на неполной рабочей неделе, примерно на 20–25% ниже оплаты аналогичной работы при полной рабочей неделе. Работодатели осуществляют некоторую дискриминацию сотрудников, работающих временно или по совместительству. Особенно это заметно в отраслях, где труд временных сотрудников и совместителей пользуется наибольшей популярностью.

Ключевые слова: доходы работников, отрасль, продолжительность рабочей недели, совместительство, дискриминационная оплата труда, уровень жизни населения

Для цитирования: Митрошин И. В. Отраслевые различия доходов наемных работников в Австралии // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 18–29. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-18-29>

Original article

Sectoral differences in the income of employees in Australia

Igor V. Mitroshin

LLC «International Business Consulting Group», Moscow, Russia

timgarick@yandex.ru

Abstract. The standard of living of the population reflects the current socio-economic situation in the country. During periods of global financial crises and restrictions due to the COVID-19 pandemic, it becomes relevant to analyze human living standards and the impact of these negative factors on the social living conditions of the population. This paper examines the income of employees received from employers for 2014–2023 as the most significant indicator of the standard of living of the population. Based on the results of the study, a constant and stable increase in the income of hired employees was revealed in the period under review. The analysis has shown that the hourly part-time wages of employees are approximately 20–25% lower than the wages for similar work during a full-time workweek. Employers impose some discrimination against employees who work

temporarily or part-time. This is especially noticeable in industries where the work of temporary employees and part-time workers is most popular.

Keywords: *employee income, industry, length of the working week, part-time work, discriminatory wages, standard of living of the population*

For citation: Mitroshin I. V. (2024) Sectoral differences in the income of employees in Australia // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 18–29. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-18-29>

Введение

Развитие современного общества тесно связано с социально-экономической ситуацией и уровнем жизни населения. В свою очередь уровень жизни граждан отражает состояние экономики страны или ее отдельных регионов. Изменения отдельных показателей, характеризующих уровень жизни, дают представления об основных тенденциях изменения общественно-экономической жизни под влиянием различных факторов. События, происходящие в мире, такие как финансовые кризисы, войны, конфликты, экономические блокады оказывают влияние на экономику стран и на качество жизни их жителей. Индикаторы, определяющие качество жизни, лучше всего демонстрируют влияние происходящих политических и экономических событий на обывателя.

Цель проводимого анализа – изучить основные тенденции изменения личных доходов граждан в Австралии на современном этапе. Задачей проводимого исследования является анализ средних доходов граждан в Австралии в период 2014–2023 гг. в профессиональной и отраслевой дифференциации.

Работа является частью более крупного исследования по оценке и анализу основных показателей уровня жизни населения и степени развития человеческого потенциала в России и в других странах.

К вопросам исследования стандартов жизни человека, а также основным показателям, характеризующим эти стандарты, обращаются в своих трудах и другие авторы. Е. Ф. Винокуров в своем исследовании [Винокуров, 2022] анализирует связь безработицы с динамикой средней заработной платы. В исследовании А. А. Гишкаевой [Гишкаева, 2022]

человеческий капитал определяется как важнейший фактор, влияющий на современное производство. Проблемы дифференциации доходов граждан в мировом масштабе поднимаются в статье Д. А. Гучмазовой [Гучмазова, 2022]. Анализ средней заработной платы в разрезе различных социоэкономических категорий граждан проводит К. М. Демина [Демина, 2015]. В монографии Н. Р. Александровой проведено полномасштабное исследование качества и уровня жизни населения на современном этапе [Александрова, 2022]. Авторы Е. М. Карпенко, Ю. Ю. Рассеко в своем исследовании анализируют понятия качества жизни, уровня жизни и темпа жизни и дают им полноценные характеристики [Карпенко, Рассеко, 2022]. Уровень жизни населения в работе А. Д. Котенева, Ю. В. Жикривецкой, Н. Н. Крыжевской [Котенев, Жикривецкая, Крыжевская, 2023] определен как фактор обеспечения экономической безопасности государства. Заработную плату как основной источник доходов в контексте ее стоимостной природы рассматривает в своем труде В. И. Крышка [Крышка, 2019]. Проблемы финансирования личных доходов в современном обществе поднимаются в исследовании К. А. Кузнецовой [Кузнецова, 2021]. Ч. Р. Кулукаева, Г. Б. Ташкулова в своей работе [Кулуева, Ташкулова, 2022] анализируют взаимосвязь размера средней заработной платы с эффективностью использования человеческого капитала. В работе О. О. Маркарян [Маркарян, 2023] рассмотрены особенности приносящей доход деятельности личных фондов. В своем исследовании Ф. А. Мирсаидова [Мирсаидова, 2019] анализирует доходы населения как основной источник повышения благосостояния населения.

К вопросам социально-экономических проблем Австралии обращается в своем труде О. В. Мосолова [Мосолова, 2021]. Функции и факторы, влияющие на формирование и рост заработной платы, рассматриваются в исследовании Г. Ф. Насырова [Насырова, 2023]. П. Ю. Петров в своей работе [Петров, 2019] проводит анализ личных доходов населения в контексте источников их формирования. Взаимосвязь социально-экономических проблем Австралии с реалиями российского общества рассматривается в статье А. А. Петровского [Петровский, 2009]. Вопросами социальной стандартизации политики доходов населения в условиях современной государственной политики занимается Е. В. Такмакова [Такмакова, 2021]. В монографии Н. И. Лыгиной, О. В. Рудаковой, О. Д. Барабаш [Лыгина, Рудакова, Барабаш, 2010] анализируется система управления трудовыми ресурсами и степень ее влияния на уровень жизни населения. Результаты исследований российских ученых социально-экономического развития Австралии и Новой Зеландии суммируются в исследовании И. Р. Чекаловой [Чекалова, 2014]. М. Бек в своей работе [Бек, 2020] анализирует основные факторы, влияющие на экономическое развитие Австралии и уровень качества жизни в стране.

В качестве материалов настоящего исследования использованы работы вышеперечисленных авторов, а также официальные статистические данные, опубликованные Национальным Бюро Статистики Австралии. Объектом исследования были еженедельные и почасовые доходы граждан, разбитые по категориям с учетом их отраслевой принадлежности. В качестве методов исследования использовались: методы синтеза и анализа данных, метод подстановок, метод группировок и построения тренда, метод сравнения.

Результаты исследования

Доходы населения являются одним из важных показателей уровня жизни граждан. Этот индикатор отражает уровень их благосостояния и способность приобретать необходимые им блага. Наибольшую долю в личных доходах составляют доходы работников, то есть, по сути, заработ-

ная плата. В официальной австралийской статистике словосочетание «заработная плата» практически не используется, так как подразумевается, что в доходах, получаемых работниками от работодателей, присутствуют выплаты, не являющиеся компенсацией за произведенный труд. К таким выплатам, например, относятся различные выплаты социального характера, материальная помощь, компенсации работодателя на время болезни и очередного отпуска. Статистический учет в Австралии не рассматривает отпускные выплаты как часть оплаты за труд.

В настоящей статье проведено исследование и анализ общих доходов с учетом всех выплат, полученных работниками от работодателей в период 2014–2023 гг. Анализ проведен с разбивкой по отраслям, а в каждом анализируемом году рассмотрены данные за август месяц, доход принят в среднем в час при полной рабочей неделе (табл. 1). Так построена статистика в стране, когда август считается наиболее репрезентативным месяцем или месяцем средней деловой активности. Большинство сотрудников в этот период не находятся в отпусках или на каникулах, в этом месяце нет праздничных дней, это конец зимы на австралийском материке и второй месяц финансового года. В Австралии финансовый год начинается 1 июля, учебный год – 26 января.

Представленные данные отражают рост среднечасового дохода по всем отраслям в стране в течение 2014–2023 гг. Рост составляет в среднем 130–140% за десять анализируемых лет. Наиболее высокий рост отмечается в средствах массовой информации, в здравоохранении и социальной защите. Самые низкие темпы роста доходов сотрудников зафиксированы в анализируемом периоде в отраслях, занимающихся добычей полезных ископаемых и строительством. При этом в добывающих отраслях зафиксированы самые высокие часовые ставки оплаты труда работников, которые сохранялись на этом уровне все рассматриваемые годы.

В большинстве анализируемых отраслях экономики наблюдался рост среднечасовых доходов сотрудников на протяжении анализируемого периода. Только в

Таблица 1

Среднечасовой доход наемных работников за август 2014 г. – август 2023 г. в Австралии при полной рабочей неделе, австралийский доллар

Период	август 2014	август 2015	август 2016	август 2017	август 2018	август 2019	август 2020	август 2021	август 2022	август 2023	Рост в 2023 году по сравнению с 2014 годом, %
Сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство	23,0	23,0	25,0	23,9	25,1	28,6	25,6	28,6	31,6	30,3	131,7
Добыча полезных ископаемых	47,3	46,4	45,5	49,8	47,1	49,0	53,1	52,9	54,6	57,5	121,6
Производство товаров	28,6	28,7	30,0	29,6	31,6	31,6	34,3	35,5	35,9	39,5	138,1
Коммунальные услуги, производство электроэнергии	37,4	39,3	38,9	39,8	41,0	43,1	47,4	47,1	49,3	50,4	134,8
Строительство	30,1	30,0	30,0	30,4	32,6	33,3	35,4	35,0	36,8	38,3	127,2
Оптовая торговля	29,3	27,9	30,4	31,6	31,6	31,6	34,3	37,0	36,4	38,9	132,8
Розничная торговля	23,0	24,0	25,0	26,3	26,4	27,5	29,5	30,4	31,6	33,3	144,8
Гостиничный бизнес и общепит	22,4	23,4	25,0	24,3	25,0	26,2	28,9	28,9	30,0	31,2	139,3
Транспорт и связь	30,0	28,4	31,3	30,9	31,9	33,7	34,6	35,4	36,3	39,5	131,7
Средства массовой информации	35,0	37,5	37,3	38,2	40,6	41,3	43,8	44,8	46,4	52,4	149,7
Финансы и страхование	37,5	37,5	38,0	41,9	43,1	46,1	47,2	51,2	52,0	54,0	144,0
Наука и технологии	38,3	38,0	36,5	41,3	42,5	42,5	45,6	48,4	51,9	54,1	141,3
Образование	38,5	39,0	38,4	40,9	42,0	43,8	46,7	48,6	49,0	51,2	133,0
Здравоохранение и социальная защита	30,7	31,5	31,6	32,5	35,7	35,0	38,9	39,1	40,3	45,0	146,6
В среднем по Австралии	31,3	31,3	31,9	32,9	34,4	35,7	38,5	39,5	40,4	43,4	138,7

Источник: составлено автором по данным Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/>

некоторых из них произошло небольшое снижение в 2017–2018 гг. Это сельское и лесное хозяйство, добывающие отрасли, производство товаров, а также транспорт и связь. Большинство из этих отраслей являются индустриальными и относятся к производственному сектору. В целом не заметно влияние кризисных явлений, про-

изошедших в 2014–2015 гг., а также ограничений, связанных с пандемией COVID-19 и введенных в 2020 г. Происходил стабильный плавный рост доходов сотрудников, находящихся на полной рабочей неделе. К отраслям с высоким уровнем доходов сотрудников и одновременно с ним относительно высоким уровнем ро-

ста этих доходов в анализируемом периоде относятся финансы и страхование, а также наука и технологии. Быстрый темп доходов в высокотехнологичном секторе отражает быстрое развитие этой отрасли в Австралии. Финансы и страхования являются наиболее динамично развивающейся областью мировой экономики.

Размер среднечасового дохода не в полной мере отражает уровень доходов граждан. Средняя продолжительность рабочей недели и динамика ее изменения в 2014–2023 гг. дают более полное представление о занятости и благополучии населения в стране (табл. 2). В

данном случае рассчитана средняя продолжительность в часах полной рабочей недели. В расчет принят также август каждого анализируемого года.

В течение анализируемого периода наблюдается сокращение полной рабочей недели в среднем на два–три часа по всем отраслям экономики. Наибольшее сокращение произошло в средствах массовой информации – на 4,2 часа или на 10,9%. Наименьшее сокращение рабочей недели за десять лет было в отрасли, осуществляющей коммунальные услуги и производство электроэнергии – на 0,3 часа или на 0,75%. Самая высокая про-

Таблица 2

Среднее количество рабочих часов сотрудников в Австралии при полной рабочей неделе за август 2014 г. – август 2023 г.

Период	август 2014	август 2015	август 2016	август 2017	август 2018	август 2019	август 2020	август 2021	август 2022	август 2023
Сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство	43,4	43,0	41,6	41,8	40,9	42,0	39,1	43,7	39,6	41,3
Добыча полезных ископаемых	45,9	45,2	45,5	42,2	45,3	47,0	44,6	45,4	45,8	42,6
Производство товаров	40,2	40,1	40,0	38,9	39,6	38,5	37,9	39,4	39,0	38,3
Коммунальные услуги, производство электроэнергии	40,0	38,8	38,6	39,8	38,6	39,5	33,8	37,9	40,3	39,7
Строительство	41,9	41,7	40,0	41,1	42,9	41,6	39,5	39,5	39,4	40,2
Оптовая торговля	39,9	40,3	40,0	38,0	39,4	38,6	37,3	37,8	38,4	37,8
Розничная торговля	39,1	38,5	38,4	38,8	39,4	38,3	37,3	37,8	38,0	36,9
Гостиничный бизнес и общепит	40,2	40,1	40,0	40,1	39,5	38,2	35,5	36,6	38,0	38,2
Транспорт и связь	41,9	42,3	41,6	42,1	42,1	40,9	40,1	39,1	41,3	39,3
Средства массовой информации	38,6	37,3	38,5	36,1	39,1	36,8	37,3	37,1	37,2	34,4
Финансы и страхование	37,3	38,2	36,8	35,8	37,1	36,4	35,6	35,6	35,0	35,2
Наука и технологии	37,8	37,9	40,0	37,2	37,0	37,6	35,7	35,2	36,2	35,1
Образование	36,4	36,7	36,7	36,7	35,7	35,8	35,0	33,5	33,6	34,2
Здравоохранение и социальная защита	37,5	38,1	38,0	36,9	36,4	35,7	34,8	35,0	36,2	35,1
В среднем по Австралии	38,6	39,4	39,2	38,9	39,0	38,5	37,2	37,8	37,1	36,9

Источник: составлено автором по данным Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/>

должительность рабочей недели наблюдается в добывающих отраслях и составляет 42–45 часов. В 2023 г. также в сельскохозяйственном секторе и в строительстве рабочая неделя все еще превышала 40 часов. В других секторах экономики полная рабочая неделя была меньше этого показателя, то есть рабочий день при пятидневной рабочей неделе составлял менее восьми часов.

Самая короткая рабочая неделя на протяжении всего рассматриваемого периода зафиксирована в образовании, что отчасти коррелируется с продолжительностью рабочей недели педагогов в России, так как для них установлена уменьшенная норма часов. В целом в отраслях производственной сферы рабочая неделя длиннее, чем в отраслях непродовольственной сферы. Однако разница между самой длинной и самой короткой рабочей неделей составляет всего 8,4 часа, что, на наш взгляд, немного, если учитывать разную специфику работы различных профессий.

Сокращение полной рабочей недели отражает влияние на рост уровня жизни граждан усиления социальной защиты, а также высокую степень влияния профсоюзов на условия труда и условия оплаты труда населения. В странах с более высокими стандартами жизни, как правило, продолжительность рабочей недели меньше, чем в странах с низким уровнем жизни. В среднем по Австралии за анализируемый период рабочая неделя сократилась на 1,7 часа или на 4,4%.

В странах с высоким уровнем жизни и высокой степенью развития человеческого потенциала наблюдается рост популярности частичной занятости при работе неполную рабочую неделю. В этом случае возникает вопрос – используют ли работодатели для собственной выгоды стремление граждан не работать на полную ставку? Соотношение среднечасового дохода граждан Австралии при неполной рабочей неделе по отношению к доходу при полной рабочей неделе отражает существующее равенство или неравенство (табл. 3). В расчет принят также август каждого года за 2014–2023 гг. по отраслям экономики страны.

Проведенный анализ показывает наличие определенного неравенства по всем рассматриваемым отраслям. В среднем по стране соотношение составляет 75–76%, что ниже, чем в отдельных анализируемых отраслях. В данном случае хотелось бы пояснить, что в анализ включены не все отрасли, а, по нашему мнению, наиболее важные. Например, в таблицу 3 не включены такие отрасли, как административное управление, отдых и туризм, девелопмент и т. д. В большинстве рассматриваемых секторов народного хозяйства часовая оплата труда при неполной рабочей неделе в течение 2014–2023 гг. снизилась по отношению к аналогичному показателю при полной рабочей неделе. Исключение составляют сельское и лесное хозяйство, рыболовство, строительство, транспорт и связь, образование. В этих отраслях, по-видимому, временный труд или работа по совместительству используется чаще, чем в других секторах экономики. Сельское хозяйство зависит от сезонности, строительство зависит от периода строительства объекта, а в сфере образования работает множество сотрудников по совместительству, которые также практикуют в реальных секторах народного хозяйства.

Большинство работодателей используют дискриминационную систему оплаты труда для временных сотрудников или сотрудников, работающих по совместительству, что в принципе является обычной практикой во многих странах. В отраслях, занимающихся добычей полезных ископаемых, наблюдаются отдельные всплески роста доходов граждан при неполной рабочей неделе. Например, в августе 2016 г. этот показатель составил 147% среднечасового дохода при полной рабочей неделе. Похожий рост наблюдается в этом секторе в августе 2019 г. То есть время от времени добывающая промышленность Австралии испытывает нехватку рабочих рук и привлекает временных работников, заманивая их более высокими тарифными ставками. Такие всплески обычно происходят в периоды роста спроса на сырье, которое добывает Австралия. Например, алмазы, уголь, цирконий, уран, бокситы. Обеспечен-

Таблица 3

Соотношение среднечасового дохода наемных работников при неполной рабочей неделе к среднечасовому доходу при полной рабочей неделе за август 2014 г. – август 2023 г. в Австралии, %

Период	август 2014	август 2015	август 2016	август 2017	август 2018	август 2019	август 2020	август 2021	август 2022	август 2023
Сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство	87,0	93,5	90,8	96,2	94,4	92,0	98,0	87,4	88,6	100,7
Добыча полезных ископаемых	106,1	94,0	147,0	82,3	74,5	118,4	83,2	66,4	95,8	98,3
Производство товаров	79,0	80,1	79,0	84,5	79,4	82,3	87,5	81,4	78,0	70,9
Коммунальные услуги, производство электроэнергии	83,7	80,9	67,4	86,4	96,1	87,0	63,3	66,7	75,3	71,6
Строительство	83,1	84,3	83,3	89,5	82,5	85,9	86,4	86,6	82,3	86,7
Оптовая торговля	82,3	85,3	82,2	86,1	87,0	83,5	87,2	75,7	81,9	78,7
Розничная торговля	87,0	86,7	86,4	85,6	89,4	87,3	85,8	84,5	83,2	82,6
Гостиничный бизнес и общепит	83,5	85,5	80,0	82,3	80,0	82,4	84,4	80,3	78,0	80,1
Транспорт и связь	83,3	96,8	85,9	88,3	87,8	89,0	86,7	87,3	89,0	87,1
Средства массовой информации	75,1	64,0	72,9	73,3	67,0	69,5	87,0	82,1	67,9	69,7
Финансы и страхование	78,4	80,0	83,2	75,4	78,7	83,1	79,4	73,4	75,0	73,9
Наука и технологии	80,4	84,5	81,4	72,9	73,6	82,8	85,1	77,3	73,2	73,9
Образование	82,9	85,6	87,5	82,9	81,0	81,3	85,7	82,3	78,8	84,6
Здравоохранение и социальная защита	91,5	92,1	88,9	92,3	85,2	91,1	93,8	88,0	90,3	86,4
В среднем по Австралии	76,7	79,9	78,4	78,4	91,0	78,4	81,0	75,9	75,2	75,6

Источник: составлено автором по данным Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/>

ность страны разведанными природными ресурсами в 20 раз превышает среднемировые значения.

Представляет интерес средняя продолжительность неполной рабочей недели по отраслям экономики (табл. 4). Данные приняты аналогично за август каждого года за 2014–2023 гг. по основным секторам народного хозяйства страны. При заниженной оплате труда в час австралийского работника необходимо понимать насколько меньше продолжительность неполной рабочей

недели, чем продолжительность полной рабочей недели.

По большинству анализируемых отраслей наблюдается рост средней продолжительности в часах неполной рабочей недели в течение 2014–2023 гг. Снижение этого показателя зафиксировано только в транспорте и связи, средствах массовой информации и небольшое снижение на уровне погрешности зафиксировано в отрасли, занимающейся производством товаров. Рост продолжительности неполной рабочей недели в среднем

Таблица 4

Среднее количество рабочих часов сотрудников в Австралии при неполной рабочей неделе за август 2014 г. – август 2023 гг.

Период	август 2014	август 2015	август 2016	август 2017	август 2018	август 2019	август 2020	август 2021	август 2022	август 2023
Сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство	15,0	20,8	20,3	21,8	18,6	20,9	19,9	19,6	21,9	17,9
Добыча полезных ископаемых	17,4	20,5	23,3	22,7	27,4	20,2	24,1	27,3	19,1	21,2
Производство товаров	21,8	17,4	21,1	17,5	21,5	21,7	23,0	21,2	20,3	21,4
Коммунальные услуги, производство электроэнергии	14,8	29,5	29,8	20,9	23,1	19,6	26,4	19,1	21,6	23,3
Строительство	20,0	19,0	20,0	20,2	20,1	19,2	20,7	23,1	21,0	20,2
Оптовая торговля	22,8	21,0	19,9	20,6	22,7	22,5	21,2	19,5	22,6	24,1
Розничная торговля	17,0	16,8	16,2	17,8	16,9	16,7	17,8	17,5	17,7	17,3
Гостиничный бизнес и общепит	13,4	15,0	14,2	15,0	15,5	15,9	16,4	14,1	15,4	14,9
Транспорт и связь	22,0	21,8	22,3	22,0	22,5	23,3	25,0	20,8	23,2	20,9
Средства массовой информации	19,0	20,3	20,9	18,3	21,3	18,4	16,4	18,9	14,2	16,5
Финансы и страхование	22,1	23,1	23,0	22,2	20,6	22,2	22,0	22,5	22,4	22,9
Наука и технологии	19,5	18,7	21,2	21,5	20,8	19,7	19,3	21,4	21,8	20,0
Образование	18,0	17,4	17,9	19,1	19,2	19,4	18,8	18,4	19,4	18,5
Здравоохранение и социальная защита	21,4	22,1	22,7	22,0	22,7	22,5	21,2	21,8	22,0	21,6
В среднем по Австралии	19,2	19,3	19,3	19,4	16,8	19,6	21,5	20,0	20,4	20,0

Источник: составлено автором по данным Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/>

по Австралии составил 0,8 часа или 4,2%. Самый большой рост этого показателя в анализируемом периоде наблюдается в коммунальных услугах и производстве электроэнергии. Прирост составил за десять лет 8,5 часов или 57,4%.

В среднем продолжительность неполной рабочей недели составляет примерно 50–55% от продолжительности полной рабочей недели. Однако есть отрасли, где этот показатель заметно ниже. Например, в августе 2023 г. продолжительность неполной рабочей недели по отношению к полной рабочей неделе в сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве

составила 43,3%, в гостиничном бизнесе и общепите соответственно – 39,0%. В то же время в некоторых отраслях продолжительность неполной рабочей недели по отношению к полной рабочей неделе выше средних значений по стране. Например, в августе 2023 г. в производстве коммунальных услуг и электроэнергии это соотношение составило 58,7%, в оптовой торговле оно достигло 63,8%, а в финансах и страховании соответственно – 65,1%.

В отраслях, где соотношение продолжительности неполной рабочей недели и продолжительности полной рабочей не-

дели ниже средних значений по Австралии, временный, разовый труд или труд на неполную рабочую неделю используется чаще. В гостиничном и ресторанном бизнесе привлечение временных сотрудников, сотрудников по совместительству является распространенной практикой. Как правило, на такие работы привлекается молодежь, студенты, люди, совмещающие эту работу со своей основной деятельностью. В целом показатель соотношения продолжительности полной и неполной рабочих недель в размере 50–55% отражает довольно высокую рабочую нагрузку сотрудников, работающих неполный рабочий день или неделю.

В связи с более низкой почасовой оплатой труда при неполной рабочей неделе увеличивается дифференциация между недельной оплатой труда сотрудников при полной и неполной рабочих неделях. Эту разницу можно увидеть при анализе этого соотношения в августе 2023 г. (рис. 1). В среднем по Австралии соотношение доходов граждан при неполной и полной рабочей неделе составило 40,9% при том, что соотношение продолжительности неполной и полной рабочей недели в августе 2023 г. составило 54,2%. Дискриминационная

политика работодателей в оплате труда граждан, работающих не на полную рабочую нагрузку, является обычной практикой в стране.

По отдельным отраслям наблюдается еще более низкий процент соотношения доходов сотрудников при неполной и полной рабочей неделе. В розничной торговле этот показатель составляет 38,8%, в средствах массовой информации – 33,4%, в гостиничном бизнесе и общепите – 31,3%. В этих отраслях труд временных сотрудников и совместителей используется чаще, чем в других отраслях экономики, поэтому здесь более высокая степень дискриминации сотрудников работодателями при оплате труда.

В целом можно утверждать, что самая высокая оплата труда сотрудников как при полной, так и при неполной рабочей неделе зафиксирована в горнодобывающих отраслях, которые являются основой экономики Австралии. Доходы сотрудников в этой отрасли превышают средние значения по стране при полной рабочей неделе в 1,5 раза, а при неполной рабочей неделе – в 1,8 раза. Более высокий уровень жизни граждан, работающих на предприятиях по добыче полезных ископаемых, отражает высокое значение этих отраслей для народного хозяйства страны.

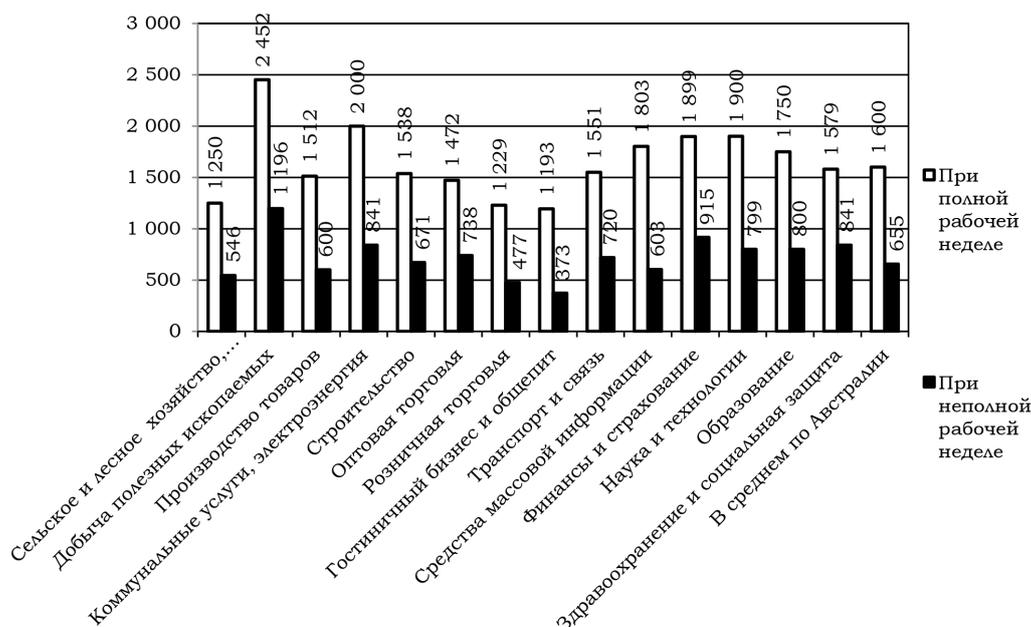

Рис. 1. Средний доход в неделю работников в Австралии при полной и неполной рабочей неделе в августе 2023 г., австралийский доллар

Заключение

На основе проведенного исследования можно утверждать, что в Австралии, независимо от отрасли и сферы деятельности, в течение 2014–2023 гг. происходил стабильный рост уровня доходов граждан, а, соответственно, рос их уровень жизни и благосостояния. Осуществленный анализ не зафиксировал какого-либо значительного влияния мирового финансового кризиса 2014–2015 гг. и пандемии COVID-19 в 2020 г. на темпы роста доходов австралийских граждан. Рост уровня жизни населения на протяжении всего анализируемого периода происходил примерно одинаковыми темпами, без значительных колебаний.

Из всех анализируемых отраслей по уровню получаемых доходов сотрудников значительно выделяется горнодобывающая промышленность. Здесь оплата труда наемных работников в 1,5–2 раза выше, чем в целом по стране. Это отражает значение, которое имеет добыча

полезных ископаемых для экономики страны. Также к наиболее высокооплачиваемым отраслям можно отнести производство электроэнергии и осуществление коммунальных услуг, науку и наукоемкие технологии, а также финансы и страхование.

Сравнительный анализ граждан, работающих полную рабочую неделю, и граждан, находящихся на неполной рабочей неделе, выявил дискриминацию работодателями последних. Причем дискриминация, то есть заниженные тарифы оплаты труда, применяются в отраслях, где чаще и в большей мере используется труд совместителей и временных работников. К ним относятся розничная торговля, гостиничный бизнес и общепит, где часто используется труд студентов и лиц, совмещающих эту работу с основной деятельностью. Подобная дифференциация оплаты труда наемных сотрудников используется во многих странах мира.

Список источников:

1. Винокуров Е. Ф. О связи уровня безработицы с динамикой средней заработной платы // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 5. С. 931–944.
2. Гишкаева Л. Л. Человеческий капитал как важнейший фактор современного производства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 12–2. С. 216–221.
3. Гучмазова Д. А. Мировые тенденции дифференциации доходов населения // Статистика и Экономика. 2022. Т. 19. № 2. С. 36–42.
4. Демина К. М. Факторы, влияющие на заработную плату. Дифференциация заработной платы // Современное развитие экономических и правовых отношений. Образование и образовательная деятельность. 2015. № 14. С. 108–112.
5. Александрова Н. Р. Исследование уровня и качества жизни населения: монография. Ульяновск, 2022. 202 с.
6. Карпенко Е. М., Рассеко Ю. Ю. Качество жизни, уровень жизни и темп жизни: теоретические и методические аспекты // Труд. Профсоюзы. Общество. 2022. № 4 (78). С. 6–12.
7. Котенев А. Д., Жикривецкая Ю. В., Крыжевская Н. Н. Уровень жизни населения как фактор обеспечения экономической безопасности государства // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. 2023. № 1. С. 165–172.
8. Крышка В. И. Стоимостная природа заработной платы // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 4. С. 43–51.
9. Кузнецова К. А. Проблемы формирования личных доходов в современных условиях // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2021. № 23. С. 52–59.
10. Кулуева Ч.Р., Ташкулова Г. Б. Взаимосвязь показателей средней заработной платы и эффективность использования человеческого капитала // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 4. С. 171–174.
11. Маркарян О. О. Особенности приносящей доход деятельности личных фондов

// Молодой ученый. 2023. № 8 (455). С. 178–180.

12. Мирсаидова Ф. А. Доход населения - основной источник повышения уровня жизни населения // Молодежный вестник ИрГТУ. 2019. Т. 9. № 1. С. 106–111.

13. Мосолова О. В. Австралия: экономика роста // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 2. № 2 (51). С. 243–253.

14. Насырова Г. Ф. Заработная плата, ее функции и факторы, влияющие на формирование заработной платы // Инновационная наука. 2023. № 6–1. С. 92–94.

15. Петров П. Ю. Модель пропорционального перераспределения личных доходов // Экономика и социум. 2019. № 6 (61). С. 693–710.

16. Петровский А. В. Особенности социально-экономического развития Австралии в контексте российских проблем // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2009. Т. 11. № 1. С. 28–36.

17. Такмакова Е. В. Направления совершенствования политики доходов населения на базе системы социальной стандартизации в сфере «Доходы населения» // Управленческий учет. 2021. № 6–3. С. 751–759.

18. Лыгина Н. И., Рудакова О. В., Барабаш О. Д. Уровень жизни населения в системе управления трудовыми ресурсами: монография. Орёл, 2010. 114 с.

19. Чикалова И. Р. «Социальные лаборатории мира»: Австралия и Новая Зеландия в зеркале российских исследований (1850-е – 1917 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 10 (33). С. 44.

20. Beck M. Economic factors undermining national security: joint defence facility pine gap, Australia // RUDN Journal of Public Administration. 2020. Т. 7. № 2. С. 135–140.

References:

1. Vinokurov E. F. (2022) On the connection between the unemployment rate and the dynamics of average wages *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Vol. 9. No. 5: 931–944.

2. Gishkaeva L. L. (2022) Human capital as the most important factor in modern production *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. No. 12–2: 216–221 (In Russ.).

3. Guchmazova D. A. (2022) World trends in differentiation of incomes of the population *Statistika i Ekonomika* [Statistics and Economics]. Vol. 19. No. 2: 36–42 (In Russ.).

4. Demina K. M. (2015) Factors influencing wages. Wage differentiation *Sovremennoye razvitiye ekonomicheskikh i pravovykh otnosheniy. Obrazovaniye i obrazovatel'naya deyatel'nost'* [Modern development of economic and legal relations. Education and educational activities]. No. 14: 108–112 (In Russ.).

5. Aleksandrova N. R. (2022) Study of the level and quality of life of the population: monograph. Ulyanovsk, 202 p. (In Russ.).

6. Karpenko E. M., Rasseko Yu. Yu. (2022) Quality of life, standard of living and pace of life: theoretical and methodological aspects. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo* [Trud. Unions. Society]. No. 4 (78): 6–12 (In Russ.).

7. Kotenev A. D., Zhikrivetskaya Yu. V., Kryzhevskaya N. N. (2023) The standard of living of the population as a factor in ensuring the economic security of the state *Vestnik Kerchenskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kerch State Marine Technological University]. No. 1: 165–172 (In Russ.).

8. Kryshka V. I. (2019) Cost nature of wages *Ekonomika. Professiya. Biznes*. [Economics. Profession. Business]. No. 4: 43–51 (In Russ.).

9. Kuznetsova K. A. (2021) Problems of formation of personal income in modern conditions *Uchenyye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU* [Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU]. No. 23: 52–59.

10. Kulueva C. R., Tashkulova G. B. (2022) The relationship between average wages and the efficiency of using human capital]. *Nauka, novyye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana* [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. No. 4: 171–174 (In Russ.).

11. Markaryan O. O. (2023) Features of income-generating activities of personal funds *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. No. 8 (455): 178–180 (In Russ.).
12. Mirsaidova F. A. (2019) Income of the population is the main source of increasing the standard of living of the population *Molodezhnyy vestnik IrGTU* [Youth Bulletin of ISTU]. Vol. 9. No. 1. P. 106–111 (In Russ.).
13. Mosolova O. V. (2021) Australia: economics of growth *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* [Southeast Asia: current problems of development]. Vol. 2. No. 2 (51): 243–253 (In Russ.).
14. Nasyrova G. F. (2023) Salary, its functions and factors influencing the formation of wages *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. No. 6–1: 92–94 (In Russ.).
15. Petrov P. Yu. (2019) Model of proportional redistribution of personal income *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society]. No. 6 (61): 693–710 (In Russ.).
16. Petrovsky A. V. (2009) Features of the socio-economic development of Australia in the context of Russian problems *Aziatsko-tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific region: economics, politics, law]. Vol. 11. No. 1: 28–36 (In Russ.).
17. Takmakova E. V. (2021) Directions for improving the population income policy on the basis of the social standardization system in the field of «Population Income» *Upravlencheskiy uchet* [Management Accounting]. No. 6–3: 751–759 (In Russ.).
18. Lygina N. I., Rudakova O. V., Barabash O. D. (2010) Living standards of the population in the labor resources management system: monograph. Orel, 114 p. (In Russ.).
19. Chikalova I. R. (2014) Social laboratories of the world: Australia and New Zealand in the mirror of Russian research (1850s – 1917). *Istoriya* [History]. No. 10 (33): 44 (In Russ.).
20. Beck M. (2020) Economic factors undermining national security: joint defence facility pine gap, Australia *Zhurnal gosudarstvennogo upravleniya RUDN* [RUDN Journal of Public Administration]. Vol. 7. No. 2: 135–140.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Информация об авторе

И. В. Митрошин – кандидат экономических наук, ведущий аудитор ООО «Интернешнл Бизнес Консалтинг Групп».

Information about the author

I. V. Mitroshin – Candidate of Economic Sciences, Leading Auditor of LLC International Business Consulting Group.

Научная статья
УДК 339.9(470:510)
doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-30-38

Современные перспективы торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией

Цзоу Сютин

Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, Харбин, КНР
1296547601@qq.com

Аннотация. В настоящее время провинция Хэйлунцзян активизировала сотрудничество с Россией, добилась новых достижений и новых изменений в развитии экономики и торговли. Не только расширились масштабы торговли, оптимизировалась структура торговли, но и повысился уровень строительства транспортных каналов с Россией. Хотя провинция Хэйлунцзян достигла положительных результатов в развитии торгово-экономического сотрудничества с Россией, все еще существуют некоторые проблемы, сдерживающие углубление и повышение качества сотрудничества из-за влияния промышленной базы и международной ситуации.

Ключевые слова: Хэйлунцзян, Дальний Восток России, торгово-экономическое сотрудничество, экспортные и импортные операции

Для цитирования: Цзоу Сютин. Современные перспективы торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 30–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-30-38>

Original article

Modern prospects for trade and economic cooperation between Heilongjiang Province and Russia

Zou Xutin

The Heilongjiang Academy of social sciences, Harbin, China
1296547601@qq.com

Abstract. At present, Heilongjiang Province has intensified cooperation with Russia, achieved new developments and new changes in the development of economy and trade with Russia. Not only has the scale of trade with Russia expanded, the structure of trade has been optimized, but the level of construction of transport channels with Russia has also increased. Although Heilongjiang Province has achieved positive results in developing trade and economic cooperation with Russia, there are still some problems that hinder the deepening and improvement of the quality of cooperation with Russia due to the influence of the industrial base and the international situation.

Keywords: Heilongjiang, the Far East of Russia, trade and economic cooperation, export and import operations

For citation: Zou Xutin (2024) Modern prospects for trade and economic cooperation between Heilongjiang Province and Russia // Power and Administration in the East of Russia. № 1 (106): 30–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-30-38>

Текущее состояние торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян и России

Значительное увеличение объемов торговли

В 2022 г. объем торговли провинции Хэйлунцзян с Россией достиг рекордного уровня – 185,47 млрд юаней, увеличившись на 41,3% по сравнению с предыдущим годом. При этом как импорт, так и экспорт значительно выросли – на 39,5% и 61,7% соответственно (табл. 1). Торговля с Россией занимает все большую долю в общем объеме внешней торговли провинции (около 70%) и составляет 14,5% от общего объема торговли страны с Росси-

ей, занимая третье место в стране (табл. 2). Провинция Хэйлунцзян, хотя и имеет относительно большой объем торговли с Россией, но импорт из России по абсолютному преобладанию над экспортом выражен слабее, соотношение импорта и экспорта не сбалансировано, объем экспорта намного ниже, чем у провинций Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун и Цзянсу. Особенностью торговли провинции с Россией за последние два года является значительный рост экспорта, который с января по август 2023 г. увеличился на 83% и составил 17,37 млрд юаней; импорт сохранил нормальные темпы роста – 8,6% по сравнению с предыдущим годом, его

Таблица 1

Объем торговли провинции Хэйлунцзян с Россией

(единица измерения: 100 млн юаней)

Год	Импорт и экспорт		Импорт из России		Экспорт в Россию		Доля в провинции (%)	Доля в стране (%)
	Общая сумма	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%)	Общая сумма	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%)	Общая сумма	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%)		
2020	973,3	-23,4	878,1	-25,0	95,2	-5,0	63,3	13,0
2021	1313,4	34,8	1206,5	37,2	106,9	13,0	65,8	13,8
2022	1854,7	41,3	1682,0	39,5	172,7	61,7	69,9	14,5

Источник: Харбинская таможня. URL: http://harbin.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467901/index.html

Таблица 2

Топ-10 провинций (городов) в торговле Китая с Россией в 2022 г.

(единица измерения: 100 млн юаней)

Рейтинг	Провинция (город)	Объем торговли с Россией	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%)
1	Провинция Шаньдун	2046,8	61,0
2	Пекин	1896,9	42,4
3	Провинция Хэйлунцзян	1854,7	41,4
4	Провинция Чжэцзян	1284,7	16,3
5	Провинция Гуандун	1071,8	23,7
6	Провинция Цзянсу	809,1	16,1
7	Шанхай	603,5	18,2
8	Провинция Фуцзянь	500,7	47,4
9	Провинция Ляонин	359,1	25,9
10	Провинция Хэбэй	299,0	20,0

Источник: Управление коммерции провинции Хэйлунцзян.

объем составил 116,69 млрд юаней.

Дальнейшая оптимизация торговой структуры

1. Импорт из России

Провинция Хэйлунцзян всегда в основном импортировала энергоносители и сырье из России. В 2022 г. она импортировала сырую нефть и природный газ на общую сумму 144,56 млрд юаней (табл. 3), что составило 77,9% и 85,9% импорта и экспорта в Россию. Без учета нефтегазовых факторов стоимость импорта других товаров достигла 23,64 млрд юаней, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 12,1%. В 2022 г. количество сырой нефти, импортируемой провинцией Хэйлунцзян из России, увеличилось на 5% по сравнению с предыдущим годом (2,1% в 2021 г.), однако объем импорта вырос на 31,2% по сравнению с предыдущим годом (8,9% в 2021 г.), составив 70% от объема импорта из России. В основном это связано с ростом мировых цен на сырую нефть значительно выросли. В то же время Россия с 1 июля повысила экспортные тарифы на нефть, поэтому цена на импортируемую Китаем российскую нефть также постоянно растет.

Объем импорта природного газа из России в провинцию Хэйлунцзян составляет 26,73 млрд юаней, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 174,3% (в 2021 г. – на 121,4%), что составляет 15,9% от общего объема импорта. Импорт природного газа из России в провинцию Хэйлунцзян не только значительно увеличился в количественном отношении, но и вырос в цене. Тарифы на сжиженный

природный газ в России постоянно корректируются, и в то же время мировые цены на сжиженный природный газ в 2022 г. значительно выросли.

Провинция Хэйлунцзян импортировала из России 1,602 млн куб. м древесины (в 2021 г. – 3,822 млн куб. м), что на 58,1% меньше, чем в прошлом году, а стоимость импорта составила 1,27 млрд юаней, что на 61,6% меньше; объем импорта пиломатериалов составил 3,305 млн куб. м, что на 2,7% меньше, чем в прошлом году, а стоимость импорта – 4,92 млрд юаней, что на 3% больше, чем в прошлом году. Причиной значительного снижения импорта бревен является то, что с 1 января 2022 г. в России введен запрет на экспорт хвойных и ценных широколиственных бревен, кроме тополя и березы, другие сорта бревен не могут быть импортированы из России.

2. Экспорт в Россию

В 2022 г. объем экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию составил 17,27 млрд юаней, увеличившись на 61,7% по сравнению с предыдущим годом, что стало самым высоким показателем с 2015 г., а доля экспорта в торговле с Россией еще более возросла.

До 2022 г. провинция Хэйлунцзян экспортировала в Россию в основном трудоемкую продукцию с низкой добавленной стоимостью. В 2022 г. экспортируемая в Россию механическая и электротехническая продукция превзошла трудоемкие товары, такие как одежда, обувь и головные уборы, и вышла на первое место. Доля электромеханической продукции и

Таблица 3

Основные товары, импортируемые провинцией Хэйлунцзян из России

(единица измерения: 100 млн юаней)

Товары	2021 г.		2022 г.	
	количество	сумма	количество	сумма
Сырая нефть, 10 000 тонн	2830,2	898,3	2973,0	1178,3
Природный газ, 10 000 тонн	753,7	97,4	-	267,3
Древесина, 10 000 м ³	721,8	80,8	490,7	61,9
Железная руда, 10 000 тонн	331,2	35,6	454,4	35,7
Уголь, 10 000 тонн	313,7	18,7	342,7	28,0
Удобрения, 10 000 тонн	93,1	18,2	68,5	25,3
Зерно, 10 000 тонн	48,1	11,4	63,5	20,7
Целлюлоза и продукты из нее, 10 000 тонн	23,4	10,4	27,6	13,9

Источник: Управление коммерции провинции Хэйлунцзян.

Таблица 4

Основные товары экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию
(единица измерения: 100 млн юаней)

Товары	2021 г.	2022 г.
Электромеханическая продукция	25,2	63,1
Высокотехнологичная продукция	2,6	14,0

Источник: Управление коммерции провинции Хэйлунцзян.

высокотехнологичной продукции в объеме экспорта в Россию составила 36,5% и 8,1% соответственно, формируя новую точку роста экспорта в Россию. Структура экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию еще более улучшилась.

Электромеханическая продукция

В 2022 г. экспорт электромеханической продукции в Россию увеличился на 151,1% по сравнению с предыдущим годом. В том числе экспорт автомобилей и запасных частей составил 1,49 млрд юаней (410 млн юаней в 2021 г.), составив 23,6% экспорта электромеханической продукции.

В 2022 г. экспорт высокотехнологичной продукции в Россию увеличился на 530,9% по сравнению с предыдущим годом. Особенно заметным был рост экспорта компьютерной и коммуникационной продукции и электроники, который составил 850 млн юаней и 130 млн юаней соответственно, увеличившись за год на 1932,6% и 2381,2% соответственно. В основном это связано с санкциями, введенными странами Европы и Америки, что привело к дефициту российской электромеханической и высокотехнологичной продукции и переходу на импорт из Китая.

С января по август 2023 г. экспорт высокотехнологичной продукции и электромеханических изделий из провинции Хэйлунцзян в Россию увеличился в два раза, в 7,4 раз и в 5 раз по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.

Методы торговли с Россией и ее субъекты

Импорт и экспорт провинции Хэйлунцзян в Россию осуществляется в основном через общую торговлю и мелкую приграничную торговлю. Помимо импорта сырой нефти и природного газа, основным

видом торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией остается приграничная торговля. В структуре экспорта относительно большую долю занимает приграничная торговля, а в структуре импорта абсолютное преимущество имеет общая торговля.

С точки зрения субъектов торговли с Россией, провинция Хэйлунцзян имеет небольшое количество государственных предприятий в торговле с Россией, но, обладая мощной силой и большой долей в торговле с Россией, она является основной силой импорта; количество частных предприятий является преобладающим и относительно активным, что делает их основной силой экспорта в Россию.

Постепенно улучшаются двусторонние инвестиции

Сферы инвестиций и сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией прошли путь от начального инженерного подряда и трудового сотрудничества до нынешней промышленной кооперации в области энергетики, сельского и лесного хозяйства, нефтехимии, минерального сырья, торговли и логистики. По состоянию на конец 2022 г. в провинции было зарегистрировано 413 предприятий с фактическим объемом инвестиций в Россию 73,657 млн долларов США, что на 87,6%¹ больше, и инвестиционным фондом в 2,16 млрд долларов США. Доля прямых инвестиций в Россию составила 21,8% от общего объема, заняв одно из первых мест в стране. В 2023 г. в России насчитывалось 72 предприятия, занимающихся развитием сельского хозяйства в рамках сотрудничества с провинцией Хэйлунцзян, что сделало провинцию самой крупной в Китае по масштабам сельскохозяйственного сотрудничества с Россией. Российские предприятия уве-

¹ В 2022 г. объем внешнеторгового импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян достиг рекордного уровня в 265,15 млрд юаней. URL: <https://m.dbw.cn/heilongjiang/system/2023/02/07/059067599.shtml>

личили свое желание инвестировать и сотрудничать в провинции Хэйлуцзян. С января по август 2023 г. в провинции было создано 56 новых российских инвестиционных предприятий, что составило 37,8% от общего числа российских инвестиционных предприятий в провинции.

Большие достижения в строительстве транспортных переходов в Россию

В июне 2022 г. был открыт для движения автодорожный мост Благовещенск – Хэйхэ, а в ноябре 2022 г. – железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян. Проектная грузо- и пассажироёмкость портов провинции достигла 90 млн тонн и 25 млн человек. Эти два моста стали важными трансграничными транспортными каналами между Россией и Китаем. В настоящее время ведется строительство трансграничной канатной дороги Благовещенск – Хэйхэ, которое планируется завершить к 2025 г. и перейти к этапу опытной эксплуатации.² Реализация этого проекта позволит еще больше ускорить объединение транспортной инфраструктуры между Россией и Китаем.

Расширение и открытие портов провинции Хэйлуцзян позволило достичь значительных результатов. В 2022 г. объем грузоперевозок в порту достиг 52,09 млн т, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 10,1%. На базе портов Хэйхэ и Дуннин к ним добавились порты Суйфэньхэ и Тунцзян в качестве пограничных портов для импорта лекарственных средств. В настоящее время в Суйфэньхэ инвестировали и построили заводы многочисленные предприятия по переработке традиционной китайской медицины.³ С января по август 2023 г. объем грузоперевозок в порту вырос на 28,6% по сравнению с аналогичным пе-

риодом 2021 г., а время таможенного оформления импортных и экспортных грузов в порту заняло соответственно 9-е и 4-е места в стране.⁴

Проблемы экономического и торгового сотрудничества с Россией в провинции Хэйлуцзян

Небольшой вклад экономического и торгового сотрудничества с Россией в экономику провинции

Экономическое и торговое сотрудничество провинции Хэйлуцзян с Россией имеет большой удельный вес в стране, однако существуют долгосрочные структурные проблемы в экономическом и торговом сотрудничестве, недостаточная отраслевая поддержка торговли, отсутствие независимых брендов и флагманских продуктов, слабая международная конкурентоспособность. Структура торговли является единой и несбалансированной. В Россию экспортируется в основном сельскохозяйственная продукция с низкой добавленной стоимостью, овощи и т. п., на долю которых приходится около 10% экспорта, а на одежду, обувь и головные уборы — около 20% экспорта. Причем одежда, обувь и головные уборы, текстиль в основном закупаются в других провинциях, а доля товаров собственной торговой марки, экспортируемых в Россию, составляет менее 20% от всей экспортируемой в Россию продукции.

Основными статьями импорта из России являются товары, связанные с энергетикой и ресурсами. Объем импорта сырой нефти, природного газа, бревен, пиломатериалов, соевых бобов и железной руды составляет более 95% торгового импорта провинции из России, однако коэффициент переработки при ввозе низкий. Коэффициенты переработки сырой нефти и древесины состав-

² *Последний прогресс! Строительство трансграничной канатной дороги Благовещенск — Хэйхэ продвигается быстрыми темпами.* URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_23314260, 2023-06-01

³ *Первая партия импортного китайского лекарственного сырья поступила в страну через крупнейший порт провинции Хэйлуцзян с Россией.* URL: <https://www.chinanews.com/cj/2023/09-20/10081329.shtml>

⁴ *В 2022 г. объем внешнеторгового импорта и экспорта провинции Хэйлуцзян достиг рекордного уровня в 265,15 млрд юаней.* URL: <https://m.dbw.cn/heilongjiang/system/2023/02/07/059067599.shtml>

ляют около 15% и 40% соответственно. Провинция Хэйлунцзян обладает определенной промышленной базой в таких высокотехнологичных областях, как нефтехимия, машиностроение, авиастроение, автомобилестроение и робототехника, и ее потенциал в расширении сотрудничества с Россией требует изучения.

Усиление конкуренции со стороны других провинций

В настоящее время объем торговли Пекина и провинции Шаньдун с Россией превысил объем торговли провинции Хэйлунцзян, а доля провинции Хэйлунцзян в объеме национальной торговли с Россией снизилась с примерно 25% на пике до 14,5% в 2022 г. Если исключить объемы импорта сырой нефти и природного газа из Хэйлунцзянского трубопровода, то фактический объем торговли Чжэцзяна, Гуандуна, Цзянсу и других провинций с Россией значительно превышает объем торговли провинции Хэйлунцзян.

Низкий объем инвестиций и слабые субъекты инвестиционной деятельности

В последние годы объем инвестиций провинции Хэйлунцзян в Россию постепенно увеличивался, но из-за небольшой базы фактический годовой объем инвестиций все еще очень мал. После 2020 г. из-за эпидемии в пограничных портах между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России не было ни грузов, ни людей, что сильно повлияло на инвестиционную деятельность в России. По состоянию на конец 2022 г. фактический инвестиционный запас провинции в России не увеличился по сравнению с 2020 г. (2,24 млрд долл.)⁵. Инвестиционное сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией в основном сосредоточено в Дальневосточном регионе России, а в глубинке объем инвестиций ограничен. Основными инвесторами являются частные предприятия, которые, как правило, имеют небольшие масштабы, слабую прочность, слабую устойчивость к рискам

и не имеют возможности инвестировать в крупные проекты в России. Для повышения уровня экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией нельзя полагаться только на торговлю товарами. Необходимо увеличивать инвестиции и расширять масштабы и уровень сотрудничества за счет инвестиций.

Благоприятные условия в провинции Хэйлунцзян для углубления экономического и торгового сотрудничества с Россией

Стабильная экономическая ситуация в России создала условия для сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией

Несмотря на санкционное воздействие экономическое развитие России имело прочный фундамент самодостаточности, успешно отреагировало на западные санкции, постепенно адаптировалось к условиям экономического развития в условиях санкций и достигло положительного экономического роста. Россия обладает политической стабильностью и богатыми запасами сырьевых товаров, таких как энергоносители и продовольствие, которые могут обеспечить потребности экономического развития в условиях санкций. Россия обладает сильной способностью сопротивляться давлению, а ее экономика демонстрирует устойчивую тенденцию развития. Международное сообщество прогнозирует дальнейший рост российской экономики.

Российская политика поворота на Восток открывает возможности для сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и российским Дальним Востоком.

В настоящее время развитие России в западном направлении сильно заторможено, и Дальневосточный регион, благодаря своему особому географическому преимуществу – близости к Азиатско-Тихоокеанскому региону, стал передним краем ускоренного поворота на Восток, еще более укрепив свои позиции

⁵ В Харбине прошла конференция по прагматическому и инновационному развитию экономического и торгового сотрудничества с Россией провинции Хэйлунцзян. URL: <http://hlj.people.com.cn/n2/2021/0624/c220024-34792985.html>

в социально-экономическом развитии России. Китай уже много лет подряд сохраняет позиции крупнейшего торгового партнера и источника иностранных инвестиций на Дальнем Востоке и в сложившейся ситуации является надежным партнером России в развитии Дальнего Востока. В условиях санкций со стороны США и Запада Россия ускорила темпы своего поворота на Восток, и готовность российских местных органов власти и предприятий к сотрудничеству с Китаем значительно возросла. Сотрудничество на Дальнем Востоке с Китаем началось рано и имеет хорошую основу, все больше превращаясь в «окно» для связей и сотрудничества обеих сторон. Различные субъекты Российской Федерации на Дальнем Востоке проявляют большую готовность к сотрудничеству с Китаем, а готовность к сотрудничеству на корпоративном уровне становится еще более актуальной.

Между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России созданы полноценные трансграничные автомобильные, железнодорожные и другие сухопутные маршруты. Это еще больше подчеркивает роль Дальнего Востока как основного сухопутного транспортного канала между Россией и Китаем, а его значение в российско-китайской цепочке поставок становится еще более заметным. Кроме того, в провинции Хэйлунцзян есть группа предприятий и сотрудников, которые уже много лет работают в России и хорошо знают российский рынок. В сложившейся ситуации использование культурных связей хэйлунцзянских предприятий для оказания помощи южнокитайским предприятиям в осуществлении сотрудничества с Россией остается важным преимуществом.

Меры по углублению торгово-экономического сотрудничества с Россией в провинции Хэйлунцзян

Для того, чтобы провинция Хэйлунцзян стала лидером в стране по открытости для России и закрепила свои позиции в качестве крупной экономической и торговой провинции с Россией, необходимо решить следующие задачи.

Укрепление приграничного промыш-

ленного сотрудничества и создание российско-китайской системы приграничного промышленного сотрудничества

Реализация Плана российско-китайского сотрудничества и развития Дальнего Востока России на 2018–2024 гг., согласование с Концепцией развития Дальнего Востока России до 2035 г., проведение глубоких исследований целесообразности реализации ключевых проектов, ориентация предприятий на политику создания территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток, участие в трансграничном сотрудничестве по проектам освоения российских ресурсов, создание трансграничных промышленных цепочек в сельском хозяйстве, лесной, угольной и нефтехимической отраслях.

Повышение уровня строительства различных экономических и торговых платформ и повышение уровня экономического и торгового сотрудничества с Россией

Во-первых, ускорение строительства зон переработки импорта. Необходимо провести исследования и разработать политику поддержки импорта российского зерна, сельскохозяйственной и побочной продукции, расширить его масштабы, осуществлять глубокую переработку, оказывать политическую поддержку крупным предприятиям, имеющим земли для переработки.

Во-вторых, содействие строительству зон переработки экспортных потребительских товаров. Необходимо повышать производственный потенциал потребительских товаров в провинции Хэйлунцзян, поддерживать развитие механизмов стимулирования новых предприятий и проектов в зонах переработки, внедрять предприятия по переработке потребительских товаров в Гуандуне, Чжэцзяне и других регионах для сотрудничества с предприятиями в провинции Хэйлунцзян, уделять особое внимание развитию таких отраслей, как электронная информация, легкий текстиль, медицина, электромеханика, мебель и строительные материалы.

В-третьих, это содействие строитель-

ству зарубежных парков. Необходимо усилить руководство планированием, интегрировать существующие в России зарубежные парки и всемерно содействовать синхронному улучшению масштабов, промышленного уровня, имиджа парков и высококачественному строительству зарубежных парков.

Ускорение подключения инфраструктуры и построение логистической системы портовых каналов в Россию

Во-первых, это ускорение строительства новых трансграничных транспортных каналов. Следует ускорить процесс строительства пункта пропуска на острове Большой Уссурийский и трансграничной канатной дороги Благовещенск – Хэйхэ.

Во-вторых, содействие строительству

сухопутно-морских и речно-морских интермодальных транспортных каналов. Необходимо обеспечить активную связь с российским международным транспортным коридором «Приморье-1», поддержать нормальное функционирование сухопутного морского интермодального транспортного канала Харбин – Суйфэньхэ – Россия – Азия и наладить экспортный канал продукции из провинции Хэйлунцзян в море.

В-третьих, ускорение строительства воздушных переходов. Следует ускорить строительство харбинского международного авиационного грузового узла и международного логистического хаба, увеличить количество чартерных грузовых рейсов Харбин – Москва, а также в другие города России.

Список источников:

1. Цзоу Сютин. Анализ инвестиционной среды на Дальнем Востоке России на основе теории национальных конкурентных преимуществ // Исследования Сибири (Siberian Studies, Сиболия яньцзю). 2023. № 2.

2. Чжан Шу. Исследование вклада торговли с Россией в экономическое развитие провинции Хэйлунцзян // Экономика бизнеса (Commercial Economy, Шаньэ цзинцзи). 2023. № 6.

3. Цзян Фэй. Отчет об экономическом анализе провинции Хэйлунцзян. URL: <https://finance.sina.cn/zl/2023-10-27/zl-imzspazs5374254.d.html>

4. Статистическое бюро провинции Хэйлунцзян Национальный статистический бюллетень экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян за 2022 год. URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjj/c106779/202303/c00_31558382.shtml?eqid=f1df7f310006b5ef0000003644223e4

5. Цзян Чжэньцзюнь. Анализ ситуации экономического развития России под совместным воздействием западных санкций и эпидемии // Исследования Сибири (Siberian Studies, Сиболия яньцзю). 2022. № 4.

6. Тун Ифу. Исследование приграничной портовой торговли провинции Хэйлунцзян с Россией // Экономика бизнеса (Commercial Economy, Шаньэ цзинцзи). 2020. № 3.

References:

1. Zou Xiuting (2023) Analysis of the investment environment in the Russian Far East based on the theory of national competitive advantages *Issledovaniya Sibiri* [Siberian Studies (Siboliya Yanjiu)]. No. 2. (In Chinese).

2. Zhang Shu (2023) Study of the contribution of trade with Russia to the economic development of Heilongjiang Province *Ekonomika biznesa* [Business Economics (Shan'e Jingji)]. No. 6. (In Chinese).

3. Jiang Fei Economic Analysis Report of Heilongjiang Province. URL: <https://finance.sina.cn/zl/2023-10-27/zl-imzspazs5374254.d.html> (In Chinese).

4. Heilongjiang Provincial Statistics Bureau National Statistical Bulletin of Economic and Social Development of Heilongjiang Province 2022. URL: <http://tjj.hlj.gov.cn/tjj/>

c106779/202303/c00_31558382.shtml?eqid=f1df7f310006b5ef00000003644223e4 (In Chinese).

5. Jiang Zhenjun (2022) Analysis of the situation of economic development of Russia under the joint influence of Western sanctions and the epidemic *ssledovaniya Sibiri* [Siberian Studies (Siboliya Yanjiu)]. No. 4. (In Chinese).

6. Tong Yifu (2020) Study of border port trade between Heilongjiang Province and Russia *Ekonomika biznesa* [Business Economics (Shan'e Jingji)]. No. 3. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

Информация об авторе

Цзоу Сютин – старший научный сотрудник, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР.

Information about the author

Zou Xutin – senior researcher, the Institute of Russia of the Heilongjiang Academy of social sciences.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 69.003(571.63)

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-39-46

Развитие инвестиционно-строительного комплекса Приморского края

Сергей Васильевич Раевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

svraevsky@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития инвестиционно-строительного комплекса Приморского края. Предлагается определение инвестиционно-строительного комплекса региона как определенной совокупности хозяйствующих субъектов. Выделены факторы, ограничивающие развитие инвестиционно-строительного комплекса региона. Обосновывается необходимость стратегического планирования инвестиционно-строительного комплекса, что является важнейшим инструментом обеспечения его устойчивого развития. В статье выполнен среднесрочный прогноз динамики инвестиционно-строительного комплекса Приморского края в целях своевременного выявления и оценки проблем его функционирования, а также формирования адекватных механизмов государственной поддержки его развития.

Ключевые слова: экономика региона, инвестиционно-строительный комплекс, стратегическое планирование, среднесрочный прогноз, уравнение регрессии, метод наименьших квадратов

Для цитирования: Раевский С. В. Развитие инвестиционно-строительного комплекса Приморского края // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 39–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-39-46>

Original article

Development of the investment and construction complex of the Primorsky Territory

Sergey V. Raevskiy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

svraevsky@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of development of the investment and construction complex in the Primorsky Territory. It offers the definition of the investment and construction complex of the region as a certain set of economic entities and identifies the factors limiting the development of the investment and construction complex of the region. The need for strategic planning of the investment and construction complex, which is the most important tool for ensuring its sustainable development has been substantiated. The article makes a medium-term forecast of the dynamics of the Primorsky Territory investment and construction complex in order to identify and assess the problems of its functioning as well as to form adequate mechanisms of state support for its development.

Keywords: regional economy, investment and construction complex, strategic planning, medium-term forecast, regression equation, least squares method

For citation: Raevskiy S. V. (2024) Development of the investment and construction complex of the Primorsky Territory // Power and Administration in the East of Russia. . No. 1 (106): 39–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-39-46>

Сущность и состав инвестиционно-строительного комплекса региона

Под инвестиционно-строительным комплексом (далее – ИСК) региона целесообразно понимать совокупность хозяйствующих субъектов, а также институтов, которые принимают участие в процессах инвестирования, строительства, эксплуатации и использования объектов недвижимости, расположенных в конкретных региональных границах.

Состав регионального ИСК образуют следующие компоненты: инвесторы и заказчики, строительные предприятия; предприятия, снабжающие строительство материально-техническими ресурсами; проектно-изыскательские организации; научно-исследовательские, образовательные и инновационные организации; инвестиционная и рыночная инфраструктура; институциональные структуры [Нужина, 2009. С. 145–150].

«Ядром» ИСК региона являются строительные организации, играющие ключевую роль в процессе его функционирования и развития. Строительные предприятия – это предприятия со сложными межотраслевыми связями, их усилиями решаются задачи социального, экономического и технического характера, обеспечивается развитие экономики и социальной сферы конкретных субъектов Российской Федерации. Именно строительные предприятия непосредственно осуществляют реализацию строительных и инвестиционных программ и проектов в интересах бизнес-структур и жителей конкретной территории.

Предприятия строительной отрасли отличает высокая степень интеграции, которая заключается в том, что в рамках структуры одной компании выполняются проектные и строительные работы; привлечение инвестиционных ресурсов; деятельность по благоустройству; обслуживание построенных объектов недвижимости и т. д.

Б. Б. Хрусталева, Н. А. Шлапакова, С. Ю. Глазкова в структуре ИСК региона выделяют три крупных блока:

«1) собственно строительная индустрия;

2) группа отраслей, обеспечивающих строительное производство материальными ресурсами, а именно промышленность строительных материалов и промышленность строительных конструкций и деталей;

3) инфраструктурный блок, обеспечивающий функционирование ИСК, представленный следующими организациями: научно-исследовательские институты; высшие и средние учебные заведения, подготавливающие кадры для строительной отрасли; банки и страховые организации, риэлтерские фирмы и др. [Инвестиционно-строительные..., 2016]»

Основной целью функционирования ИСК региона является «создание на его территории законченных строительных объектов, представляющих собой инфраструктуру для организации процессов жизнедеятельности населения региона во всем многообразии, ее составляющих» [Асаул, Грахов, 2007].

Инвестиционно-строительный комплекс Приморского края

ИСК Приморского края представлен широким кругом строительных, подрядных, проектно-изыскательских организаций, предприятий по производству стройматериалов и стройиндустрии, а также довольно хорошо развитой инвестиционной и рыночной инфраструктурой.

Объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в экономику Приморского края в 2022 г. составил 327,9 млрд рублей или 113,1% к уровню 2021 г. в сопоставимых ценах (табл. 1).

В строительном комплексе края 25 инвестиционных проектов на сумму 256 млрд рублей получили статус приоритетных и право на предоставление мер го-

сударственной поддержки. Развитие ИСК Приморского края, оцененное по динамике вида экономической деятельности «Строительство», на протяжении последних лет демонстрировало следующие тенденции (табл. 2).

В период с 2018 г. по 2022 г. имела место позитивная динамика вида деятельности «Строительство» как в абсолютном, так и в относительном выражении. «Факторами, традиционно обуславливающими развитие отрасли строительства на Дальнем Востоке, выступают такие как: наличие существенных объемов ветхого жилого фонда, недостаточная обеспеченность жильем населения региона, слабое развитие дорожной сети и сопутствующей инфраструктуры, изношенность коммуникаций и др. Ограничивают развитие отрасли недостаточные доходы населения и политика в области ипотечного кредитования. Следует отметить, что строительная отрасль развивается не только за счёт строительства жилого фонда, но и за счёт возведения крупных промышленных объектов, которые обеспечивают дополнительные рабочие места экономике края, способствуют развитию инфраструктуры» [Стовбун, 2023. С. 129–133].

По состоянию на 01.01.2023 г. на территории Приморского края «функционировали 4026 строительных организаций,

что составляет 11% от общего числа организаций, и 1670 индивидуальных предпринимателей в сфере строительства. Среднесписочная численность работников составила 24,1 тыс. чел., или 4,4% общей численности занятого в экономике населения. Проблема заключается в том, что в структуре занятых в строительной отрасли края весомую долю занимают мигранты, имеющие невысокую квалификацию. По этой причине при значительном количестве строительных предприятий в крае отмечаются довольно низкие значения средней списочной численности работников» [Ушакова, 2009. С. 42–44].

Отметим, что ИСК Приморского края является одним из лидеров процесса цифровизации в Дальневосточном регионе. В конце 2022 г. введена в эксплуатацию Цифровая платформа управления объектами капитального строительства на базе сервиса «Платформа Строительных Сервисов». Платформа является инструментом, обеспечивающим взаимодействие всех участников строительного процесса как внутри региона, так и за его пределами.

Прогноз развития инвестиционно-строительного комплекса Приморского края (2024–2026 гг.)

Стратегическое планирование ИСК региона является важнейшим инструментом обеспечения его устойчивого

Таблица 1

Структура инвестиций в основной капитал (в действовавших ценах, млн рублей)

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал	144523,3	182119,2	229460,5	253355,6	327859,7
В % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	103,6	117,2	112,4	101,2	113,1

Источник: Приморский статистический ежегодник : Комплексный сборник // Приморскстат. Владивосток, 2023. 301 с.

Таблица 2

Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» (в действовавших ценах, млн рублей)

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Объем работ	71887,3	96895,0	116789,7	123638,5	154120,9

Источник: Приморский статистический ежегодник : Комплексный сборник // Приморскстат. Владивосток, 2023. 301 с.

развития и решения специфических проблем конкретного региона. В «Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года»¹ развитие инвестиционно-строительного комплекса является важнейшим условием реализации стратегических приоритетов края в части обеспечения условий для прекращения оттока населения, обеспеченность современным жильем со всеми жилищно-коммунальными и информационными услугами, а также комплексом социальных и бытовых услуг современного качества является фактором закрепления населения на территории края.

В рамках достижения стратегической цели развития ИСК региона необходимым условием является определение интегральных индикаторов: ввод в действие дошкольных образовательных организаций; объем работы, выполненных по виду деятельности «Строительство»; ввод в действие жилых домов. Индикаторы достижения стратегической цели характеризуют данный комплекс как межотраслевой кластер и определяют его роль в региональной экономике [Белоусова, 2010].

В этом плане целесообразным представляется использование таких показателей, как «Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»», «Ввод в действие жилых домов» и «Ввод в действие дошкольных образовательных организаций». Указанные показатели формируют систему необходимых, но недостаточных индикаторов, позволяющих отслеживать динамику развития строительного комплекса в целом, а также по ключевым его направлениям: обеспеченность населения жильем и обеспеченность населения объектами социальной инфраструктуры.

С учетом стратегической цели развития ИСК Приморского края возможно определить ключевые приоритеты его деятельности (рис. 1):

Важное значение имеет представление о тенденциях развития инвестиционного комплекса региона на ближайшие годы.

Построение среднесрочного прогноза динамики ИСК Приморского края осуществляется в целях своевременного выявления и оценки проблем его функционирования и формирования адекватных механизмов государственной поддержки его развития.

Среднесрочный прогноз развития ИСК был разработан на три года – на период 2024–2026 гг.; при этом в процессе прогнозирования использованы данные официальной статистической отчетности за 2018–2022 гг. и оценка показателя в 2023 г. Исследование перспектив развития ИСК края осуществлено с использованием комплекса экономико-математических моделей, позволяющих прогнозировать динамику показателей за предшествующий период и осуществлять моделирование по одномерному временному ряду.

В качестве ключевого метода использован метод наименьших квадратов (МНК), сущность которого состоит в построении функции, обеспечивающей минимизацию суммы квадратических отклонений между наблюдаемыми и расчетными величинами [Невская, 2020]. Расчетные величины находятся по выбранному уравнению – уравнению регрессии. Чем меньше расстояние между фактическими значениями и расчетными, тем более точен прогноз, построенный на основе уравнения регрессии. Формула метода наименьших квадратов выглядит следующим образом:

$$Y_{t+1} = ax + b,$$

где $t + 1$ – прогнозный период;
 Y_{t+1} – прогнозируемый показатель;
 a и b – коэффициенты;
 x – условное обозначение времени.

Охарактеризованный метод оптимально подходит для прогнозирования процессов, описываемых медленно меняющимися кривыми с небольшой шумовой компонентой [Кольцов, 2015]. Поскольку период прогнозирования динамики строительного комплекса региона не превышает трех лет, использование

¹ Постановление Администрации Приморского края от 28 декабря 2018 года № 668-па «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322279?ysclid=lr5wpjh68i714805879>

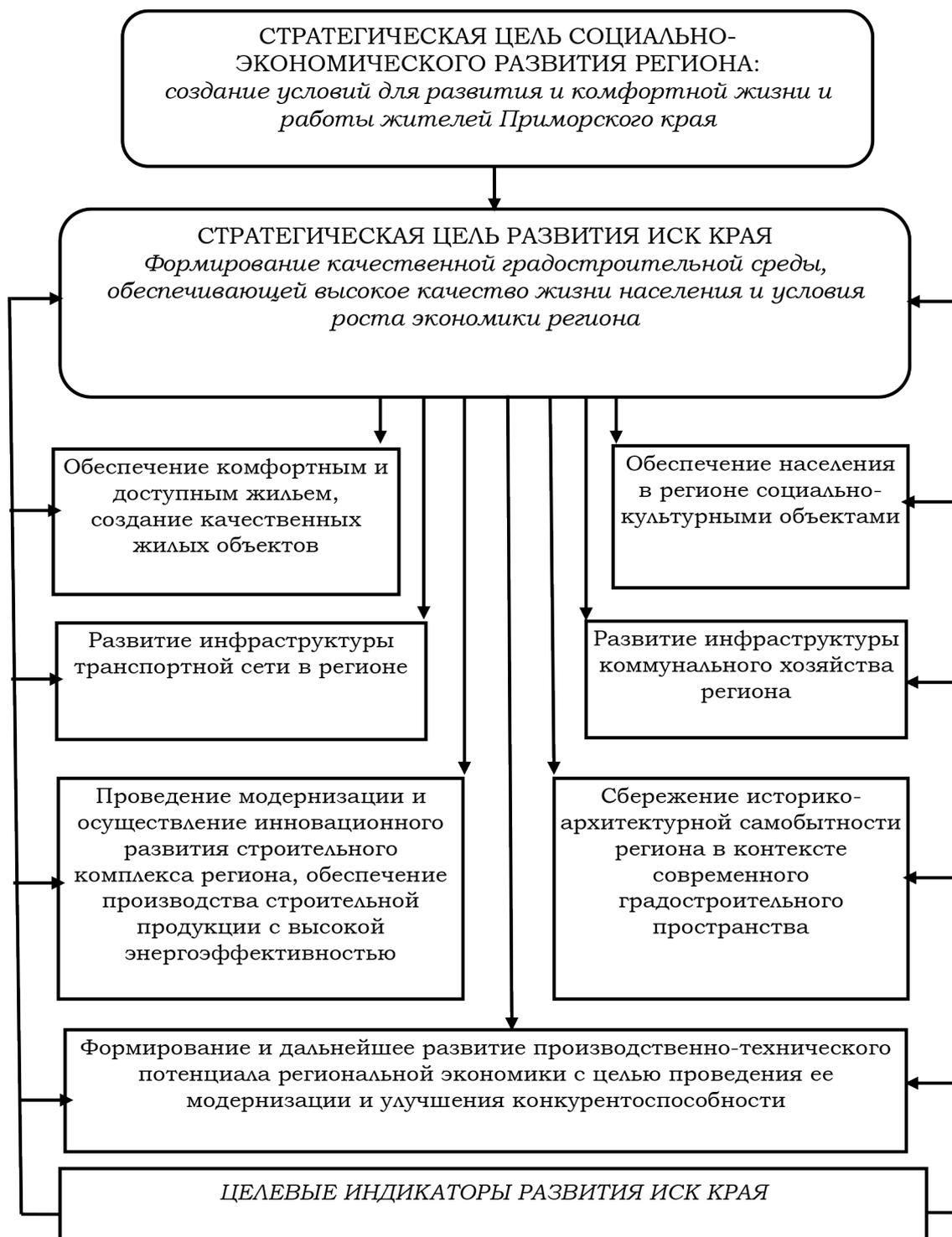

Рис. 1. Стратегические цели и приоритеты развития строительного комплекса региона

метода МНК позволит получить достаточно достоверные результаты, которые могут быть положены в основу формирования стратегии развития строительного комплекса региона и обоснования

ее приоритетных направлений.

Построение прогноза предполагает проверку его качества по критериям точности и отсутствия смещения. С этой целью рассчитываются ошибки МРЕ и

МАРЕ [Невская, 2020].

МРЕ – средняя процентная ошибка – показатель, позволяющий оценивать смещение прогноза. Чем ближе ее величина к нулю, тем меньше смещен прогноз. Формула для расчета показателя:

$$MPE = \frac{1}{n} * \sum \frac{(y_i - y_{пр})}{y_i} * 100\% .$$

МАРЕ – это средняя абсолютная процентная ошибка, определяется по формуле:

$$MAPE = \frac{1}{n} * \sum \frac{|y_i - y_{пр}|}{y_i} * 100\% .$$

Интерпретация значений показателя МАРЕ: если ошибка меньше 10% – речь идет о высокой точности прогноза, попадание ошибки в интервал 10–20% свидетельствует о хорошей точности прогноза, 20–50% – удовлетворительная точность прогноза, если значение ошибки превышает 50%, то речь следует вести о неудовлетворительной точности прогноза [Садовникова, Шмойлова, 2016].

Также для получения целостного представления о качестве прогноза рассчитывается показатель точности прогноза – FA по формуле:

$$FA = 100 - MAPE .$$

Основным показателем, в отношении которого осуществлена разработка прогноза, выступает показатель «Объем работ, выполненных по виду деятельности

«Строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.».

Исходный ряд представлен в таблице 2, прогнозные оценки – на рисунке 2.

Для разработки прогноза была сформирована трендовая модель (коэффициент детерминации равен 0,97), которая имеет вид:

$$y = 19121 * x + 55303 .$$

Ошибки прогноза составили: МРЕ = 6,26% – означает, что прогноз смещен не существенно; МАРЕ = 8,17%, что свидетельствует о достаточно высокой точности прогноза – 91,83%.

Согласно прогнозу, в среднесрочной перспективе в Приморском крае показатель объемов работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», проявит тенденцию к росту: в результате в 2024 г. объемы ввода предположительно составят 184945,08 млн руб., в 2025 г. – 212686,84 млн руб., в 2026 г. – 233955,52 млн руб. Следует ожидать, к концу прогнозного периода темп роста показателя замедлится до 1,1%.

Позитивная динамика показателя в исследуемый период объясняется тем, что именно на 2024–2026 гг. приходится окончание строительства и ввод в эксплуатацию целого комплекса объектов строительной отрасли края, прежде всего объектов промышленного назначения, сроки строительства которых были увеличены в результате воздействия на отрасль огра-

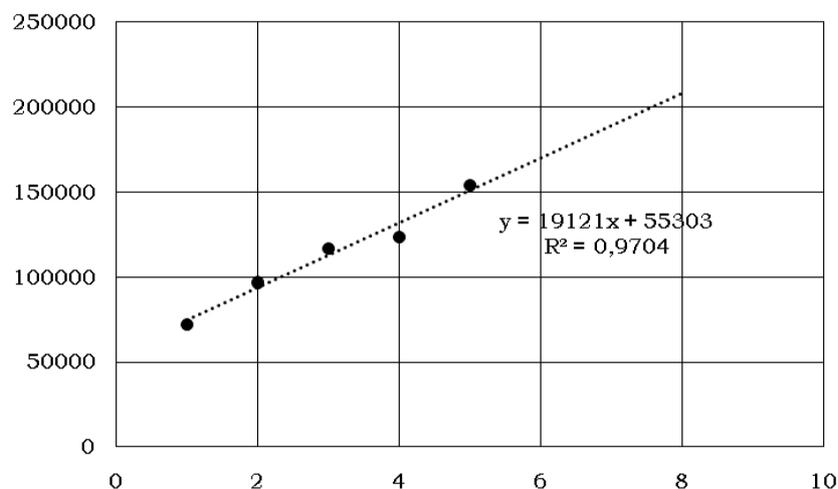

Рис. 2. Среднесрочный прогноз объемов работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.

ничений, связанных с COVID-19.

Значительное число объектов находится в промышленном парке «Большой камень», на строительство которого Правительство Приморья привлекло бюджетный кредит в размере 1,2 млрд рублей [Олег Кожемяко..., 2022]. В настоящее время в парке осуществляется ввод в действие основных фондов компаний по производству строительных материалов, металлоконструкций, сборке станков, в частности «Технониколь – Приморье», «Станкомашстрой» и др. В 2022 г. в крае началось строительство 13 новых больниц, поликлиник и амбулаторий, сроки окончания которого определены 2025 г. Вместе с тем самый низкий темп динамики показателя следует ожидать в 2024 г., поскольку именно на это время «попадает» действие целого ряда факторов, дестабилизирующих развитие отрасли, среди которых замедление динамики доходов населения, повышение цен на строительные материалы, «выстраивание» новых логистических маршрутов вследствие ограничений на импорт, наложенных в

результате санкционной политики стран «коллективного Запад»? и др.

Полученные прогнозные оценки в целом отражают наиболее вероятные тенденции в динамике отрасли «Строительство» в РФ, определенные в «Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года»². Таким образом, можно утверждать, что составленный прогноз обладает достаточно высокой точностью, соответствует реальности, согласован с имеющимися социально-экономическими прогнозами и пригоден для целей практического использования.

Итоги прогнозирования представлены в таблице 3.

В целом выполненный прогноз позволяет предположить преобладание благоприятных тенденций в развитии ИСК Приморского края, прежде всего, речь идет о положительной динамике показателя объемов работ, выполненных по виду деятельности «Строительство».

Таблица 3

Прогнозные оценки показателей развития инвестиционно-строительного комплекса Приморского края

Показатель	2024 г.	2025 г.	2026 г.
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.	184945,08	212686,84	233955,52

Источник: составлено автором.

Список источников:

1. Асаул А. Н., Грахов В. П. Интегративное управление в инвестиционно-строительной сфере. СПб.: «Гуманистика». 2007. 248 с.
2. Белоусова Л. С. Устойчивое развитие строительного комплекса в регионе. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. 2010. 312 с.
3. Инвестиционно-строительные комплексы: теория и практика создания и развития: коллективная монография / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Б.Б. Хрусталева и канд. экон. наук Ю. С. Артамоновой. Пенза: ПГУАС, 2016. 127 с.
4. Кольцов С. Н. Методы и модели анализа прогнозирования экономических моделей, 2015. URL: // linis.hse.ru/data/2015/02/25/1090542476/
5. Невская Н. А. Макроэкономическое планирование и прогнозирование в 2 ч. Часть 1: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. М.: Издательство Юрайт, 2020. 310 с.

² Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430333/?ysclid=lcry9723rb407467567

6. Нужи́на И. П. Региональный инвестиционно-строительный комплекс как система и объект эколого-экономического регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2. С. 145–150.
7. Олег Кожемяко представил Заксобранию доклад о работе Правительства Приморья в 2022 году. Стенограмма. URL: <https://primorsky.ru/news/282310/>
8. Садовникова Н. А., Шмойлова Р. А. Анализ временных рядов и прогнозирование. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. 218 с.
9. Стовбун Ю. С. Направления развития предпринимательства в строительной сфере Дальнего Востока: актуальные проблемы и перспективы развития // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 129–133.
10. Ушакова В. Приморский край: масштабы и тенденции трудовой миграции населения // Человек и труд. 2009. № 7. С. 42–44.

References:

1. Asaul A. N., Grakhov V. P. (2007) Integrative management in the investment and construction sector. SPb.: "Humanistics". 248 p. (In Russ.).
2. Belousova L. S. (2010) Sustainable development of the construction complex in the region. SPb.: Publishing house SPbGUEF. 312 p. (In Russ.).
3. Investment and construction complexes: theory and practice of creation and development: collective monograph / edited by. ed. Doctor of Economics sciences, prof. B.B. Khrustaleva and Ph.D. econ. Sciences Yu.S. Artamonova. – Penza: PGUAS, 2016. 127 p. (In Russ.).
4. Koltsov S. N. (2015) Methods and models for analyzing forecasting economic models. URL: [// linis.hse.ru/data/2015/02/25/1090542476/lecture...](http://linis.hse.ru/data/2015/02/25/1090542476/lecture...)(In Russ.)
5. Nevskaya N. A. (2020) Macroeconomic planning and forecasting in 2 hours. Part 1: textbook and workshop for universities. 2nd ed., rev. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 310 p. (In Russ.).
6. Nuzhina I. P. (2009) Regional investment and construction complex as a system and object of environmental and economic regulation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 2: 145–150. (In Russ.).
7. Oleg Kozhemyako presented a report to the Legislative Assembly on the work of the Primorye Government in 2022. Transcript. URL: <https://primorsky.ru/news/282310/> (In Russ.).
8. Sadovnikova N. A., Shmoilova R. A. (2016) Analysis of time series and forecasting. M.: Moscow Financial and Industrial University "Synergy". 218 p. (In Russ.).
9. Stovbun Yu. S. (2023) Directions for the development of entrepreneurship in the construction sector of the Far East: current problems and development prospects *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. No. 46 (493): 129–133. (In Russ.).
10. Ushakova V. (2009) Primorsky Krai: scale and trends of labor migration of the population *Chelovek i trud* [Man and labor]. No. 7: 42–44. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

Информация об авторе

С. В. Раевский – доктор экономических наук, профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

S. V. Raevskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Business and Business Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Научная статья

УДК 338.23(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-47-57

Актуальные вопросы функционирования территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе

Ольга Владимировна Кулагина¹, Ирина Ивановна Серова²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² АО «Корпорация развития Дальнего Востока Хабаровск», Хабаровск, Россия

¹ belkyl@yandex.ru

² info.khab@erdc.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности такого инструмента стратегического пространственного планирования на Дальнем Востоке, как территории опережающего развития (ТОР). Представлено распределение созданных ТОР по субъектам Дальневосточного федерального округа и выявлены предпосылки создания и отличительные черты территорий опережающего развития. Показаны особенности формирования ТОР в Дальневосточном федеральном округе в отраслевом разрезе, проанализирована динамика показателей эффективности функционирования, выявлены лидеры и аутсайдеры по достижению плановых показателей по объему инвестиций и количеству рабочих мест. Определена роль иностранных инвесторов и результаты их деятельности в развитии Дальнего Востока в рамках ТОР. Обозначены факторы, тормозящие функционирование и развитие ТОР в Дальневосточном федеральном округе и в том числе в Хабаровском крае. Подведены итоги девятилетнего периода функционирования территорий опережающего развития на Дальнем Востоке, определены стратегические ориентиры регионального развития. Представлены эффекты функционирования территорий опережающего развития Хабаровского края, проанализирована структура источников финансирования, выявлены проблемы и ограничения функционирования.

Ключевые слова: Дальний Восток, стратегическое развитие территории, территории опережающего развития, эффективность функционирования территорий опережающего развития

Для цитирования: Кулагина О. В., Серова И. И. Актуальные вопросы функционирования территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 47–57. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-47-57>

Original article

Current issues of functioning of territories of advanced development in the Far Eastern Federal District of Russia

Olga V. Kulagina¹, Irina I. Serova²

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

² JSC «Far East Development Corporation Khabarovsk», Khabarovsk, Russia

¹ belkyl@yandex.ru

² info.khab@erdc.ru

Abstract. This article studies features of implementation of such instrument for strategic spatial planning in the Russian Far East as territories of advanced development (TAD). The authors present the stratification of created TAD within subjects of the Far Eastern Federal District and identify prerequisites for TAD creation and its distinctive features. The authors also show features of the formation of TAD in the Far Eastern Federal District in the sectoral context, analyze the performance dynamics of TAD functioning indicators, and identify leaders and outsiders in achieving planned targets in terms of investment and number of provided jobs. As well, the role of foreign investors and results of their activities in the development of the Russian Far East within TAD are determined. The factors hindering functioning and development of TAD in the Russian Far East in general and in the Khabarovsk Territory in particular are identified. The authors of the article summarize the results of the nine-year period of functioning of TAD in the Russian Far East, define strategic guidelines for regional development. The effects of functioning of TAD of the Khabarovsk Territory are presented, the structure of funding sources is analyzed, functioning problems and obstacles are identified.

Keywords: Far East, strategic territorial development, territories of advanced development, efficiency of functioning of territories of advanced development

For citation: Kulagina O. V., Serova I. I. (2024) Current issues of functioning of territories of advanced development in the Far Eastern Federal District of Russia // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 47–57. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-47-57>

Актуальность создания ТОР на Дальнем Востоке

В 2013 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным развитие Дальнего Востока объявлено национальным приоритетом на весь XXI век, объясняя это тем, что потенциал макрорегиона значителен и должен быть конвертирован в ускорение его собственного развития, а также в устойчивый экономический рост Российской Федерации в целом.

Документы стратегического планирования федерального уровня определяют миссию государственной политики на Дальнем Востоке как создание глобально конкурентоспособных условий инвестирования и ведения бизнеса, за которыми в регион придут необходимые для его опережающего экономического развития частные инвестиции, что сформирует новые рабочие места и новое качество социальной сферы, а также привлекательные условия для жизни людей и уве-

личивающие количество экономических связей внутри региона¹. Правительство РФ с 2015 г. активизирует такой инструмент стратегического пространственного планирования как проекты по созданию территорий опережающего развития (далее – ТОР)², называя их «точками роста», конкурентными преимуществами. Благоприятный зарубежный опыт (в частности, во Франции, КНР, Республике Корея, Тайване, Сингапуре, Таиланде, Малайзии) использования данной формы государственно-частного партнерства послужил толчком для трансляции его в деле привлечения крупных частных инвестиций в первую очередь на территории Дальнего Востока, особенно нуждающейся в масштабных инвестициях [Kulagina, 2022. Pp. 587–594].

Попытки установления особых правовых режимов ведения предпринимательской деятельности в границах отдельных территориальных образований разного

¹ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 года № 2464-р (ред. от 29.11.2023) <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf>

² О территориях опережающего развития в Российской Федерации ФЗ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 10.07.2023г. № 305-ФЗ) <http://www.consultant.ru>

уровня предпринимались и ранее [Леонов, 2017. С. 41–67], однако они не привели к глобальному прорыву в демографической ситуации, не произошло изменения восприятия этой территории как зоны более привлекательной для жизни или сопоставимой в привлекательности для жизни по сравнению с другими федеральными округами.

Учитывая столь неоднозначные последствия подобных экспериментов, определенный интерес представляет оценка промежуточного эффекта от создания ТОР в наиболее экономически проблемном и финансово уязвимом дальневосточном макрорегионе.

Итоги функционирования ТОР в субъектах Дальневосточного федерального округа за период 2015–2022 гг.

В настоящее время действует 20 ТОР в 10 регионах Дальнего Востока: в Приморском крае – 4 ТОР («Большой камень», «Михайловский», «Надеждинская», «Находка»); в Хабаровском крае – 3 ТОР («Хабаровск», «Комсомольск», «Николаевск»); в Амурской области – 1 ТОР («Амурская»); в Сахалинской области – 3 ТОР («Южная», «Горный воздух», «Курилы»); в Республике Саха (Якутия) – 2 ТОР («Южная Якутия», «ИП «Кангалассы»); в Еврейской автономной области (ЕАО) – 1 ТОР («Амуро-Хинганская»); в Чукотском автономном округе (ЧАО) – 1 ТОР («Чукотка»); в Респу-

блике Бурятия – 2 ТОР («Бурятия», «Селенгинск»); в Забайкальском крае – 2 ТОР («Забайкалье», «Краснокаменск»); в Камчатском крае – 1 ТОР («Камчатка»)³.

Большинство созданных ТОР прошли начальный этап развития (5–6 лет) и должны вносить вклад в социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), рисунок 1.

С 2015 г. по 2022 г. резидентами ТОР проинвестировано в экономику ДФО более 2 000 млрд рублей и фактически создано более 55 тыс. рабочих мест, что составляет 43,6% и 45,9% соответственно от заключенных Соглашений.

По числу резидентов ТОР в 2023 г. лидирует Приморский край (147), т. к. в крае располагается 4 ТОР (самое большое количество), на второй и третьей позициях – Камчатский край (126) и Хабаровский край (92) соответственно. Однако лидирующее положение по количеству резидентов не гарантирует лидирующее положение по выполнению заявленных резидентами Соглашений по объему инвестиций (Приморский край и Камчатский край – в аутсайдерах).

Наибольший объем заявленных по Соглашениям инвестиций – в Амурской области, а также по объему фактически вложенных инвестиций (процент выполнения плана – 71,5, второе место после Республики Саха (Якутия), хотя в респу-

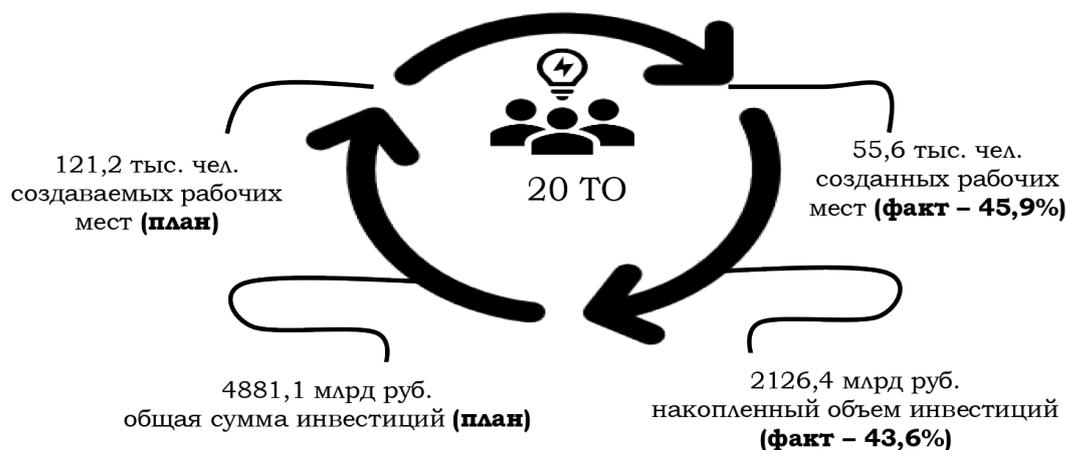

Рис. 1. Степень выполнения соглашений резидентами за период 2015–2022 гг.

³ Составлено по данным Минвостокразвития России [сайт] URL: <https://zakonvostok.minvr.gov.ru/business/tor/>

Таблица 1

Показатели эффективности функционирования ТОР в субъектах ДФО

ТОР в регионах	Количество резидентов	Инвестиции, план, в млрд руб.	Инвестиции, факт., в млрд руб.	% выполнения	Рабочие места, план, ед.	Рабочие места, факт., ед.	% выполнения
Приморский край	147	1 554,5	279,7	18	47 041	18 317	38,9
Камчатский край	125	129,9	38,4	29,6	13 037	5 601	43
Амурская область	40	1 854,2	1 325,2	71,5	7 086	5 878	83
Хабаровский край	92	219,1	117,6	53,7	11 010	5 828	52,9
Сахалинская область	51	56,8	29,2	51,4	5 321	3 072	57,7
Республика Саха (Якутия)	60	127,7	91,5	71,7	12 902	8 773	68
ЕАО	3	8,1	5,4	66,7	436	264	60,6
ЧАО	65	609,8	93,9	15,4	9 850	2 029	20,6
Республика Бурятия	15	8,5	2,7	31,8	1 024	249	24,3
Забайкальский край	45	312,5	142,8	45,7	13 508	5 590	41,4
Всего	643	4 881,1	2 126,4	43,6	121 215	55 601	45,9

Источник: составлено авторами по данным АО «КРДВ», данные по состоянию на март 2023 г.⁴

блике объемы заявленных и фактически вложенных инвестиций не велики по сравнению с Амурской областью).

Достижение плановых значений по заключенным Соглашениям по объему вложенных инвестиций и по количеству созданных рабочих мест выше 50% в 5 регионах: Амурская область, Хабаровский край, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), ЕАО.

Приморский край лидирует по количеству создаваемых рабочих мест, заявленных по Соглашениям (47 041) и фактически созданным (18 317), но процент выполнения плана низкий (38,9%; ниже только ЧАО (20,6%) и Республика Бурятия (24,3%)).

Находясь на 2 месте среди субъектов ДФО по планируемым и фактическим объемам вложенных инвестиций резидентами ТОР, Приморский край имеет низкую степень выполнения плановых значений по заключенным Соглашениям – 18% (ниже только ЧАО – 15%).

Чукотский автономный округ – в аутсайдерах по степени выполнения плановых значений по заключенным Соглаше-

ниям и по объему вложенных инвестиций, и по количеству созданных рабочих мест.

Высокие показатели эффективности функционирования демонстрируют ТОР в Амурской области, которая лидирует по количеству заявленных и фактически вложенных резидентами инвестиций, наивысший процент выполнения плана по количеству созданных рабочих мест (83%), что напрямую свидетельствует о качественном стратегическом региональном управлении.

По количеству инвестиций и рабочих мест ТОР Хабаровского края занимают пятую позицию в рейтинге. Резидентами по 92 инвестиционным проектам заявлено 219,1 млрд рублей, из них в экономику Хабаровского края вложено более 117,6 млрд рублей инвестиций (53,7%); создано 5,8 тыс. рабочих мест (52,9%) из 11,0 тыс. заявленных по Соглашениям (табл. 2).

Популярность ТОР на Дальнем Востоке и Хабаровском крае среди представителей бизнес-сообщества растет, что заметно по устойчивому росту числа заключенных Соглашений и увеличению общего объема инвестиций в инвестици-

⁴ Составлено по данным Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики [сайт] URL: <http://erdc.ru> О ТОРax (данные на март 2023 г.)

Таблица 2

Показатели эффективности функционирования ТОР в Хабаровском крае, 2022 г.

ТОР Хабаровского края	Инвестиции, млн руб.		Рабочие места, ед.	
	План	Факт	План	Факт
ТОР «Хабаровск» (57 резидентов)	37 944,6	15 822,8	3 623	1 748
ТОР «Комсомольск» (26 резидентов)	184 987	98 975,2	6 174	3 247
ТОР «Николаевск» (9 резидентов)	7 229	2 802	1 213	833

Источник: составлено авторами по данным АО «КРДВ Хабаровск»⁵

онные проекты.

Темп прироста количества резидентов ТОР в 2022 г. по сравнению с 2018 г. составил 130%, фактического объема инвестиций – 1020% (рис. 2).

В то же время имеют место расторжения соглашений: всего расторгнуто 37 соглашений с резидентами ТОР на общую сумму заявленных инвестиций – 85 286 млн рублей с количеством заявленных рабочих мест – 5 340 ед.

Причинами расторжения соглашений являются: 70% случаев – в связи с отсутствием финансирования, 26% случаев – по суду в связи с неисполнением обязательств по предоставлению результатов инженерных изысканий и проектной документации, отчетов резидентов, 4% случаев расторжения – в связи с ликвидацией юридического лица.

В 2020–2021 гг. темп прироста резидентов снизился по сравнению с 2019 г. ввиду экономических последствий ограничительных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, а также в связи с изменениями в конце 2020 г. в Земельном кодексе РФ, в рамках которых прекратила действие норма по предоставлению земельных участков резидентам без проведения торгов.

Учитывая экономико-географическое расположение территории ДФО, через которую выстраиваются все логистические цепочки и формируются связанные с этим конкурентные преимущества, бизнес достаточно хорошо представляет себе экономический потенциал восточных рубежей нашей страны.

ДФО является не только богатейшей с точки зрения ресурсов территорией, но и

Рис. 2. Динамика развития ТОР Хабаровского края⁵

⁵ Составлено авторами по данным АО «КРДВ Хабаровск» [сайт]. URL: <https://checko.ru/company/krdv-habarovsk>

важной частью транспортного коридора между Азией и Европой, где действуют морские порты, крупнейшие железнодорожные магистрали. Наличие таких ресурсов образует мощную базу для реализации инвестиционных проектов.

В основном на ТОР реализуются инвестиционные проекты резидентов, характерные для традиционной специализации территорий ДФО (табл. 3).

На первые три наиболее популярные позиции приходится порядка 48% от общего количества резидентов как в ДФО в целом (табл. 3), так и в Хабаровском крае (табл. 4).

По среднесписочной численности сотрудников предприятий основная часть резидентов ТОР Хабаровского края – это микропредприятия (49%), малые предприятия – 22%, средние – 22%, крупные – 7%.

Доля иностранных инвестиций в рамках ТОР в ДФО по состоянию на 1 января 2023 года незначительна и оценивается в размере 7,4% (30 проектов на сумму 8,7 млрд рублей) от общего объема инвестиций резидентов. Такую пропорцию можно назвать «естественной», так как на льготы и преференции в экономике ак-

тивнее реагирует отечественный бизнес, ему понятна страна, законодательство, язык. Наиболее активны иностранные инвесторы ТОРов в отраслях строительства, сельского хозяйства и сфере услуг.

В Хабаровском крае всего три проекта ТОР реализуются с привлечением иностранных инвестиций Кипра и Японии (3% от фактического объема инвестиций и 11% от количества созданных рабочих мест) (табл. 5).

«Иностранный инвестор заинтересован не в развитии территории, а в получении прибыли, поэтому их интересуют дешевые трудовые ресурсы в соединении с технологиями, которые есть у инвесторов, доступная инфраструктура. Притягательным импульсом для иностранных инвесторов является лишь наличие сырья, близость к рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона» [Кулагина, 2019. С. 68–76].

В отличие от существующего международного опыта, в том числе стран Азиатско-Тихоокеанского региона, применение преференциального режима ТОР в ДФО в настоящее время не имеет в качестве основной цели повышение

Таблица 3

Топ-5 отраслей по проектам резидентов ТОР ДФО

Отрасль	Количество проектов	Доля, %
Логистическая и транспортная отрасль	120	18
Строительная отрасль и девелопмент	114	17
Сельское хозяйство и пищевая промышленность	76	11
Туризм и рекреация	73	11
Горнорудная промышленность и металлургия	66	10

Источник: составлено авторами по данным Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики⁴.

Таблица 4

Топ-5 отраслей по проектам резидентов ТОР Хабаровского края

Отрасль	Количество проектов	Доля, %
Строительная отрасль и девелопмент	18	19
Логистическая и транспортная отрасль	16	17
Сельское хозяйство и пищевая промышленность	11	11
Авиационная, машино- и судостроительная промышленность	10	10
Лесная и целлюлозно-бумажная отрасль	9	9

Источник: составлено авторами по данным АО «КРДВ Хабаровск»⁵.

Таблица 5

**Проекты с иностранными инвестициями в рамках ТОР
в Хабаровском крае**

Резидент	Страна	Сумма инвестиций (млрд рублей)	Рабочие места, ед.
ООО «НГК РЕСУРС» строительство золотодобывающего предприятия на месторождении «Полянка»	Кипр	1,7	260
ООО «Джей Джи Си Эвергрин» строительство «Тепличного комплекса Эвергрин» для выращивания овощей	Япония	1,036	128
ООО «Эр Энд Эм Медицинский центр» создание Российско-Японского центра превентивной медицины и диагностики на базе ЧУЗ «Клиническая больница «РЖД-Медицина» города Хабаровск	Япония	0,73	226

Источник: составлено авторами по данным АО «КРДВ Хабаровск»⁶

доли наукоемких, инновационных и других приоритетных отраслей в общеэкономической структуре макрорегиона за счет привлечения иностранных инвестиций и современных зарубежных научно-технических знаний и технологий [Сидоренко, 2023. С. 32–38].

В ТОРах Хабаровского края реализовано 39 инвестиционных проектов (42% от заявленного количества), официально введено в эксплуатацию в ТОР «Хабаровск» – 23, в ТОР «Комсомольск» – 14, в ТОР «Николаевск» – 2.

В активной стадии строительномонтажных работ находятся 39 резидентов, 8 ведут проектирование, остальные находятся на предпроектной стадии. Остальные резиденты находятся на стадии приобретения оборудования и проектных работ (13 – 52% из заявленных), в начале пути – 1 резидент (4% из заявленных).

Графики реализации проектов соблюдаются с отсрочкой, так как условия строительства – неконкурентные по сравнению с центральной частью страны: высокая стоимость электричества, низкий уровень газификации, слаборазвитая инфраструктура с высокой долей частных инвестиций на ее развитие, необходим постоянный механизм финансирования.

Тем не менее ряд крупнейших из про-

ектов ТОР введены в эксплуатацию и находятся в высокой степени готовности:

строительство нового пассажирского терминала международного аэропорта Хабаровск (Новый) – АО «Международный аэропорт «Хабаровск» (ТОР «Хабаровск», 3,9 млрд руб. инвестиций, 325 рабочих мест);

строительство производства теплоизоляционных материалов из каменной ваты – ООО «ТЕХНОНИКОЛЬ ДВ» (ТОР «Хабаровск», 1,9 млрд руб. инвестиций, 185 рабочих мест);

строительство золотодобывающего предприятия на месторождении «Полянка» – ООО «НГК Ресурс» (ТОР «Николаевск», 1,7 млрд руб. инвестиций, создано 260 новых рабочих мест);

строительство холодильного склада для хранения мороженой рыбы и рыбоперерабатывающего цеха на ТОР «Николаевск», площадка «Лонгари» – ООО «Ухта ПРОМ» (ТОР «Николаевск», 0,7 млрд руб. инвестиций, создано 17 новых рабочих мест);

производство лущенного шпона в объеме 300 тыс. м³ в год, производство пиломатериалов в объеме 230 тыс. м³ в год – ООО «Амурская ЛК» (ТОР «Комсомольск», 1,3 млрд руб. инвестиций, создано 923 новых рабочих места);

производство топливных гранул, pellets – ООО «РФП ДГ» (ТОР «Комсомольск»,

⁶ Составлено авторами по данным АО «КРДВ Хабаровск» [сайт] URL:<https://checko.ru/company/krdv-habarovsk>

2,6 млрд руб. инвестиций, создано 76 новых рабочих мест).

Реализация заключенных с Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики соглашений резидентов ТОР способствуют ускоренному социально-экономическому развитию Дальнего Востока. Муниципальные образования, включающие режим ТОР, в среднем развиваются гораздо динамичнее чем без преференциальных режимов⁷. За период 2021–2022 гг. муниципальные образования Хабаровского края с преференциальными режимами развивались активнее других на 5%.

ТОР задумывался как инструмент создания неких «полюсов роста» или «точек роста», которые бы в моменте развивались активнее по сравнению с остальными территориями региона за счет получения большей поддержки со стороны органов управления разного уровня (преференциальный режим ведения бизнеса, создание дополнительной инфраструктуры) [Ломакина, 2020. С. 68–90], а в конечном счете давали бы дополнительный импульс развития «периферии» соответственно с определенным лагом во времени. В таком случае на 100% срабатывала бы теория диффузии инноваций.

Однако в настоящий момент выбранные центры роста или же сами по себе ТОРы только «вбирают в себя» и без того дефицитные ресурсы (инвестиционные, трудовые, финансовые и т. д.). Учитывая, что пространство Дальнего Востока и так является разреженным, то концентрация средств производства в компактных территориальных единицах без осуществления дополнительной поддержки окружающих территорий явно не приведет к положительному результату [Минакир, 2019. С. 967–980]. По итогу можем получить высоко развитые

центры и «опустошенную» периферию.

Таким образом, на сегодняшний день проследить бесспорные результаты деятельности ТОР на территории Дальнего Востока не представляется возможным. «Создаются новые производства, высокопроизводительные рабочие места, вкладываются огромные средства в создание инфраструктуры как за счет бюджетных средств, так и частных, но каким образом в конечном счете это влияет на пространственное развитие макрорегиона и достижение национальной цели»⁸ [Кулагина, 2022. С. 32–38] интеграции в экономику АТР путем совместного использования ресурсов Дальнего Востока с иностранными инвесторами – сказать сложно.

Проблемные вопросы развития ТОР на Дальнем Востоке

Социально-экономическое развитие любой территории может происходить в результате успешно функционирующих ТОР только в том случае, если в этих зонах уже все хорошо. Так как в субъектах ДФО темпы роста социально-экономических показателей сильно ниже среднероссийских, то вряд ли ТОР начнут продуцировать волны на окружающие территории, передавая туда доходы, технологии, обучая персонал, повышая общую культуру производства и жизни, т. е. ускоряя темпы социально-экономического развития Дальневосточного региона [Кулагина, 2019. С. 68–76].

Создание привлекательных условий ведения бизнеса на территориях опережающего развития безусловно должно привлекать инвестиции в экономику [Кривелевич, 2021. С. 16–33]. Первоначальный эффект повышения инвестиционной привлекательности макрорегиона, полученный благодаря налоговым и административным льготам режима ТОР, исчерпывается вследствие влия-

⁷ Материалы парламентских слушаний «Новые подходы к привлечению инвестиций в регионы в рамках решения задач пространственного развития». URL: <http://council.gov.ru/media/files/N50fm0FLlfbufo5M7ayvsw7thgw2txLr.pdf> (дата обращения 25.12.2023).

⁸ Кулагина О. В. Актуальные вопросы программного подхода к социально-экономическому развитию Дальнего Востока // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и финансов». Под общей редакцией: Дальневосточного государственного университета путей сообщения, 2022. С. 37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50285448>

ния таких негативных факторов, как: повышение ключевой ставки и, как следствие, существенный рост стоимости банковского финансирования, дефицит трудовых ресурсов, удорожание импортного оборудования и снижение реальной покупательной способности населения [Развитие..., 2023].

Частным инвесторам нужны «быстрые деньги», мало кто захочет вкладывать миллиарды рублей на 10–15 лет окупаемости, но для устойчивого промышленного роста экономике Дальнего Востока нужны именно «длинные деньги», которые обеспечат планомерное социально-экономическое развитие территории (но в этом заинтересовано в основном только государство). Государство возлагает большие надежды на государственно-частное партнерство, на ТОР, так как необходимость привлечения крупных частных инвестиций обусловлена требованием масштабного обновления и развития инфраструктуры при ограниченных возможностях бюджетного финансирования [Степанов, 2023. С. 106–113].

За время действия преференциального режима ТОР на его функционирование расходы бюджета Российской Федерации составили 181 млрд рублей. В то же время доходы бюджета страны от деятельности резидентов ТОР превысили 228 млрд рублей. Таким образом, превышение доходов государственного бюджета над расходами на создание и поддержку ТОР составило почти 50 млрд рублей. Ещё один важный момент касается соотношения частных и бюджетных инвестиций. Так, начиная с 2015 г., темпы роста частных инвестиций на ТОР значительно превышают темпы по бюджетным вложениям. С 2017 г. общий бюджетный мультипликатор по дальневосточным ТОР выше целевого значения («1 к 10»). Сейчас резидентами ТОР вложено почти 2 трлн рублей, государством – 66 млрд рублей⁹.

При этом с бюджетной точки зрения

ТОР не приносят значительного эффекта. Согласно оценке Минфина России, за 2017–2024 гг. объём выпадающих бюджетных доходов для ТОР составит 26,4 млрд рублей¹⁰.

В то же время результаты анализа показали, что ТОРы не встроены в полной мере в систему стратегического планирования Российской Федерации. В документах стратегического планирования не определены ожидаемые целевые эффекты функционирования ТОРов. Не обеспечена взаимосвязь целей функционирования ТОРов со стратегическими целями развития Российской Федерации и текущим социально-экономическим положением субъектов Российской Федерации и макрорегионов, определенных Стратегией пространственного развития. Стратегические цели деятельности данных территорий не определены в государственной программе «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа».

Помимо этого, дальневосточная территория сильно удалена от развитой части страны, имеет слаборазвитую инфраструктуру для ТОР, низкую долю высококвалифицированных трудовых ресурсов, высокую стоимость энергоресурсов. К сомнениям в стратегической эффективности ТОР еще добавляется низкая емкость рынка ДФО. Ввиду высоких темпов оттока экономически активного населения с Дальнего Востока, снижения реальных доходов населения объем спроса на продукцию, произведенную на ТОР, не удовлетворяет инвесторов из-за низкой емкости дальневосточного рынка. Логистические расходы вывоза продукции в центральную часть страны делают ее неконкурентоспособной по цене. Рынки стран АТР заинтересованы не в продукции ТОР, а в ресурсах, которыми изобилует территория ДФО. Обозначенные проблемы требуют дальнейшего научного осмысления и решения.

⁹ Юрий Трутнев: от экономического роста зависит не только благосостояние, но и безопасность нашей страны // Сайт Минвостокразвития России, 23 января 2023 года.

¹⁰ Почему механизмы ТОР до сих пор не стали достаточно эффективными // Российская газета, 24 февраля 2023 года.

Список источников:

1. Кривелевич М. Е. Административно-налоговые режимы на Дальнем Востоке: взаимодействие инвесторов и государства // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 2. С. 16–33. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.016-033>
2. Кулагина О. В. Актуальные вопросы программного подхода к социально-экономическому развитию Дальнего Востока // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и финансов»* Под общей редакцией: Дальневосточного государственного университета путей сообщения. 2022. С. 32–38.
3. Kulagina O. V. Tools For Strategic Development Of The Far East // *European proceedings of social and Behavioural Sciences EPSBS*. 2022. № 1. С. 587–594. (WoS).
4. Кулагина О. В. Территория опережающего развития Еврейской автономной области: итоги первого этапа реализации // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. № 1 (86). С. 68–76. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-68-76.
5. Леонов С. Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // *Пространственная экономика*. 2017. № 2. С. 41–67.
6. Ломакина Н. В. Государственное стимулирование инвестиционной активности в ресурсном регионе: дальневосточный вариант // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 4. С. 68–90. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.068-090>
7. Минакир П. А. Российское экономическое пространство: Стратегические тупики. // *Новые исследования по региональной экономике*. 2019. № 15(14). С. 967–980.
8. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.
9. Сидоренко О. В. Оценка результатов функционирования преференциальных режимов в Дальневосточном федеральном округе // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы социально-экономического развития России в XXI веке»*. Хабаровск, 2023. С. 32–38.
10. Степанов Н. С. Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (Территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития) // *Вестник университета*. 2023. № 1. С. 106–113.

References:

1. Krivelevich M. E. (2021) Administrative and tax regimes in the Far East: interaction between investors and the state *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 17. No. 2: 16–33. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.016-033> (In Russ.).
2. Kulagina O. V. (2022) Current issues of the program approach to the socio-economic development of the Far East. Materials of the All-Russian scientific and practical conference “Current problems of economics and finance” Under the general editorship of: Far Eastern State Transport University. Pp. 32–38. (In Russ.).
3. Kulagina O. V. (2022) Tools For Strategic Development Of The Far East *Yevropeyskiye trudy sotsial'nykh i povedencheskikh nauk EPSBS* [European proceedings of social and Behavioral Sciences EPSBS]. No. 1: 587–594. (in English).
4. Kulagina O. V. (2019) Territory of rapid development of the Jewish Autonomous Region: results of the first stage of implementation *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (86): 68–76. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-68-76. (In Russ.).
5. Leonov S. N. (2017) Tools for implementing state regional policy in relation to the Russian Far East *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 2: 41–67. (In Russ.).

6. Lomakina N. V. (2020) State stimulation of investment activity in the resource region: Far Eastern option *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 16. No. 4: 68–90. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.068-090> (In Russ.).

7. Minakir P. A. Russian economic space: Strategic dead ends *Novyye issledovaniya po regional'noy ekonomike* [New research on regional economics]. 2019. No. 15(14): 967–980. (WoS). (In Russ.).

8. Development of large socio-economic systems: Far Eastern macroregion / resp. ed. P. A. Minakir, A. G. Isaev; Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2023. 352 p. (In Russ.).

9. Sidorenko O. V. (2023) Assessment of the results of the functioning of preferential regimes in the Far Eastern Federal District. Materials of the All-Russian scientific and practical conference “Problems and prospects of socio-economic development of Russia in the 21st century”. Khabarovsk. Pp. 32–38. (In Russ.).

10. Stepanov N. S. (2023) Institutes for the development of regional management of a new model of economic growth (Territories of advanced development, territories of advanced socio-economic development) *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. No. 1: 106–113. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 06.03.2024; принята к публикации 12.03.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 06.03.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Информация об авторах

О. В. Кулагина – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

И. И. Серова – директор АО «Корпорация развития Дальнего Востока Хабаровск».

Information about the authors

O. V. Kulagina – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor of the Chair of Management and Public Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

I. I. Serova – Director of JSC «The Far East Development Corporation Khabarovsk» .

Научная статья

УДК 338.43(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-58-70

Экономическая доступность продовольствия в Хабаровском крае

Галина Николаевна Строева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

gstro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2605-9399>

Аннотация. Экономическая доступность продовольствия как форма проявления продовольственной безопасности государства и его регионов характеризует возможности населения потреблять достаточное количество безопасных и калорийных продуктов питания. Хабаровский край относится к регионам с экстремальными природными условиями, затрудняющими развитие сельского хозяйства и производства многих продуктов питания. Поэтому проблема обеспечения населения продовольствием является для него достаточно серьезной. Проведен анализ методических подходов к оценке экономической доступности продовольствия, применяемых для проведения межстрановых и межрегиональных сравнений. Цель данного исследования – оценить уровень экономической доступности продовольствия в Хабаровском крае. Для достижения цели определен набор из пяти показателей, предложена методика расчета уровня экономической доступности продовольствия и установлены критерии оценки. Методика отличается относительной простотой, доступностью необходимых статистических данных и возможностью применения для проведения межрегиональных сравнений. Исследование выполнено с применением методов системного и сравнительного анализа, балльной оценки. Представлены результаты анализа динамики показателей, характеризующих уровень экономической доступности продовольствия. Значения трех из пяти показателей экономической доступности продовольствия (покупательной способности денежных доходов населения, доли расходов населения на продукты питания и коэффициента Джини) в крае стабильно находятся на низком уровне. Результаты исследования говорят о том, что кардинальные изменения государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности, реализация мероприятий по ускоренному импортозамещению пока не привели к повышению уровня экономической доступности продовольствия в Хабаровском крае.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, физическая и экономическая доступность продовольствия, рациональное потребление, показатели, критерии оценки

Для цитирования: Строева Г. Н. Экономическая доступность продовольствия в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 58–70. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-58-70>

Original article

Economic availability of food in the Khabarovsk Territory

Galina N. Stroeveva

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

gstro@mail.ru

Abstract. *The economic availability of food, being a form of manifestation of the food security in the state and its regions, characterizes the population's ability to consume a sufficient amount of safe and high-calorie food. The Khabarovsk Territory belongs to the regions with extreme natural conditions that impede the development of agriculture and the production of many food products. Therefore, the problem of providing the population with food is quite acute. The author carries out the analysis of methodological approaches to assessing the economic availability of food, used for cross-country and interregional comparison. The purpose of this study is to assess the level of economic accessibility of food in the Khabarovsk Territory. To achieve the goal, the author suggests a set of five indicators, a methodology for calculating the level of economic accessibility of food and evaluation criteria. The technique is distinguished by its relative simplicity, availability of the necessary statistical data and the possibility of application for interregional comparisons. The study was carried out using methods of systemic and comparative analysis and scoring. The dynamics of indicators characterizing the level of economic accessibility of food has been analyzed. The values of three of the five indicators of economic accessibility of food (purchasing power of cash income of the population, share of population's expenditure on food and the Gini coefficient) in the region are consistently at a low level. The results of the study indicate that fundamental changes in the state food security policy and the measures for accelerated import substitution have not yet led to an increase in the level of economic availability of food in the Khabarovsk Territory.*

Keywords: *food security, physical and economic accessibility of food, rational consumption, indicators, evaluation criteria*

For citation: Stroeveva G. N. (2024) Economic availability of food in the Khabarovsk Territory // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 58–70. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-58-70>

Введение

Экономическая и физическая доступность продовольствия, по определению Всемирного саммита по проблемам продовольствия 1996 г., являются основными формами проявления продовольственной безопасности [Гумеров, 2012]. В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности России (далее – Доктрина) экономическая доступность продовольствия характеризует возможности населения приобретать пищевые продукты по сложившимся ценам в объемах и ассортименте не меньше установленных рациональных норм потребления, обеспеченные соответствующим уровнем доходов населения¹. Следовательно, уровень экономической доступности продовольствия определяется двумя факторами: размером денежных доходов населения и ценами товаров и услуг. Однако данное определение не учитывает разли-

чия в требованиях населения с разным уровнем доходов к качеству продуктов питания.

Продовольственное эмбарго и экономические санкции стали причинами роста цен на продукты питания и, как следствие, снижения покупательной способности денежных доходов населения, а также ограничения доступа россиян к привычному ассортименту продуктов питания. Все это не могло не сказаться на экономической доступности продовольствия в российских регионах. Поэтому повышается актуальность проведения регулярного мониторинга экономической доступности продовольствия для своевременного выявления и предотвращения угроз продовольственной безопасности на уровне отдельных регионов, а также разработки методики ее оценки.

Под экономической доступностью продовольствия (далее – ЭДП) следует по-

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года № 20. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161398> (дата обращения 22.11.2023).

нимать возможности населения приобретать качественные продукты питания по действующим ценам в объемах и ассортименте, соответствующим установленным рациональным нормам потребления и доходам населения.

Обзор литературы

Для оценки продовольственной безопасности по странам и проведения межстрановых сравнений Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО ООН) использует набор из 30 показателей, разбитых на группы, характеризующие формы проявления продовольственной безопасности: наличие, физическую и экономическую доступность, уязвимость, потрясения и использование². Из этого набора показателей в состав индикаторов ЭДП могут быть включены [Редчикова, Семенова, 2015]: валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения; индекс внутренних продовольственных цен; доля расходов на продовольствие в бюджете бедных семей; распространенность недоедания; масштабы дефицита продовольствия; масштабы распространения нехватки продовольствия.

Из приведенного перечня Росстат ведет учет данных только двум показателям: индексу внутренних продовольственных цен и доле расходов на продовольствие в бюджете бедных семей. Поэтому использовать методику ФАО ООН для оценки экономической доступности продовольствия в регионах России невозможно.

Оценка уровня ЭДП в России и странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) также проводится с использованием набора показателей, включающего: ВВП на душу населения, исчисленный на основе паритета покупательной способности (ППС); среднедушевые денежные доходы (СДД) населения; покупательную

способность среднедушевых денежных доходов домашних хозяйств по основным видам продовольственных товаров; долю расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов населения; темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения; индексы потребительских цен на продовольственные товары; уровень бедности³.

Статкомитетом СНГ для оценки экономической доступности продуктов питания предложен набор, включающий шесть показателей: объем ВВП на душу населения, исчисленный на основе ППС; долю расходов на продукты питания в потребительских расходах домашних хозяйств; масштабы распространения бедности в стране; неравномерность распределения денежных доходов среди населения; покупательную способность денежных доходов населения; уровень потребительских цен на продукты питания⁴.

В настоящее время официальная методика оценки ЭДП отсутствует. Оценка ЭДП российскими исследователями проводится с использованием различных наборов показателей. Выбор показателей определяется их доступностью в официальных источниках информации как на региональном, так и национальном уровнях.

Уровень ЭДП на региональном и макрорегиональном уровнях в ряде работ [Антамошкина, Тимофеева, 2014; Антамошкина, 2015] оценивается по трем коэффициентам (бедности, потребления (доля расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств) и Джини). Группа авторов [Ускова, Селименков, Анищенко, Чекавинский, 2014] для оценки ЭДП также использует три показателя: коэффициент бедности, покупательную способность доходов населения, измеренную числом прожиточных ми-

² *Food and Agriculture Statistics. Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.fao.org/3/i3458r/i3458r.pdf (дата обращения 22.11.2023).*

³ *Концепция коллективной продовольственной безопасности государств – членов Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (дата обращения: 21.11.2023).*

⁴ *Методологические рекомендации по системе показателей для оценки состояния продовольственной безопасности в странах СНГ. Проект. URL: https://new.cisstat.org/ (дата обращения: 21.11.2023).*

нимумов и коэффициент концентрации доходов Джини. Уровень ЭДП данными авторами оценивается в баллах на основе расчета коэффициентов соотношения фактических и нормативных значений используемых показателей.

К. Г. Бородин предложил методику расчета показателя ЭДП, учитывающую влияние четырех факторов: среднедушевых денежных доходов населения; доли расходов на продовольствие, включая расходы на питание вне дома; стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг и доли расходов на фиксированный набор продуктов питания в потребительской корзине [Бородин, 2018].

Т. М. Яркова использует понятие социально-экономической доступности продовольствия. Для ее оценки она применяет соотношение фактических и нормативных денежных расходов населения на основные виды продовольствия. Автор разработала формулу расчета нормативных денежных расходов, учитывающую различия в нормах потребления по половозрастным группам населения [Яркова, 2022].

Отдельно следует отметить работы, авторы которых проводят оценку ЭДП в России с учетом величины денежных доходов и в разрезе социально-экономических групп населения, являющихся социально незащищенными [Чекмарев, 2020; Ушачев, Колесников, 2021; Полякова, 2021]. Однако отсутствие данных о потреблении продовольствия в домашних хозяйствах по децильным группам населения в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов и различным социально-экономическим группам по субъектам РФ не позволяет проводить такие исследования на региональном уровне.

Информационная база и методы оценки

В Доктрине продовольственной безопасности РФ для оценки ЭДП предлагается только один показатель – отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания. Пороговое значение – 100%¹.

Для оценки ЭДП в данной работе ис-

пользуются: абсолютные и удельные (на душу населения) натуральные показатели; относительные показатели, рассчитанные в целом и по отдельным видам продуктов питания относительно рационального уровня их потребления (коэффициент фактического потребления). Исследование проведено по данным Федеральной государственной службы статистики с применением методов системного и сравнительного анализа, балльной оценки.

Комплексная оценка ЭДП населению выполнена с использованием пяти показателей. Уровень каждого показателя ЭДП определяется величиной его отклонения от порогового значения и оценивается в баллах: высокий уровень – 1 балл, допустимый – 2, низкий – 3, недопустимый – 4 балла. Уровень ЭДП рассчитывается путем суммирования баллов по основным показателям (табл. 1).

Результаты исследования

Экономическая доступность продовольствия в основном определяется соотношением темпов роста потребительских цен на продовольственные товары и реальных располагаемых денежных доходов населения. Именно размер реальных располагаемых денежных доходов позволяет определить объем благ и услуг, которые фактически может приобрести население. На рисунке 1 видно, что темпы роста цен на продовольственные товары в Хабаровском крае и в среднем по России все время превышают темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения. При этом ситуация в крае практически в течение всего анализируемого периода несколько хуже, чем в среднем по стране. Потребительские цены на продовольственные товары в крае, за исключением 2021 г., росли быстрее, чем в среднем по России. Ежегодный темп роста реальных располагаемых денежных доходов населения в крае стабильно ниже среднероссийского значения. За пять лет 2017–2021 гг. реальные располагаемые денежные доходы россиян выросли на 22,1%, а у жителей Хабаровского края – только на 13,3%. Цены на продовольственные товары за это же время в среднем по стране стали выше на 28,1%, а в Хабаровском крае – на 30,7%.

Таблица 1

Показатели и критерии оценки ЭДП

Показатель	Пороговое значение	Уровень показателя
Коэффициент фактического потребления ($K_{фп}$) характеризует соответствие фактического объема потребления продовольствия ($q_{факт}$) рациональным нормам потребления	≥ 1	$K_{фп} < 0,7$ – недопустимый $0,7 \leq K_{фп} < 0,85$ – низкий $0,85 \leq K_{фп} \leq 1$ – допустимый $K_{фп} > 1$ – высокий
Коэффициент бедности – доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %	≤ 10	$K_{б} > 20$ – недопустимый $15 < K_{б} \leq 20$ – низкий $10 < K_{б} \leq 15$ – допустимый $K_{б} \leq 10$ – высокий
Коэффициент Джини – степень неравномерности распределения населения по уровню доходов	$0 \div 1$	$K_{дж} > 0,5$ – недопустимый $0,31 < K_{дж} \leq 0,5$ – низкий $0,11 \leq K_{дж} \leq 0,31$ – допустимый $0 \leq K_{дж} \leq 0,1$ – высокий
Покупательная способность денежных доходов населения ($ПС_{сдд}$) – отношение СДД населения к стоимости ФНПТУ	$\geq 3,5$	$ПС_{сдд} < 1,7$ – недопустимый $1,7 \leq ПС_{сдд} < 2,6$ – низкий $2,6 \leq ПС_{сдд} < 3,5$ – допустимый $3,5 \leq ПС_{сдд}$ – высокий
Доля расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов населения ($Д_{рп}$), %	≤ 25	$Д_{рп} > 50$ – недопустимый $25 < Д_{рп} \leq 50$ – низкий $10 \leq Д_{рп} \leq 25$ – допустимый $Д_{рп} < 10$ – высокий
Уровень экономической доступности продовольствия (ЭДП), сумма баллов	-	$16 \leq УЭДП \leq 20$ – недопустимый $11 \leq УЭДП \leq 15$ – низкий $6 \leq УЭДП \leq 10$ – допустимый $УЭДП = 5$ – высокий

Источник: составлено автором.

Выявить различия в уровне доступности продовольствия в регионах страны позволяют среднедушевые денежные доходы населения, так как они учитывают состояние малообеспеченных жителей региона [Бутаева, 2016]. По величине среднедушевых денежных доходов населения Хабаровский край в 2021 г. занял 13 место среди всех субъектов РФ и 6 место в ДФО. Денежные доходы населения края имеют стабильную тенденцию роста, однако их темп роста за весь анализируемый период (18,88%) ниже, чем в среднем по стране (26,36%).

Для оценки ЭДП в данной работе используется показатель покупательной способности денежных доходов населения, измеренный числом фиксированных наборов потребительских товаров и услуг (ФНПТУ), так как именно по продуктам питания, включенным в этот набор, Росстат рассчитывает индексы потребительских цен и проводит межрегиональные сравнения покупательной способности населения⁵. До 2021 г. величина прожиточного минимума рассчитывалась исходя из стоимости минимальной потребительской корзины⁶, начиная с 2021 г. она

⁵ Об утверждении наборов потребительских товаров и услуг для наблюдения за ценами и тарифами. Приказ Росстата от 25.12.2020 № 848 (ред. от 23.04.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373520/ (дата обращения: 21.11.2023).

⁶ О потребительской корзине в целом по Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2017 г. № 421-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102455801&baclklink=1&&nd=102161334> (дата обращения: 21.11.2023).

рассчитывается в процентах от медианной заработной платы (44,2%)⁷.

Несмотря на то, что среднедушевые денежные доходы населения Хабаровского края стабильно выше среднего российского уровня, их покупательная способность, измеренная как числом прожиточных минимумов (ПМ), так и числом ФНПТУ ниже, чем в среднем по стране. При этом за пять лет средняя по России покупательная способность денежных доходов (СДД), исчисленная числом ПМ, выросла на 9,39%, а в Хабаровском крае она сократилась на 5,07% (табл. 2).

Покупательная способность населения, измеренная в ФНПТУ, в среднем по стране была ежегодно выше покупательной способности, измеренной в ПМ, в среднем в 1,5 раза, а в Хабаровском крае – в 1,3 раза. За пять лет величина данного показателя сократилась в крае на 2,4%, а в России – на 0,46%

Росстат публикует данные о покупательной способности СДД населения, измеренной количеством отдельных видов

продуктов питания. За пять произошло снижение покупательной способности СДД населения Хабаровского края практически по всем видам продовольствия. Наибольшее сокращение отмечается по картофелю (на 34%), овощам (на 22%), маслу растительному и другим жирам (в среднем на 16%), практически без изменения осталась способность населения покупать мясо⁸. Основная причина сложившейся ситуации – рост цен на продукты питания, вызванный проводимой в России политикой на импортозамещение, так как наращивание объемов собственного производства требует существенных затрат [Гончаренко, Печерица, 2021].

Получить представление об экономической доступности продовольствия также позволяет соотношение фактического среднедушевого потребления продуктов питания с объемом потребления по рациональным нормам, определенным Министерством здравоохранения РФ. Данные таблицы 3 свидетельствуют о значительных различиях между рациональными

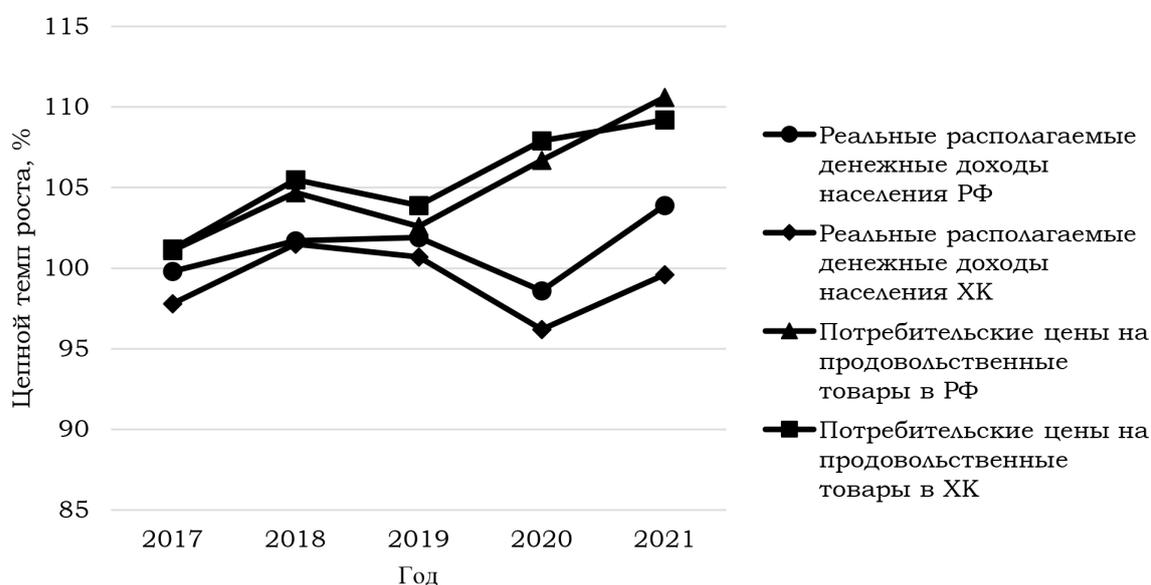

Рис. 1. Динамика цепных темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения и потребительских цен на продовольственные товары в России и Хабаровском крае в 2017–2021 гг. (построено по данным Росстата)

⁷ О прожиточном минимуме в Российской Федерации. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9051229> (дата обращения: 21.11.2023).

⁸ Данные Росстата. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31326> (дата обращения 22.11.2023).

Таблица 2

**Показатели денежных доходов и расходов населения
Российской Федерации и Хабаровского края в 2017–2021 гг.**

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	Темп прироста, % 2021/2017
Российская Федерация						
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	31897	33361	35506	36240	40304	26,36
Величина ПМ (в среднем на душу населения) в месяц, руб.	10088	10287	10890	11312	11653	15,51
Стоимость ФНПТУ	14789,4	16067,4	16067,4	17052,7	18728,2	26,63
Покупательная способность СДД по ПМ	3,16	3,24	3,26	3,20	3,46	9,39
Покупательная способность СДД по ФНПТУ	2,16	2,08	2,21	2,13	2,15	-0,46
Доля расходов на продукты питания, %	31,2	30,2	29,7	33,2	32,2	–
Доля населения со СДД менее 14 000 руб. в месяц					15,5	
Хабаровский край						
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	37098	39084	41460	41751	44101	18,88
Величина ПМ (в среднем на душу населения) в месяц, руб.	12954	13295	14328	15307	16222	25,23
Стоимость ФНПТУ	17848	18320,8	19092,8	19977,0	21674,3	21,44
Покупательная способность СДД по ПМ	2,86	2,94	2,89	2,73	2,72	-5,07
Покупательная способность СДД по ФНПТУ	2,08	2,13	2,17	2,09	2,03	-2,40
Доля расходов на продукты питания, %	27,1	26,8	25,8	28,8	27,8	–

Источник: составлено автором по данным Росстата⁸.

нормами потребления продуктов питания и объемами потребления, учитываемыми при расчете стоимости минимальной потребительской корзины и ФНПТУ. Объемы продуктов питания, учитываемые при расчете стоимости ФНПТУ, превышают рациональные нормы потребления только по четырем продуктовым группам: хлебным продуктам (в 2,3 раза), сахару (в 1,7 раза), маслу и жирам (в 1,2 раза) и картофелю (на 0,7 кг).

Потребление продуктов питания в Хабаровском крае в течение 2017–2021 гг. превышало рациональные нормы потребления только по четырем продуктовым группам: хлебным продуктам, мясу и мясопродуктам, сахару и яйцам. Жители Хабаровского края недостаточно потребляют молочных продуктов (61% и

65% от рациональной нормы в 2017 г. и 2021 г. соответственно), фруктов и ягод (произошло сокращение с 78% в 2017 г. до 71% в 2021 г.), овощей (от 85 до 88%), картофеля (отклонение от нормы увеличилось с 11% до 22%) (табл. 4). Недополученную энергетическую и питательную ценность жители края восполняют за счет более дешевых хлебных продуктов, сахара и яиц. Сложившаяся структура потребления характерна и для других регионов Дальнего Востока [Колесняк, Полянская, 2021]. Одна из основных причин сложившейся ситуации – рост цен. Для сравнения: за 5 лет картофель в крае подорожал в 2,1 раза (это самый значительный рост по продуктовой группе товаров), а хлеб и булочные изделия из пшеничной муки 1 и

Таблица 3

**Среднедушевые нормы потребления основных пищевых продуктов
(в среднем на 1 человека в год)**

Наименование продуктов	Рациональная норма потребления ⁹	Объем ПМ ⁶	Объем МНПП*	Объем ФНПТУ ⁵
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые), кг	96	126,5	234,3	222,5
Мясо и мясопродукты, кг/год/чел.	73	58,6	34,8	52,6
Молоко и молокопродукты, кг	325	290,0	124,3	163
Сахар, кг	24	23,8	20,7	40
Масло растительное и другие жиры, кг	12	11,0	14,8	14,6
Картофель (без учета продуктов его переработки), кг	90	100,4	150	90,7
Яйца (без учета яйцепродуктов), штук	260	210	180	180
Овощи, бахчевые культуры (без учета продуктов их переработки), кг	140	114,6	91,8	70,4
Фрукты и ягоды (без учета продуктов их переработки), кг	100	60,0	18,6	21
Рыба и рыбопродукты, кг	22	18,5	14,7	15
Прочие продукты (соль, чай, специи), кг	–	4,9		4,5

*МНПП – минимальный набор продуктов питания⁵

Источник: составлено автором.

2 сортов – только на 21% (минимальный темп прироста)¹⁰.

В течение 2017–2022 гг. произошло незначительное сокращение значения коэффициента фактического потребления продуктов питания по всей товарной группе, тем не менее оно стабильно находится на допустимом уровне.

ЭДП тесно связана с его физической доступностью, которая в свою очередь зависит от возможностей территории обеспечивать население продуктами питания собственного производства. Сложные природно-климатические условия являются одним из основных негативных факторов, тормозящих развитие сельскохозяйственного производства в Хабаровском крае. Степень удовлетворения потребностей населения в продовольствии за счет собственного

производства характеризует коэффициент самообеспеченности, исчисляемый соотношением фактического и нормативного объемов производства. Данные таблицы 5 говорят о недопустимо низком уровне самообеспеченности края молоком, фруктами, овощами и мясом. Лучше всего край обеспечивает себя яйцами и картофелем.

Качество рационов питания характеризуется их энергетической и питательной ценностью. Экспертами FAO и ВОЗ ежедневная потребность в энергетической ценности потребляемых продуктов питания в расчете на одного человека установлена на уровне 2385 ккал. В соответствии с российскими нормами физиологическая потребность в энергии для взрослых мужчин составляет 2150–3800 ккал/сутки, для женщин – 1700–

⁹ Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204200/ (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁰ Хабаровский край. 2022. Статистический сборник. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942> (дата обращения: 21.11.2023).

Таблица 4

Коэффициент фактического потребления основных пищевых продуктов в Хабаровском крае (в среднем на 1 человека в год)

Продукты питания	Рациональная норма	2017		2018		2019		2020		2021	
		q _{факт}	K _{ФП}								
Хлебные продукты, кг	96	117	1,22	116	1,21	115	1,20	115	1,20	114	1,19
Мясо и мясопродукты, кг/год/чел.	73	77	1,05	77	1,05	76	1,04	76	1,04	75	1,03
Молоко и молокопродукты, кг	325	198	0,61	198	0,61	198	0,61	205	0,63	211	0,65
Сахар, кг	24	33	1,38	33	1,38	34	1,42	34	1,42	31	1,29
Масло растительное и другие жиры, кг	12	11,9	0,99	11,3	0,94	11,7	0,98	11,9	0,99	11,8	0,98
Картофель, кг	90	80	0,89	80	0,89	74	0,82	74	0,82	70	0,78
Яйца, шт.	260	297	1,14	299	1,15	300	1,15	308	1,18	310	1,19
Овощи, бахчевые культуры, кг	140	123	0,88	121	0,86	119	0,85	119	0,85	122	0,87
Фрукты и ягоды, кг	100	78	0,78	76	0,76	75	0,75	72	0,72	71	0,71
K _{ФП} по группе продуктов питания			0,99		0,98		0,98		0,98		0,97

Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата¹¹

3000 ккал/сутки¹².

Энергетическая ценность продуктовых наборов, потребляемых жителями Хабаровского края, ниже, чем в среднем по стране и округу, а также ниже нормы, установленной FAO и ВОЗ. В течение первых трех лет анализируемого периода в крае наблюдается устойчивая тенденция роста этого показателя, однако затем его уровень начал снижаться и в 2021 г. опустился ниже минимально допустимого значения для мужчин (табл. 6).

Данные Росстата, публикуемые по России в целом, говорят о различиях продуктовых наборов, потребляемых отдельными группами населения в зависимости от

уровня доходов. Энергетическая ценность продуктовых наборов повышается с ростом доходов населения. Калорийность продуктов питания у населения, входящего по уровню доходов в первые три децильные группы, ниже среднесуточной потребности в энергии. В Хабаровском крае доля населения этой группы в общей численности населения сократилась с 14,6% в 2017 г. до 8% в 2021 г. Отсутствие данных о структуре потребления в зависимости от величины среднедушевых денежных доходов по субъектам РФ не позволяет делать более определенные выводы о ситуации в крае.

Доля расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов

¹¹ Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 21.11.2023).

¹² Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществ для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18979 (дата обращения: 21.11.2023).

Таблица 5

**Коэффициент самообеспеченности продуктами питания
в Хабаровском крае**

Продукты питания	2017	2018	2019	2020	2021
Мясо и мясопродукты	0,12	0,10	0,10	0,10	0,08
Молоко	0,06	0,06	0,06	0,06	0,05
Яйца	0,84	0,89	0,90	0,98	1,00
Картофель	0,93	0,99	0,58	0,72	0,75
Овощи, бахчевые культуры	0,26	0,26	0,19	0,20	0,26
Фрукты и ягоды	0,07	0,07	0,06	0,06	0,06

Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата¹³

населения является важным показателем экономического развития страны и относится к числу косвенных индикаторов качества жизни населения. Страны с развитой экономикой отличаются меньшими значениями данного показателя. По данным РИА Рейтинг, доля расходов на продукты питания у россиян составляла 31,2% в 2017 г. и 32,2% – в 2021 г. (это 31-е место в рейтинге), а у жителей Люксембурга – только 8,7% в 2017 г. и 8,4% в 2021 г. (1-е место в рейтинге)¹⁴.

По данным Росстата потребительские расходы россиян постоянно растут, при этом практически каждый год свыше 30% денежных средств они тратят на продукты питания. Это более чем в три раза больше, чем у жителей экономически развитых стран Европы. Доля расходов на продукты питания у населения Хабаровского края меньше, чем в среднем по стране на 4 п. п., при этом в течение 2017–2019 гг. она снизилась с 27,1 до 25,8%, а затем в 2021 г. выросла до 27,8%.

Результаты расчета ЭДП в Хабаровском

крае представлены в таблице 7. Значения только двух из пяти показателей ЭДП находились на допустимом уровне, но, если доля бедного населения в крае сократилась на 0,5 п. п., то отклонение фактического объема потребления продовольствия от рационального увеличилось на 2 п. п. Уровень ЭДП в Хабаровском крае за пять лет не изменился и является низким.

Заключение.

Одна из основных задач, поставленных в Доктрине, по повышению продовольственной безопасности – обеспечить каждому гражданину страны экономическую и физическую доступность безопасных продуктов питания в объемах и ассортименте, соответствующих рациональным нормам потребления и позволяющих вести активный и здоровый образ жизни¹. В соответствии с определением рациональных норм потребления человек должен иметь возможность потреблять такое количество продуктов питания, которое позволит ему не только быть жизнеспособным, но и активно развиваться.

Таблица 6

**Энергетическая ценность продуктов питания в Российской Федерации,
ДФО и Хабаровском крае в 2017–2021 гг., ккал в сутки**

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	2654,7	2 651,5	2 651,6	2 660,9	2 576,6
ДФО	2 464,9	2 497,4	2 541,3	2 530,2	2 487,6
Хабаровский край	2 146,5	2 182,9	2 189,6	2 146,4	2 081,8

Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата¹⁵

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁴ Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания. URL: <http://www.giarating.ru/countries/20181218/630114363.html> (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁵ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах. Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13292> (дата обращения: 21.11.2023).

Таблица 7

**Экономическая доступность продовольствия
в Хабаровском крае в 2017–2021 гг.**

Показатель	2017		2018		2019		2020		2021	
	зна- чение	балл								
Коэффициент фактического потребления ($K_{фп}$)	0,99	2	0,98	2	0,98	2	0,98	2	0,97	2
Уровень показателя	допустимый									
Коэффициент бедности, %	12,5	2	12,2	2	12,2	2	12	2	12	2
Уровень показателя	допустимый									
Коэффициент Джини	0,38	3	0,39	3	0,38	3	0,36	3	0,36	3
Уровень показателя	низкий									
Покупательная способность денежных доходов населения ($ПС_{сдд}$)	2,08	3	2,13	3	2,17	3	2,09	3	2,03	3
Уровень показателя	низкий									
Доля расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов населения, %	27,1	3	26,8	3	25,8	3	28,8	3	27,8	3
ЭДП (сумма баллов)		13		13		13		13		13
Уровень ЭДП	низкий									

Источник: составлено автором.

Для обеспечения ЭДП в физических объемах, соответствующих рациональным нормам потребления, необходимо достичь пропорционального соотношения между темпами роста реальных располагаемых денежных доходов населения и стоимости продовольственной корзины. В Хабаровском крае темпы роста цен на продовольствие значительно опережают темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения, в результате снижается их покупательная способность и, как следствие, экономическая доступность продовольствия.

Снижение реальных располагаемых денежных доходов населения Хабаровского края привело к изменению структуры потребления в сторону более деше-

вых продуктов питания. Структура продуктового набора, фактически потребляемого жителями края, не соответствует рациональной структуре. На наш взгляд, следует привести в соответствие нормы потребления продуктов питания, по которым рассчитывается стоимость потребительской корзины, нормам рационального потребления.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что реализуемые меры государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности, а также мероприятия по ускоренному импортозамещению пока не способствуют повышению уровня экономической доступности продовольствия в Хабаровском крае.

Список источников:

1. Антамошкина Е. Н. Методика анализа продовольственной безопасности на макрорегиональном уровне // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 24 (309). С. 25–34.
2. Антамошкина Е. Н., Тимофеева Г. В. Продовольственная безопасность на региональном уровне: методика оценки // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 4. С. 61–65.
3. Бородин К. Г. Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 4. С. 563–582. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-563-582.
4. Бутаева К. О. К вопросу о распределении денежных доходов населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. №2(200). С. 130–136. DOI: 10.12737/20771.
5. Гончаренко К. А., Печерица Е. В. Влияние импортозамещения на состояние экономической доступности продовольствия в РФ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 1(33). С. 71–77. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2021-1-71-77>.
6. Гумеров Р. Р. Внутренние и внешние аспекты стратегии обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации: теория и практика // Сборник научных трудов ИМЭИ. 2012. № 1. С. 128–159.
7. Колесняк А. А., Полянская Н. М. Оценка экономической доступности продовольствия в регионах Сибири и Дальнего Востока / Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2021. № 4. С. 20–37. DOI: 10.36718/2500-1825-2021-4-20-37.
8. Полякова Л. П. Сравнительная оценка экономической доступности продовольствия населению России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 12, Т. 1. С. 66–81. DOI:10.33938/21121-66.
9. Редчикова Н. А., Семенова А. Г. Экономическая доступность продовольствия в Российской Федерации // Вестник Томского Государственного университета. Экономика. 2015. № 4 (32). С. 71–87. DOI: 10.17223/19988648/32/5.
10. Ускова Т. В., Селименков Р. Ю., Анищенко А. Н., Чекавинский А. Н. Продовольственная безопасность региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 102 с.
11. Ушачев И. Г., Колесников А. В. Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. №4. С. 59–77. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_4_59_77.
12. Чекмарев О. П. Экономическая доступность продовольствия в современной России // Экономика нового мира. 2020. Т. 5. № 4 (19). С. 6–20.
13. Яркова Т. М. Социально-экономическая доступность продовольствия: методика оценки // Продовольственная политика и безопасность. 2022. Том 9. № 2. С. 163–176. doi: 10.18334/ppib.9.2.114735.

References:

1. Antamoshkina Ye. N. (2015) The method for analyzing food security at the macro-regional level *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security]. No. 24 (309): 25–34. (In Russ.).
2. Antamoshkina Ye. N., Timofeyeva G. V. (2014) Food security at the regional level: assessment methods *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii* [Economics of Russian agriculture]. No. 4: 61–65. (In Russ.).
3. Borodin K. G. (2018) Ekonomicheskaya dostupnost' prodovol'stviya: faktory i metody otsenki *Ekonomicheskiy zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. Vol. 22. No. 4. 563–

582. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-563-582. (In Russ.).

4. Butayeva K. O. (2018) Considering the Problem of Personal Income Distribution in Russia *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. No.2 (200): 130–136. DOI: 10.12737/2077. (In Russ.).

5. Goncharenko K. A., Pecheritsa Ye. V. (2021) The impact of import substitution on economic accessibility of food in Russian Federation *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoye planirovaniye* [National Security and Strategic Planning]. No. 1(33): 71–77. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2021-1-71-77>. (In Russ.).

6. Gumerov R. R. (2012) Internal and external aspects of the strategy for ensuring food security of the Russian Federation: theory and practice *Sbornik nauchnykh trudov IMEI* [Collection of scientific works of IMEI]. No. 1: 128–159. (In Russ.).

7. Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. (2021) Economic food availability assessment in Siberia and the Far East *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Socio-economic and humanitarian journal of Krasnoyarsk State Agrarian University]. No 4: 20–37. DOI: 10.36718/2500-1825-2021-4-20-37. (In Russ.).

8. Polyakova L. P. (2021) Comparative assessment of economic accessibility of the Russian population *Ekonomika, trud, upravleniye v sel'skom khozyaystve* [Economy, labor, management in agriculture]. No. 12, Vol. 1: 20–37. DOI: 10.36718/2500-1825-2021-4-20-37. (In Russ.).

9. Redchikova N. A., Semenova A. G. (2015) Economic access to food in the Russian Federation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics]. No. 4(32): 71–87. (In Russ.).

10. Uskova T. V., Selimenkov R. Yu., Anishchenko A. N., Chekavinskiy A. N. (2014) Food security of the region: monograph. Vologda: ISEDT RAS. 102 p. (In Russ.).

11. Ushachev I. G., Kolesnikov A. V. (2021) Economic availability of food for the population of the Russian Federation *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. No. 4: 59–77. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_4_59_77. (In Russ.).

12. Chekmarev O. P. (2020) The affordability of food in contemporary Russia *Ekonomika novogo mira* [Economy of the new world]. Vol. 5. No. 4 (19): 6–20. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-2-217-234. (In Russ.).

13. Yarkova T. M. (2022) Socio-economic accessibility of food: assessment methodology *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'* [Food policy and security]. Vol. 9. No. 2.: 163–176. doi: 10.18334/ppib.9.2.114735. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 29.01.2023.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 29.01.2023.

Информация об авторе

Г. Н. Строева – кандидат социологических наук, доцент, доцент высшей экономической школы, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

G. N. Stroeveva – Candidate of Sociological Sciences, associate professor, associate professor of the Higher Economic School, the Pacific State University.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 001.8

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-71-83

Мобилизационный характер научно-технологического развития: заделы и перспективы

Надежда Васильевна Медведева¹, Наталья Альбертовна Маслюк²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

² maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

Аннотация. Актуальность темы определяется необходимостью оценки заделов и перспектив, а также выявления отличительных характеристик мобилизационного научно-технологического развития России для дальнейшего исследования и анализа результативности усилий и мер государства по достижению целей Стратегии научно-технологического развития. В условиях санкционного давления и принудительного разрыва производственных цепочек и инновационных циклов проблемы развития науки и технологий внутри страны приобретают особую остроту и требуют взвешенных и прогрессивных мер по их решению. Научно-практический интерес для исследователей и широкой общественности представляют выводы авторов, выраженные в оценке заделов и обосновании перспектив научно-технологического развития страны, которые могут использоваться в дальнейших исследованиях, а также в практической деятельности органов власти, осуществляемой в данной сфере. Методологию статьи составляют теория мобилизационной экономики, сравнительный и эмпирический, структурный анализы. Общим результатом применения данных подходов является развитие теории мобилизационной экономики в части условий санкционного давления как новой причины обращения к мобилизационному типу развития, а также формирование особых условий мобилизационного развития научно-технологической сферы на основании совокупности заделов и перспектив научно-технологического развития. Цель статьи – исследование заделов научно-технологического развития как переходящего комплекса результативных доминант для обеспечения непрерывности научно-технологического развития и определение условий их применимости в совокупности с приоритетами научно-технологического развития на новом этапе мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления. На основании сформированных особых условий мобилизационного развития научно-технологической сферы авторами сделан вывод о закономерности и обоснованности придания мобилизационного характера научно-технологическому развитию страны в среднесрочной перспективе, требующего изменения содержания государственного воздействия и объемов ресурсов, концентрируемых в сфере науки и технологий.

Ключевые слова: мобилизационное развитие, наука и технологии, технологический суверенитет

Для цитирования: Медведева Н. В., Маслюк Н. А. Мобилизационный характер научно-технологического развития: заделы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 71–83. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-71-83>

Original article

The mobilization nature of scientific and technological development: basis and prospects

Nadezhda V. Medvedeva¹, Nataliya A. Maslyuk²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPА, St. Petersburg, Russia

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

²maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

Abstract. *The assess of the basis, prospects and characteristics of the mobilization nature of scientific and technological development in Russia is necessary for further research and analysis of the effectiveness of the state efforts and measures to achieve the goals of the Strategy of Scientific and Technological Development. Sanctions pressure and forced disruption of production chains and innovation cycles, the problems of the development of science and technology within the country are becoming particularly acute and require balanced and progressive measures to solve them. The conclusions of the authors are of scientific and practical interest for researchers and the general public and can be used in further research, as well as in the practical activities of the authorities. The authors assess the groundwork and point out the prospects of scientific and technological development of the country. The methodology of the article is based on the theory of mobilization economy, comparative and empirical as well as structural analysis. The general result of these approaches is the development of the theory of mobilization economy in conditions of sanctions pressure as a new reason for turning to the mobilization type of development, as well as the formation of special conditions for the mobilization development of scientific and technological sphere on the basis of a set of reserves and prospects of scientific and technological development. The aim of the article is to investigate the reserves of scientific and technological development as a transient complex of productive dominants to ensure the continuity of scientific and technological development. The article also points out the conditions of their applicability in connection with the priorities of scientific and technological development at the new stage of mobilization development of the scientific and technological sphere under sanctions pressure. The authors make a conclusion about the regularity and validity of giving mobilization character to the scientific and technological development of the country in the medium term on the basis of the special conditions of mobilization development in the scientific and technological sphere. The authors also state that the content of government influence and the volume of resources concentrated in the field of science and technology must be changed.*

Keywords: *mobilization development, science and technology, technological sovereignty*

For citation: Medvedeva N. V., Maslyuk N. A. (2024) The mobilization nature of scientific and technological development: basis and prospects // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 71–83. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-71-83>

Введение

Необходимость придания мобилизационного характера научно-технологическому развитию обусловлена долгосрочным характером политических, экономических и технологических санкций. Этап мобилизационного развития научно-технологической сферы определен Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года.¹ Выделяется ряд значимых условий, связанных с разработкой Стратегии научно-технологического развития.

Первым и основополагающим из них выступает достижение технологического суверенитета для обеспечения технологической независимости страны. Предполагается формирование и реализация собственной повестки научно-технологического развития, опирающейся на национальную технологическую базу и направленной на первостепенное обеспечение технологического суверенитета страны. Достижение технологического суверенитета и формирование национальной технологической базы выступают в качестве основных целей технологического развития на период до 2030 года и базиса для научно-технологического развития. В этом и заключается разграничение Концепции технологического развития и Стратегии научно-технологического развития.

Второе условие проявляется в направленности на трансформацию науки и технологий в ключевой фактор развития страны, во-первых, как попытка преодолеть недостаточные результаты интеграции науки и технологий в предыдущие годы. Во-вторых, отличительным признаком трансформации науки и технологий в интегрирующий фактор выступает обеспечение способности страны эффективно отвечать на большие вызовы. В свою очередь комплекс внешних и внутренних (по отношению к области науки и технологий) факторов, формирующих систему больших вызовов, определяет содержание научно-технологического развития на предстоящий период времени.

Третье условие заключается в создании

и применении особых условий мобилизационного режима в условиях динамичности и нестабильности внешней среды, когда форсируется режим научных исследований, устанавливается императив срочности [Пястолов, 2023. С. 60] и ограниченности во времени (существенно сокращается время между получением новых знаний и созданием технологий и продукции, выходом на рынок), возрастает роль государства как основного субъекта целеполагания и государственного заказа научных исследований, происходит переформатирование научной повестки страны на основе семантической модели технологических приоритетов и перестройка системы управления в области науки, технологии, технологического предпринимательства с учетом долгосрочного характера санкций.

Исходя из основных постулатов теории мобилизационной экономики, мобилизационный тип развития осуществляется за счет вмешательства государства в механизмы функционирования общества. Такой тип развития является средством выхода из застойного состояния или инструментом ускорения эволюционных процессов. Формирующаяся новая нормальность развивает теорию мобилизационной экономики в части условий санкционного давления как новой причины обращения к мобилизационному типу развития. Соответственно мобилизационный тип научно-технологического развития представляет собой один из способов адаптации социально-экономической системы к условиям санкционного давления и заключается в обращении к специальным мерам для достижения экстренных целей технологического суверенитета.

Обновление вектора научно-технологического развития в контексте обеспечения технологического суверенитета способствует росту научного интереса к вопросам и проблемам технологического развития [Маслюк, Медведева, 2023; Дуненкова, Онищенко, 2023; Земсков; Константинов, Константинова, 2022], подходов к развитию и интеграции науки и технологий [Шугуров, Мозжилин,

¹ Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

2022; Онищенко и др., 2020; Гурский и др., 2022], соотношения развития фундаментальной науки и прикладных научных исследований и разработок [Медведева], мобилизационного развития экономики и научно-технологической сферы [Пястолов, 2023; Сказочкин, 2023; Шкодинский и др., 2023], международного научно-технического сотрудничества [Захарова, 2023; Zhang et al., 2017].

Результаты и их обсуждение

Заделы научно-технологического развития

Этапность научно-технологического развития Российской Федерации в период с конца XX в. и первых десятилетий XXI в. обусловлена в большей мере не эволюционными этапами научно-технического прогресса, а изменением как внутренних условий, так и внешней среды этого процесса.

Так, конец XX в. для научно-технической и технологической сфер российского общества стал этапом «кризисной оптимизации»¹ с целью сохранения научно-технологического потенциала и создания абсолютно новой институциональной основы его развития.

Период с 2000 г. по 2022 г. был связан с созданием основы будущего экономического роста, а именно, инновационной экономики со всеми обязательными элементами: инфраструктурой, институциональной составляющей, кадровым обеспечением, увеличенными объемами государственного финансирования, национальной сетью уникальных установок для научных исследований, усилением интеграции и кооперации в научно-технологической сфере науки, бизнеса, университетов, а также международного обмена технологиями [Маслюк, Медведева, 2023; Шугуров, Мозжилин, 2022]. С одной стороны, целенаправленные действия государства привели к формированию экономической системы с чертами инновационной, однако во многих отраслях недостаточное воспроизводство инноваций на постоянной основе было компенсировано импортом технологий. Эта тенденция повлияла на возрастание уровня технологической зависимости ряда отраслей экономики России к 2022 г. [Земсков, 2023. С. 1327].

Современный этап с 2022 г. характеризуется мобилизацией максимально возможного объема ресурсов (институциональных, материальных, человеческих, финансовых) для наращивания отечественной технологической составляющей промышленного производства и социальной сферы [Сказочкин, 2023; Шкодинский и др., 2023].

Следует отметить, что выделенные этапы сопровождаются концептуальными изменениями характера научно-технологического развития, однако каждый предыдущий этап создавал институциональный и экономический фундамент и «заделы» для последующего движения в направлении достижения неизменной на всех этапах цели развития и достижения национальных приоритетов путём наращивания и всестороннего использования главного ресурса развития – интеллектуального ресурса нации.

О создании заделов современного этапа мобилизационного развития науки и технологий свидетельствует чётко прослеживаемая преемственность двух стратегий научно-технологического развития (2016 г. и 2024 г.) как в целях, так и в средствах их достижения. При этом важно понимать, какие результаты были достигнуты в рамках реализации Стратегии 2016 г.

Что касается целевых показателей стратегии, их динамика представлена в таблице 1 и на рисунке 1.

Один из основных показателей уровня научно-технологического развития государства – доля затрат на исследования и разработки в процентах от ВВП – за период реализации предыдущей стратегии не продемонстрировал роста, что пока ставит под сомнение достижение целевого значения этого показателя в рамках стратегии 2024 г. – двух процентов к 2035 г.

Другой целевой показатель соотношения частных и бюджетных инвестиций в исследования и разработки также остался практически на уровне 2016 г. (1:2), что не может свидетельствовать о существенном продвижении к цели паритета затрат в 2035 г. (1:1).

Далее представим результирующие показатели реализации стратегии (табл. 2, 3, рис. 2).

Таблица 1

Целевые показатели реализации стратегии научно-технологического развития

№ п/п	Целевой показатель	Годы							
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2030 (прогноз)
1	Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников в текущих ценах, в процентах от валового внутреннего продукта, %	1,1	1,11	0,99	1,03	1,1	0,99	0,94	1,64
2	Отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки, %	52	57	56	55	53	55	56*	75

* - оценка

Источник: интернет-портал научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <https://ntp.rpf>

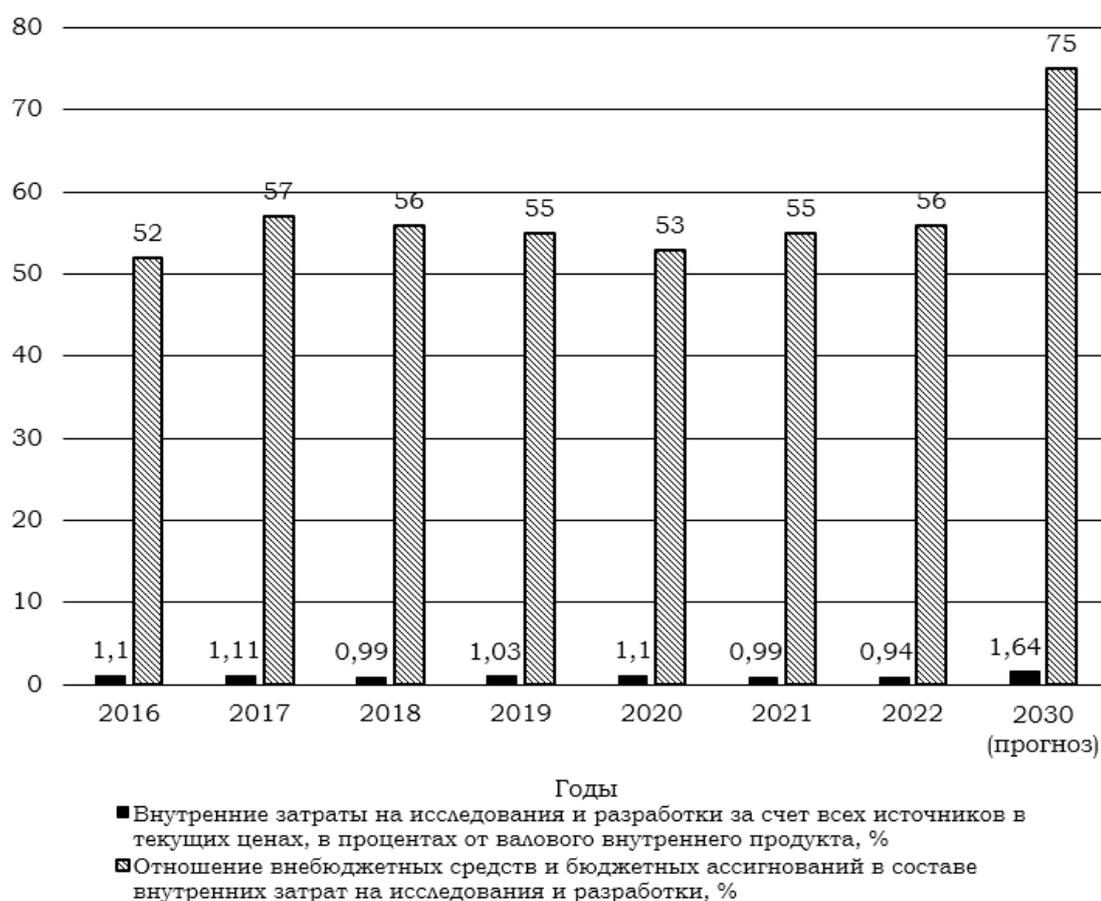

Рис. 1. Динамика целевых показателей реализации стратегии научно-технологического развития

Таблица 2

Показатели, отражающие состояние и результативность сферы науки, технологий и инноваций

№ п/п	Показатель	Годы							
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2030 (прогноз)
1	Место Российской Федерации по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, в изданиях, индексируемых в международных базах данных	12	9	9	7	8	10	н/д*	5
2	Место Российской Федерации по удельному весу в общем числе заявок на получение патента на изобретение, поданных в мире по областям, определяемым приоритетами научно-технологического развития	9	8	9	10	11	12	н/д*	10
3	Доля инновационной продукции (товаров, услуг), созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в ВВП (рассчитывается с 2018 г.)	-	-	0,6	1,09	1,18	1,09	н/д*	-
4	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций (по критериям 4-й редакции Руководства Осло)	-	20,8	19,8	21,6	23	23	22,8	-
5	Соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера (включая права на результаты интеллектуальной деятельности), %	51	36	47	73	94	н/д*	90	115
6	Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме российского экспорта, %	14,5	14,2	11,8	12,2	26,2	23,3	н/д*	-

*н/д – нет данных в свободном доступе

Источник: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.
URL: <https://rosstat.gov.ru>

Таблица 3

**Показатели, отражающие качество государственного регулирования
и сервисного обеспечения научной, научно-технической
и инновационной деятельности**

№ п/п	Показатель	Годы							
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2030 (прогноз)
1	Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей, %	43,3	43,9	43,9	44,2	44,3	43,9	44,1	50
2	Техническая вооруженность сектора исследований и разработок (балансовая стоимость машин и оборудования в расчете на одного исследователя), тыс.руб./чел.	821	847	998,1	1046	1080,2	1188	н/д*	1652,6

*н/д – нет данных в свободном доступе
Источник: [Сказочкин, 2023]

Рис. 2. Динамика показателей, отражающих качество государственного регулирования и сервисного обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности

Таким образом, анализ фактических данных реализации Стратегии научно-технологического развития за прошлый период позволяет заключить, что отсутствие динамики по большинству пока-

зателей, а также отрицательная динамика некоторых из них не способствуют формированию заделов для реализации стратегии на следующем этапе [Онищенко и др., 2020. С. 5]. Более того, возрас-

тет вероятность рисков недостижения целевых показателей стратегии.

Такая оценка результативности реализации стратегии указывает на наличие неразрешённых системных проблем в сфере науки и технологий³ и подтверждает тезис о том, что в тактическом плане не произошло коренных изменений, ведущих Россию к научно-технологическому лидерству и технологической независимости [Земсков, 2023. С. 1325].

Это означает, что серьёзных заделов для реализации стратегии в следующем среднесрочном периоде не создано.

Следовательно, её реализация должна сопровождаться не только соблюдением принципа преемственности и поэтапности, но и кратным наращиванием усилий государства (организационных и финансовых) и принципиальным изменением механизмов взаимодействия участников инновационных процессов [Константинов, Константинова, 2022; Дуненкова, Онищенко, 2023].

Условия и перспективы мобилизационного развития научно-технологической сферы

Характерным признаком мобилизационного развития экономики и научно-технологической сферы в условиях санкций являются отличительные от условий устойчивого развития направления государственной политики. Установление в ходе настоящего исследования мобилизационного характера направлений государственной политики в области научно-технологического развития и мер по ее реализации позволило выделить особые условия мобилизационного развития научно-технологической сферы.

Условие 1. Императив срочности и кардинальная смена масштаба и сложности задач научно-технологического развития

К числу мер мобилизационного характера по решению задачи, направленной на формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства, развития наукоемкого

предпринимательства, можно отнести:

обеспечение быстрого перехода к стадии практического применения результатов научных исследований, ускоренное внедрение в экономику российских наукоемких технологий и продукции;

вовлечение научных и образовательных организаций в получение практических результатов по технологическому обновлению отраслей экономики и созданию новых рынков;

создание условий для «выращивания» специального субъекта достижения технологического суверенитета – малых технологических компаний.

Посыл к созданию принципиально новых типов субъектов технологического развития содержится в Концепции технологического развития, подчеркивающей, что «на новом этапе критически необходимо развивать комплексные организационные формы управления и сетевой формат их взаимодействия».⁴

В отличие от предыдущей Стратегии научно-технологического развития 2016 года, предусматривающей вариант «импорта технологий и фрагментарное развитие исследований и разработок, интегрированных в мировую науку, но занимающих в ней подчиненные позиции», новая Стратегия фокусируется на национальной технологической базе и полном цикле научно-технологического развития как единственно доступном варианте.

В свою очередь, меры по привлечению общества к формированию запросов на результаты исследовательской деятельности, а также развитию технологической культуры общества не выражают мобилизационного характера и требуют постоянства и непрерывности своего развития (в большей мере их следует отнести к заделам развития научно-технологической сферы в стратегической перспективе).

Условие 2. Ускоренная разработка институциональных основ и обеспечивающих систем развития научно-технологической сферы

³ См. доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными: утвержден решением Общего собрания РАН 23 мая 2023 г. URL: <https://new.ras.ru/upload/uf/cc5/w4i817fegw3kxoj1moze0ffoqstv1oro.pdf>

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 // Собр. законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

В числе мер мобилизационного характера по решению задачи, направленной на создание инфраструктуры и условий для проведения научных исследований и разработок, внедрения наукоемких технологий, можно выделить:

установление специальных правовых режимов на отдельных территориях для размещения уникальных научных установок, научных центров, центров экспериментального производства, инжиниринга, прототипирования и других;

поддержку субъектов Российской Федерации с высоким научно-технологическим потенциалом, в том числе с целью масштабирования результатов в научно-технологической и производственной сферах на другие регионы.

Необходимость создания качественно новой институциональной среды для эффективного функционирования новых субъектов технологического развития, развития инфраструктуры фундаментальных и прикладных исследований, а также основания применения преференциального правового режима отражены и в Концепции технологического развития.

В отношении мер по обновлению материально-технической базы научных организаций и образовательных организаций высшего образования, равно как и расширению источников информирования исследователей, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта; созданию отечественных систем хранения уникальной информации и данных – применим вариант их оперативного решения при возникновении такой необходимости, постоянного поиска и внедрения.

Условие 3. Переформатирование кадрового обеспечения научно-технологической сферы и наукоемких отраслей экономики, восстановление престижа науки

Мобилизационный характер проявляется в мерах, направленных на решение задачи по созданию возможностей для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, в частности:

усиление роли репутационных механизмов и повышение престижа профессии ученого и инженера, в том числе для

преодоления оттока кадров за рубеж;

в рамках международного сотрудничества привлечение к работе в стране ученых мирового класса и молодых исследователей, имеющих научные результаты высокого уровня;

интеграция исследователей, разработчиков и предпринимателей в конкурентоспособные коллективы на основе запуска приоритетных научных и научно-технологических проектов;

развитие комплекса дополнительных мер привлечения талантливой молодежи в сферу научных исследований и разработок и ее закрепления в этой сфере.

В числе последних зарекомендовали себя меры по развитию технологического предпринимательства и реализации федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства». В рамках проекта особую значимость имеет запуск университетских стартап-студий, ориентированных на серийное производство стартапов по достижению технологического суверенитета. Придание динамичности развитию университетских технологических стартапов обеспечено дополнительной мерой по созданию университетских венчурных фондов, запуск которых позволит нивелировать риски жизненного цикла стартапов и обеспечить кумулятивный эффект в развитии технологического предпринимательства.

О месте фундаментальной науки в научно-технологическом развитии

Разграничением между фундаментальными и прикладными научными исследованиями выступает метод восхождения от абстрактного к конкретному, определяя тем самым первичность фундаментальной науки (и ее широкий спектр областей). Фундаментальные исследования составляют базу для проведения практических разработок научного характера. Они связаны с созданием нового научного знания, выступающего теоретической основой прикладных исследований. Конечным результатом фундаментальных исследований является общенаучная информация, подлежащая применению в разных сферах и направлениях деятельности, и потому фундаментальное исследование не подлежит достоверной оценке его результативности, что отражается на

востребованности и поддержке развития фундаментальной науки [Медведева, 2024. С. 239].

В последние годы большое внимание уделялось развитию прикладных научных исследований и быстрой коммерциализации полученных результатов. Новая Стратегия научно-технологического развития фиксирует особый статус фундаментальной науки и возводит в ранг принципов государственную и общественную поддержку фундаментальных исследований как инструмента долгосрочного развития страны. В перечне больших вызовов отмечается, что фундаментальная наука играет «ключевую роль в подготовке научно-технологического сектора страны к новым большим вызовам», обеспечивает получение новых знаний и «опирается на внутреннюю логику своего развития».

Финансовое обеспечение реализации Стратегии будет осуществляться посредством поэтапного увеличения общих затрат на научные исследования и разработки и доведения их до уровня не менее 2% ВВП, включая пропорциональный рост частных инвестиций, уровень которых к 2035 году должен быть не ниже государственных. Вопрос о необходимости увеличения финансирования научной сферы был затронут и в Послании Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.⁵ и увеличении его до уровня 2% от ВВП, что будет вдвое больше сегодняшнего объема финансирования. При этом Стратегия устанавливает условия финансирования науки, такие как результативность российских организаций, проводящих научные исследования и разработки, и достижение конечных результатов научных исследований и разработок. Данные условия в большей мере ассоциируются с прикладными науками и влекут вопрос об уточнении финансирования фундаментальной науки и ее вкладе в «достижение конечных результатов научных исследований и разработок» (учитывая широту и длительность применения результатов фундаментальных исследований), а также синхронизации положений Стратегии

о финансировании с мероприятиями в области научно-технологического развития в рамках государственных программ. Отчасти ответ на вопрос о финансировании фундаментальных исследований содержится в Концепции технологического развития, относящей к числу основных функций государства «государственный заказ на фундаментальные и прикладные исследования и разработки».

Условие 4. Перестройка системы управления в области науки, технологий и производства на основе обеспечения единого научно-технологического пространства

Мобилизационный аспект задачи по формированию эффективной системы управления в области науки, технологий и производства заключается в обеспечении единого научно-технологического пространства, ориентированного на решение государственных задач и удовлетворение потребностей экономики и общества. В числе ожидаемых результатов - перестройка системы управления в условиях мобилизационного режима, обусловленного долгосрочным характером санкций, обеспечение согласованности прогноза научно-технологического развития и принимаемых управленческих решений в области науки, технологий и технологического предпринимательства, независимая система научной (научно-технической) экспертизы для принятия эффективных решений, непрерывное финансирование научных, научно-технических программ и проектов полного инновационного цикла, имеющих важнейшее государственное значение.

Условие 5. Изменение вектора международного научно-технологического сотрудничества

Мобилизационный характер задачи по формированию модели международного научно-технического сотрудничества обусловлен большими вызовами, в числе которых трансформация миропорядка на фоне роста геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции и конфликтности, повышения сложности участия в международной кооперации в рамках научной,

⁵ *Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию»*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/

научно-технической и инновационной деятельности [Захарова, 2023, С. 1176].

Мобилизационный характер проявляется в организации международного научно-технического сотрудничества, направленного на защиту национальных интересов страны за счет взаимовыгодного и равноправного взаимодействия, в том числе на основе локализации на территории Российской Федерации крупных международных научных проектов, развития научной дипломатии, ускоренного развития научно-технического сотрудничества в рамках Союзного государства, с государствами-участниками СНГ и дружественными иностранными государствами. Подтверждением тому выступает принятие в текущем году Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года, направленной на функционирование сферы науки, технологий и инноваций как единой системы, интегрированной с социально-экономической системой Союзного государства и обеспечивающей его независимость и конкурентоспособность. Стратегия развивает направления и механизмы формирования и функционирования единого научно-технологического пространства Союзного государства и практику реализации комплексных научно-технических проектов и программ [Гурский и др., 2022; Zhang et al., 2017].

Таким образом, исходя из принципа преемственности, реализованные в среднесрочной перспективе условия мобилизационного развития научно-технологической сферы должны обеспечить заделы научно-технологического развития в долгосрочной перспективе. Большое значение при этом имеет дости-

жение целей технологического развития по формированию национальной технологической базы.

Заключение

Научно-технологическое развитие государства – одна из наиболее сложных сфер государственного регулирования, результативность которой определяет состояние и перспективы всех сфер экономики и общества. Современные вызовы, в условиях которых Российская Федерация ставит стратегические цели достижения технологического суверенитета и опережающего развития, являются значимым препятствием их реализации. Решение этой проблемы требует мобилизации усилий и ресурсов не только самого государства, но и науки, образования и бизнеса, как неотъемлемых элементов экосистемы технологического развития. В этой связи, закономерно, что новый этап научно-технологического развития до 2030 года будет являться мобилизационным. Во-первых, это обусловлено необходимостью адекватного реагирования и скорой адаптации к новым условиям перманентных санкций, во-вторых, вынужденным переходом от поступательного достижения комплекса целей научно-технологического развития к ускоренному движению к цели технологического суверенитета.

Потенциальным системным риском реализации нового этапа стратегии научно-технологического развития является практически отсутствие заделов прошлых этапов, которое выражается в слабой динамике результирующих показателей стратегии. Для его преодоления необходимо изменение характера и масштабов действий государства в точках приложения усилий.

Список источников:

1. Гурский В. А., Преснякова Е. В., Петров М. Б. Формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства: потенциал государств, механизмы, перспективы. Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. БНТУ. Минск, 2022. Вып. 16. С. 141–152. Doi.org/10.21122/2309-6667-2022-16-141-152.
2. Дуненкова Е. Н., Онищенко С. И. Технологический суверенитет России: инновационное развитие отраслей // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 15–18. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53702781>.
3. Захарова В. В. Изменение вектора международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13. № 3. С. 1173–1184. Doi: 10.18334/vinec. 13.3.118926.

4. Земсков В. В. Научно-технологический суверенитет: новые вызовы и решения // *Экономическая безопасность*. 2023. Том 6. № 4. С. 1321–1334. Doi: 10.18334/ecsec. 6.4.118817.
5. Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // *Вестник ПАГС*. 2022. № 5. С. 12–22. Doi: 10.22394/1682–2358-2022-5-12-22.
6. Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Становление экосистемы технологического развития на национальном и региональном уровнях // *Власть и управление на востоке России*. 2023. № 4 (105). С. 100–110. Doi: 10.22394/1818–4049-2023-105-4-100-110.
7. Медведева Н. В. Ориентиры системы образования на достижение технологического суверенитета // *Журнал монетарной экономики и менеджмента*. 2024. № 1. С. 237–241. Doi: 10.26118/2782–4586.2024.22.26.034.
8. Онищенко Г. Г., Каблов Е. Н., Иванов В. В. Научно-технологическое развитие России в контексте достижения национальных целей: проблемы и решения // *Инновации*. 2020. № 6 (260). С. 3–16. Doi: 10.26310/2071–3010.2020.260.6.001.
9. Пястолов С. М. Мобилизационный проект как форма управления наукой // *Управление наукой: теория и практика*. 2023. Т. 5, № 1. С. 52–63. Doi: 10.19181/smtp.2023.5.1.3. EDN CDPZUI.
10. Сказочкин А. В. О вариантах мобилизации научно-технологической деятельности в современной России // *Управление наукой: теория и практика*. 2023. Т. 5, № 2. С. 184–191. Doi: 10.19181/smtp.2023.5.2.15. EDN LHLFCT.
11. Шкодинский С. В., Хачатурян А. А., Продченко И. А. Мобилизационная экономика в системе экономического суверенитета России // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № 5. 21 с. URL: <https://esj.today/PDF/02ECVN523.pdf>.
12. Шугуров М. В., Мозжилин С. И. Цифровая трансформация науки: междисциплинарный подход // *Научоведческие исследования*. 2022. № 4. С. 101–129. Doi: 10.31249/scis/2022.04.06.
13. Y. N. Zhang, R. Q. Song, M. F. Ren, X. Y. Song. Construction of scientific and technological innovation resources based on the Beijing-Tianjin-Hebei integration // *Agro Food Industry Hi-Tech*. 2017. Vol. 28, № 1. P. 381–385.

References:

1. Gursky V. L., Presnyakova E. V., Petrov M. B. (2022) Formation of a unified scientific and technological space of the Union State: the potential of states, mechanisms, prospects. *Economic science today: collection of scientific articles*. BNTU. Minsk, . Issue. 16: 141–152. Doi.org/10.21122/2309-6667-2022-16-141-152. (In Russ.).
2. Dunenkova E. N., Onishchenko S. I. (2023) Technological sovereignty of Russia: innovative development of industries *Innovatsii i investitsii* [Innovation and investment]. No. 4: 15–18. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53702781>. (In Russ.).
3. Zakharova V. V. (2023) Changing the vector of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of innovative economics]. Vol. 13. No. 3: 1173–1184. Doi: 10.18334/vinec.13.3.118926. (In Russ.).
4. Zemskov V. V. (2023) Scientific and technological sovereignty: new challenges and solutions *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic security]. Vol. 6. No. 4: 1321–1334. Doi: 10.18334/ecsec. 6.4.118817. (In Russ.).
5. Konstantinov I. B., Konstantinova E. P. (2022) Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy *Vestnik PAGS* [Bulletin of the PAGS]. No. 5: 12–22. Doi: 10.22394/1682–2358-2022-5-12-22. (In Russ.).
6. Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. (2023) Formation of the ecosystem of technological development at the national and regional levels *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (105): 100–110. Doi: 10.22394/1818–4049-2023-105-4-100-110. (In Russ.).

7. Medvedeva N. V. (2024) Guidelines of the education system for achieving technological sovereignty *Zhurnal monetarnoy ekonomiki i menedzhmenta* [Journal of Monetary Economics and Management]. No. 1: 237–241. Doi: 10.26118/2782–4586.2024.22.26.034. (In Russ.).
8. Onishchenko G. G., Kablov E. N., Ivanov V. V. (2020) Scientific and technological development of Russia in the context of achieving national goals: problems and solutions *Innovatsii* [Innovation]. No. 6 (260): 3–16. Doi: 10.26310/2071–3010.2020.260.6.001. (In Russ.).
9. Pyastolov S. M. (2023) Mobilization project as a form of science management *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Management of science: theory and practice]. Vol. 5. No. 1: 52–63. Doi: 10.19181/smtp.2023.5.1.3. EDN CDPZUI. (In Russ.).
10. Skazochkin A. V. (2023) On options for mobilizing scientific and technological activity in modern Russia *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Management of science: theory and practice]. Vol. 5. No. 2: 184–191. Doi: 10.19181/smtp.2023.5.2.15. EDN LHLFCT. (In Russ.).
11. Shkodinsky S. V., Khachaturian A. A., Prodchenko I. A. (2023) Mobilization economy in the system of economic sovereignty of Russia *Vestnik yevraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian science]. Vol. 15. No. 5: 21. URL: <https://esj.today/PDF/02ECVN523.pdf>. (In Russ.).
12. Shugurov M. V., Mozzhilin S. I. (2022) Digital transformation of science: an interdisciplinary approach *Naukovedcheskiye issledovaniya* Scientific research. No. 4: 101–129. Doi: 10.31249/scis/2022.04.06. (In Russ.).
13. Y. N. Zhang, R. Q. Song, M. F. Ren, X. Y. Song. (2017) Construction of scientific and technological innovation resources based on the Beijing-Tianjin-Hebei integration *Agro Pishchevaya Promyshlennost' Khay-Tek* Agro Food Industry Hi-Tech. Vol. 28. № 1: 381–385.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 15.03.2024.

Информация об авторах

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал;

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. V. Medvedeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPА;

N. A. Maslyuk – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the chair of management and public administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 330.3

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-84-96

Измерение качества человеческого потенциала в условиях современной экономики: управленческий аспект

Владимир Анатольевич Егоров

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия

vladimir_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>

Аннотация. *Возрастающая роль качества человеческих ресурсов для современной экономики, в том числе одной из её составляющих частей – креативной экономики, основанной на знаниях, творчестве и интеллекте людей, определяет необходимость целенаправленного развития человеческого капитала на основе научно обоснованных управленческих решений, эффективность которых необходимо уметь планировать и измерять. При формировании и реализации программ социально-экономического развития регионов необходимо планировать и контролировать достигаемые результаты через специально подобранные показатели. В случае целенаправленного развития человеческого капитала достаточно сложно подобрать адекватные показатели в силу сложности природы объекта измерения и отдалённости осязаемых результатов, которые, как правило, уходят за временные рамки горизонта планирования. Такая управленческая проблема весьма актуальна для Республики Саха (Якутия), которая сегодня интенсивно развивает креативную экономику, а значит и человеческий капитал для неё. Проведённый анализ существующих методик измерения качества человеческих ресурсов с точки зрения применимости к измерению результативности некоторых региональных практик Республики Саха (Якутия) по развитию человеческого потенциала и креативной экономики, признанных лучшими на российском уровне, выявляет проблему отсутствия на данный момент общепризнанных методик выбора и расчёта показателей качества человеческого потенциала, опирающихся на объективные достоверные данные, которыми можно оперировать при принятии управленческих решений в целях социально-экономического развития региона.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, человеческий потенциал, качество человеческого потенциала, креативная экономика*

Для цитирования: Егоров В. А. Измерение качества человеческого потенциала в условиях современной экономики: управленческий аспект // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 84–96. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-84-96>

Original article

Measuring the quality of human potential of modern economy: managerial aspect

Vladimir A. Egorov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Trust Fund for Future Generations of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia

vladimir_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>

Abstract. *The increasing role of the quality of human resources for the modern economy, including one of its constituent parts - the creative economy based on knowledge, creativity and intelligence of people, determines the need for targeted development of human capital based on scientifically sound management decisions, the effectiveness of which must be able to plan and measure. When forming and implementing programs for the socio-economic development of regions, it is necessary to plan and monitor the results achieved through specially selected indicators. In the case of purposeful development of human capital, it is quite difficult to find adequate indicators due to the complexity of the nature of the object of measurement and the remoteness of tangible results, which, as a rule, go beyond the time frame of the planning horizon. Such a management problem is very relevant for the Republic of Sakha (Yakutia), today it is intensively developing a creative economy, and therefore human capital for it. The analysis of existing methods for measuring the quality of human resources from the point of view of applicability to measuring the effectiveness of some regional practices of the Republic of Sakha (Yakutia) for the development of human potential and creative economy, recognized as the best at the Russian level, reveals the problem of the lack of currently generally recognized methods for selecting and calculating human potential quality indicators based on objective reliable data, which It is possible to operate when making management decisions for the purpose of socio-economic development of the region.*

Keywords: *human capital, human potential, quality of human potential, creative economy*

For citation: Egorov V. A. (2024) Measuring the quality of human potential of modern economy: managerial aspect // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 84–96. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-84-96>

Введение

В условиях стремительно усложняющихся технологий, когда в высококонкурентной борьбе выигрывают инновации, которые даёт интеллект и творческий подход, все больший вклад в современную экономику вносит человеческий капитал, растёт значение интеллектуальных, творческих и других когнитивных способностей людей как для роста благосостояния общества, так и для роста качества жизни в целом.

Все давно осознают, что развитие человеческого капитала требует значительных материальных и нематериальных вложений как на федеральном, так и региональном уровнях, однако государство не спешит усиленно увеличивать инвестиции в него. Этому способствует и то, что по формальным показателям развития человеческого капитала мы в лидерах, но это не даёт существенных экономических успехов [Кузьминов, Фрумин, Сорокин, Абанкина и др., 2019]. А надлежащая научная основа недостаточно разработана, и для лиц, принимающих

решения, нет гарантий, что вложение немалых средств даст существенные результаты.

Сегодня общепринятые понятия, такие как человеческий капитал, человеческий потенциал, и имеющиеся методы их измерения уже не в полной мере отражают человеческий фактор в современной экономике. Большее значение сегодня имеют уже не количественные показатели – продолжительность и уровень образования, а качественные – выработанные когнитивные способности и компетентности, которые определяются не только полученным формальным образованием, но и, что сегодня наиболее актуально, неформальным и информальным образованием, а также средовыми факторами. Однако эти процессы сложноуправляемы, что определяется отсутствием централизации, разнообразием форм и большим количеством сложных связей между участниками процессов, которые фактически образуют формирующую человеческий капитал экосистему.

Тем не менее, для развития приоритетных направлений экономики необходимо целенаправленное формирование человеческого капитала с необходимым качеством, нужны институциональные решения на уровне региона, обеспечивающие не только подпитку существующей экосистемы, но и создающие новые ее ключевые системные компоненты и формы взаимодействия между ними.

Многочисленные исследования в области когнитивного развития человека доказывают, что целенаправленное формирование личности, обладающей всеми необходимыми для современной экономики когнитивными способностями и компетентностями, надо начинать с самого раннего возраста. Это означает, что будущее качество человеческого капитала закладывается в детском возрасте. Поэтому формирование богатой экосистемы детского развития является важнейшей задачей при управлении качеством человеческого капитала региона.

А как определить, ведут ли усилия в нужном направлении? С государственной точки зрения необходимо уметь планировать результаты управленческих решений и измерять их, при этом желательно не уходить за горизонты действий государственных программ и проектов. Таким образом, нужны адекватные поставленным целям и задачам показатели качества человеческих ресурсов. Что же важно учитывать при выборе системы таких показателей?

Для получения наибольшего экономического эффекта играет роль, в какую часть населения вкладываться.

Д. В. Ушаковым проведены расчёты, показывающие, что с экономической точки зрения вкладываться выгоднее в наиболее талантливую часть населения [Ушаков, 2016]. Д. Хекман показывает, что наибольшую отдачу дают вложения в ранний возраст [Хекман, 2019]. Понятно, что управленческие решения касательно таких инвестиций дадут экономический результат далеко за пределами контролируемых властями временных промежутков реализации государственных программ или проектов. Поэтому очень важны характеристики

качества человеческих ресурсов, которые отражают повышение когнитивных способностей и навыков значительного количества людей, ещё не вступивших в экономические отношения.

Также надо учитывать, что вопрос адекватного определения показателей качества человеческих ресурсов зависит от управленческих замыслов – на что именно будут направлены те или иные управленческие действия. На развитие каких качественных характеристик человеческих ресурсов? Временные ограничения обуславливают выбор и измерение тех характеристик человеческих ресурсов, которые потенциально позволяют получить желаемое качество человеческого капитала возможно уже за горизонтом реализуемых программных мероприятий [Остапенко, 2023].

Условимся называть то, что отражают такие характеристики, качеством человеческого потенциала, хотя часто под качеством человеческого потенциала подразумевают индекс человеческого развития [Остапенко, 2023] (с 2013 г. – Индекс развития человеческого потенциала).

Годятся ли общепризнанные методики измерения качества человеческих ресурсов для измерения качества человеческого потенциала в таком понимании?

Чтобы ответить на это вопрос рассмотрим региональные практики Республики Саха (Якутия) по развитию креативной экономики и по развитию человеческого потенциала, признанные лучшими на российском уровне, а также исследуем применимость существующих методик измерения качества человеческих ресурсов к измерению результативности этих практик в нужном нам аспекте (повышения качества человеческого потенциала, принимая за вполне понятное допущение, что эти практики достаточно сильно повлияли и ещё продолжают влиять на это повышение).

Креативная экономика. Опыт Республики Саха (Якутия)

Одной из базовых составляющих современной экономики является креативная экономика, которая в России сегодня находится на стадии становления. Сегодня доля креативной экономики в ВВП

России равна 4,87%¹. А в мировом ВВП к 2030 г. доля креативной экономики может достичь 10%².

Так, 2021 г. был объявлен ООН Международным годом креативной экономики в интересах устойчивого развития. При этом общепринятого определения нет, и часто смешиваются понятия креативной экономики и креативных (творческих) индустрий.

В Институте статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ предлагают использовать два пересекающихся понятия:

креативная экономика – совокупность общественных отношений и практик хозяйственной деятельности, в основе которой лежат взаимосвязи между творчеством, культурой, экономикой и технологиями;

Креативные индустрии – секторы экономики, значимая часть добавленной стоимости которых формируется за счёт творческой деятельности и управления правами на интеллектуальную собственность.³

Республика Саха (Якутия) большую ставку делает на развитие креативной экономики, чтобы к развитой в республике добывающей промышленности добавился существенный по размеру несырьевой сектор экономики. О несомненных успехах республики в этом направлении свидетельствует, в частности, уже признанный экспертами феномен якутского кино, а также признание Якутии в 2022 г. самым креативным регионом страны⁴. То, что сделано в Якутии, вошло в утвержденный Агентством стратегических инициатив

по продвижению новых проектов (АСИ) Региональный стандарт развития креативных индустрий (далее – Стандарт), который был разработан во исполнение перечня поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России» от 15.08.2023 № Пр-1593. В этом перечне поручений⁵ было прямо указано на использование для разработки Регионального стандарта опыта Республики Саха (Якутия).

В 2019 г. на уровне Правительства республики была принята Концепция развития креативной экономики и план ее реализации. Согласно этой Концепции, «креативная экономика представляет собой экосистему взаимодействия креативных индустрий и отраслей экономики вне креативных индустрий, способствующую повышению конкурентоспособности предприятий, улучшению качества конечной продукции, их продвижению на рынках присутствия, увеличению объемов продаж и масштабированию их деятельности»⁶.

Уже созданы и находятся в процессе создания как инфраструктурные так и институциональные элементы экосистемы креативной экономики:

1. АО «Корпорация развития Республики Саха (Якутия)» осуществляет организационную, методическую и финансовую поддержку креативной индустрии и креативного сектора остальной экономики;

2. Первый на Дальнем Востоке «Парк высоких технологий ИТ-Парк Якутск» обеспечивает необходимой инфраструктурой ИТ-предпринимателей;

¹ Эксперт: доля креативной экономики в ВВП России увеличивается. URL: <https://realnoevremya.ru/news/302024-ekspert-dolya-kreativnoy-ekonomiki-v-vvp-rossii-uvlichivaetsya> (дата обращения: 02.2024).

² Развитие креативной экономики. URL: <https://unescofutures.hse.ru/news/824123788.html> (дата обращения: 02.2024).

³ Салтанова С.В. Картоoteca: креативная экономика. Как творческие люди увеличивают ВВП страны. URL: <https://issek.hse.ru/news/468966991.html> (дата обращения: 02.2024).

⁴ Якутия признана лучшим креативным регионом России по версии премии Russian Creative Awards. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3337411> (дата обращения: 02.2024).

⁵ Перечень поручений по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72053> (дата обращения: 02.2024).

⁶ Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 27 декабря 2019 года N 1736-р «Об утверждении Концепции развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561716583> (дата обращения: 02.2024).

3. Креативный кластер «Квартал Труда», созданный на базе бывшего промышленного здания площадью 14,6 тыс. кв. м, обеспечивает представителям креативных индустрий существенные налоговые льготы, льготы по страховым взносам и административную поддержку;

4. Ювелирно-гранильный кластер «СЭЙБИЭМ» создает благоприятные условия для выхода ювелирных брендов Якутии на зарубежные рынки;

5. Центр сервисной экономики в городе Мирный предоставляет инфраструктурную, консультационную, образовательную, информационную, правовую и финансовую поддержку, льготные арендные ставки для новых предприятий;

6. НО «Фонд развития инноваций Республики Саха (Якутия)» предоставляет предпосевные инвестиции ИТ-компаниям и проводит акселерационную программу В8 для стартапов;

7. Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ) – в процессе трансформации в университет креативных индустрий в рамках специального трека государственной программы Минобрнауки России и Минвостокразвития России «Приоритет 2030. Дальний Восток»;

8. Колледж креативных индустрий «Айар уустар» вошел в число победителей федерального конкурса по созданию пилотных площадок подготовки кадров для креативной индустрии в рамках нацпроекта «Образование»;

9. Структурное подразделение Некоммерческой организации «Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия)» Центр компетенций ЛЕТО объединяет усилия архитекторов, дизайнеров, урбанистов, предпринимателей, представителей власти и местного сообщества, улучшает качество среды в городах и поселениях через комплексное развитие территорий, благоустройство общественных пространств, разработку дизайн-кодов и мастер-планов;

10. Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия) сегодня строит современный кластер дополнительного

образования «Парк будущих поколений», предназначенный для развития креативных и предпринимательских навыков у детей. При этом уже создано АНО ДПО «Парк будущих поколений», которое сейчас через реализацию различных образовательных программ для детей, молодежи и педагогов формирует из них сообщество в области креативных индустрий – медиа, дизайна, анимации, кино и т. д. для которого и строится эта инфраструктура.

Как можно увидеть, ключевые проекты в первую очередь направлены на создание условий для развития человеческого капитала, реализации его творческого потенциала, создания возможностей для коммерциализации творческого потенциала, т. к. предполагается, что именно человек является главным ресурсом креативной экономики – его талант, знания, умения и навыки.

Таким образом, для развития современной экономики первостепенное значение имеет человеческий капитал. При этом, как уже отмечено выше, качество человеческого капитала закладывается в раннем возрасте. Поэтому для достижения устойчивых результатов предстоит развитие необходимого качества человеческого потенциала, которое потом может преобразоваться в качество человеческого капитала.

Поэтому интересно обратиться к признанному на российском уровне опыту развития человеческого потенциала.

Опыт целенаправленного формирования человеческого потенциала в Республике Саха (Якутия)

Ключевой идеей развития новой Якутии под руководством Первого Президента Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаева стало создание и развитие институтов развития человеческого капитала, начиная со школьного возраста.

Создана нормативная правовая база: Закон «Об образовании» (1992 г., 1995 г.), Концепция обновления и развития национальной школы (1993 г.), Закон «О правах ребенка» (1994 г.), Президентская программа «Дети Республики Саха (Якутия)» (1994 г.)⁷, которые определили

⁷ Михаил Ефимович Николаев. URL: <https://nikolaevcentre.ru/biography> (дата обращения: 03.2024).

сферу образования как стратегический общенациональный приоритет и обеспечили основу финансирования развития системы образования Республики Саха (Якутия), формирования исполнительных органов власти в данной сфере, создания инновационных образовательных учреждений, не имеющих аналогов в России или значительно опередивших их возникновение.

Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 10 июня 1992 г. № 167 «О создании Центра по подготовке кадров в Российской Федерации, странах СНГ и за рубежом при Правительстве Республики Саха (Якутия)» был создан Центр подготовки специалистов за пределами республики по направлениям подготовки, которых не было в Якутии, и по перспективным направлениям развития экономики (Распоряжение Президента Республики Саха (Якутия) от 16 марта 1995 г. № 118-РП «О Департаменте по подготовке кадров в Российской Федерации, странах СНГ и за рубежом при Правительстве Республики Саха (Якутия)» центр переименован в департамент). Подготовка кадров осуществлялась в 350 высших учебных заведениях.

Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 20 декабря 1993 г. № 652 «Об учреждении Академии наук Республики Саха (Якутия)» создано высшее научное учреждение в целях сохранения и развития научного потенциала региона и организации научных исследований, имеющих первостепенное значение для региона, а также работы по развитию системы образования.

Началась реализация научно-социальной программы для школьников «Шаг в будущее» (1996 г.). по воспитанию и развитию талантливых школьников в области исследовательской деятельности и науки.

В период 1992–1998 гг. были созданы школы нового типа – школы повышенного уровня (гимназии и лицеи) в каж-

дом муниципальном районе. Им дали уникальное право создавать модели авторских и экспериментальных школ, осуществлять финансирование на подготовку кадров и повышение их квалификации в передовых ведущих образовательных учреждениях России и мира. Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 3 марта 1997 г. № 60 «О создании сети Президентских школ Республики Саха (Якутия)» они объединены в единую сеть.

В целях поиска, поддержки и развития интеллектуально талантливых детей, обеспечения опережающего развития фундаментального математического, физического образования и информационных технологий в 1999 г. создается постоянно действующий Физико-математический форум «Ленский край»⁸ под учредительством Президента республики – прототип Образовательного центра «Сириус» в г. Сочи. В 2015 г. преобразован в Малую академию наук Республики Саха (Якутия)⁹.

В целях развития музыкально талантливых детей создается Высшая школа музыки (1993 г.), которая набирает обучающихся с первого класса и обучает до получения высшего образования с привлечением ведущих преподавателей России.

В 1995 г. создается Республиканское хореографическое училище им. Аксинии и Натальи Посельских.

Впервые в России в Якутии для равного доступа к средствам образования была осуществлена всеобщая компьютеризация школ республики (1997 г.) и обеспечен всеобщий бесплатный доступ к сети Интернет.

М. Е. Николаев поставил цель перед системой общего образования республики – 100% поступление в высшие учебные заведения к 2010 г.

За счет регионального бюджета Государственный комитет науки и высшего образования Республики Саха (Якутия)

⁸ Указ Президента РС(Я) от 24.06.1999 № 798 «Об организации физико-математического форума «Ленский край». URL: <https://nikolaevcentre.ru/archive/view/doc/148>

⁹ Указ Главы РС (Я) от 29.04. 2015 № 470 «О Малой академии наук Республики Саха (Якутия)». URL: <https://base.garant.ru/26755099/>

финансировал строительство новых объектов учебно-лабораторных корпусов ЯГУ им. М. К. Аммосова с общей площадью 200 тыс. кв. м включая строительство плавательного бассейна «Долгун», спортивного стадиона с манежем «Юность», открытие филиалов в городах Мирном и Нерюнгри.⁷

Были открыты филиалы 28 высших учебных заведений.

В 2000 г. открыт Арктический государственный институт культуры и искусств, как единственный творческий вуз России, деятельность которого направлена на возрождение, сохранение и преемственность исчезающего культурного наследия народов, населяющих Север России и Арктический регион в целом.

Развитие новой системы образования требовало значительного финансирования и консолидации усилий государства, общества и бизнеса. В Якутии созданы некоммерческие организации, призванные работать с крупными промышленными компаниями для привлечения дополнительных ресурсов для социальной сферы: Фонд «Возрождение» (1990 г.) для сохранения и развития культуры народов Якутии, родного языка, поддержки науки и образования, спорта; Фонд будущих поколений (1992 г.) для создания инфраструктуры инновационного и социального развития; международный фонд «Дети Саха-Азия» (1993 г.) для поддержки международных мероприятий.

В целях сохранения здоровья населения с раннего возраста в 1996 г. были организованы и проведены Международные детские спортивные игры «Дети Азии» в г. Якутске. Игры стали толчком

в развитии региона в целом. За 1995–2012 гг. в Якутии были введены в строй 26 спортивных объектов, соответствующих мировым стандартам.

Появилась первая в России доктрина здорового образа жизни.

Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 13 января 1992 года «О первоочередных мерах по совершенствованию здравоохранения Республики Саха (Якутия)» создал условия развития медицины, создания инновационных учреждений здравоохранения. Построен современный клинико-диагностический центр мирового уровня – «Национальный центр медицины» с пятью лечебно-диагностическими центрами, общей площадью 97 тыс. кв. м, открыты медицинский институт и колледж.⁷

Несомненно, что проведенная политика и создание комплекса институтов развития человеческого капитала позволили достичь значительных результатов по развитию человеческого потенциала. Республика сделала гигантский скачок по развитию человеческого потенциала (по динамике ИРЧП) с 41 места в 1994 г. до 5 места в 2002 г. (табл. 1) [Чьямова, Зуева, Мурзина и др., 2015].

Но насколько можно утверждать, что показатель ИРЧП (с 2013 г. – ИЧР) может адекватно отразить те изменения, которые произошли в Якутии в части повышения качества человеческого потенциала? И есть ли другие общепризнанные методики, которые можно было использовать для верификации данного феномена и для планирования дальнейших управленческих мероприятий и контроля их результативности?

Таблица 1

Динамика ИРЧП в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия)

Наименование	1994 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Российская Федерация		0,763	0,761	0,766
Республика Саха (Якутия)	0,706	0,763	0,766	0,784
Ранг в Российской Федерации Республики Саха (Якутия)	41	13	8	5

Источник: Якутия качество жизни населения, 1913–2013 / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Респ. Саха (Якутия) ; [сост.: Н. К. Чьямова, О. В. Зуева, Н. К. Мурзина и др. ; редкол. Т. А. Торговкина (пред.)]. Якутск : Якутский край, 2015. 393 с. .

Измерения качества человеческих ресурсов

Анализ столь высокого скачка индекса ИРЧП в Якутии показывает, что рост был достигнут преимущественно за счёт усилий в сфере образования. С 2000 г. по 2002 г. в Якутии интенсивно открывались филиалы вузов (их число выросло за это время с 9 до 28), это привело к значительному росту численности студентов вузов (с 21,3 тыс. в 2000 г. до 37,4 тыс. в 2002 г., т. е. в 1,8 раза). Поскольку для расчета ИРЧП в части образования используется доля получающих образование в возрасте от 7 до 24 лет, то понятно, что это дало значительный его рост.

Очевидно, что такое увеличение количества получающих высшее образование дало результат в будущем качестве человеческого капитала, но сам показатель ИРЧП никак не отражает это качество и также не отражает качество человеческого потенциала, поскольку сформирован исходя только из числа охваченных образованием и базовой грамотности населения.

Обратимся к другим общепризнанным методикам измерения качества человеческих ресурсов с точки зрения применимости к измерению качества человеческого потенциала для креативной экономики, развитием которой сейчас занимаются власти страны.

В теории и практике менеджмента организация управления качеством человеческих ресурсов организации – довольно разработанная тема. В экономике труда оценка качества человеческих ресурсов делается через систему оценки квалификаций. Но эти методики, связанные с оценкой профессиональной квалификации и компетентностей персонала, не совсем подходят для оценки качества человеческого потенциала, поскольку стратегические решения, направленные на повышение качества человеческого капитала в условиях современной экономики,

больше связаны с повышением уровня интеллектуальных и творческих навыков будущих профессиональных кадров, т. е. направлены скорее на образование.

Рассмотрим принятые официально методики оценки уровня и качества образования с точки зрения использования для оценки качества человеческого потенциала на уровне регионов.

Для управленческих действий на уровне регионов предусмотрена система показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, из которых для целей оценки качества человеческого капитала можно рассмотреть показатели «Уровень образования» и «Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи».¹⁰

Согласно утверждённой методики показатель «Уровень образования» рассчитывается исходя из данных: доступность дошкольного образования для детей в возрастной группе от 2 месяцев до 8 лет; доля населения в возрасте 15–21 года, охваченного образованием; доля рабочей силы в возрасте 22 лет и старше, имеющей среднее профессиональное и (или) высшее образование; доля граждан, прошедших обучение по дополнительным профессиональным программам и программам профессионального обучения; создание новых мест в общеобразовательных организациях, обеспеченность дошкольных образовательных организаций и общеобразовательных организаций охраной; доступность дошкольных образовательных организаций и общеобразовательных организаций для инвалидов (детей-инвалидов).

Как видно, этот показатель лишь отражает создаваемые для образования условия, но никак не отражает реальное качество или уровень образования.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915»

Многолетние исследования влияния образования на экономический рост показывают, что экономическая отдача от образования не так сильно зависит просто от инвестиций в него или от длительности получаемого населением формального образования. Гораздо сильнее на экономическую отдачу индивидуума влияют полученные им когнитивные навыки [Ханушек, 2022]. Представляется, что в условиях современной экономики, при высочайшей конкуренции продуктов, вырабатываемых ее акторами, когда именно инновационность продуктов зачастую определяет ее конкурентоспособность, такая ситуация еще усиливается. Так, по данным Всемирного экономического форума 2017 г., Россия занимала высокое 4-е место в мире с точки зрения объема человеческого капитала (измеряется в основном через показатели охвата населения разными уровнями формального образования), но лишь 42-е место по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности, при этом по индикатору «доступность квалифицированных работников» у России 89-е место в мире¹¹ [Окунькова, 2021].

Как отмечают исследователи НИУ «Высшая школа экономики», «высокий формальный образовательный потенциал российского населения не капитализируется в достаточной мере» [Кузьминов, Фруммин, Сорокин, Абанкина и др., 2019].

С точки зрения качества образования интересен показатель «Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи», который рассчитывается, исходя из данных: доля детей в возрасте от 5 до 18 лет (17 лет включительно), охваченных услугами в сфере дополнительного образования (процентов); доля детей и молодежи в возрасте от 7 до 35 лет, у которых выявлены выдающиеся способности и таланты; доля детей и молодежи в возрасте от 7 до 35 лет, проявивших выдающиеся способности и получивших

государственную поддержку в различных формах.

Этот показатель в какой-то мере отражает будущий потенциал качества человеческого капитала, однако вряд ли именно охват дополнительным образованием напрямую влияет на качество человеческого капитала, дающего экономический эффект. Это касается и выдающихся способностей и талантов в спортивной сфере, что тоже входит в этот показатель.

В 2021 г. Рособрандзор впервые провел оценку субъектов Российской Федерации по качеству образования. Все регионы были оценены по 12 показателям, характеризующим результаты обучения, развитие образовательной среды и эффективность управленческих механизмов в системе образования¹².

С оценкой интеллектуальных и творческих навыков может быть связана лишь первая группа показателей, характеризующая результаты обучения. Но вряд ли результаты ЕГЭ, ОГЭ и ВПР, используемые для формирования этих показателей, могут дать понимание о будущих успехах в развитии креативной экономики региона.

Заключение

Из рассмотренных методик лишь показатель «Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи» для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ частично отражает качество человеческого потенциала, необходимое для развития креативной экономики.

Отсутствие общепризнанных методик расчётов показателей качества человеческого потенциала, опирающихся на объективные достоверные данные, которыми можно оперировать при принятии управленческих решений, ведёт к отсутствию возможности адекватно планировать и контролировать развитие человеческого

¹¹ Доклад «Global Human Capital-2017», изданный Всемирным экономическим форумом в сентябре 2017 г. URL: <https://weforum.ent.box.com/s/dari4dktg4jt2g9xo2o5pksjpatvawdbj> (дата обращения: 03.2024).

¹² Карта качества образования. URL: <https://sn.ria.ru/20220427/obrazovanie-1785734072.html> (дата обращения: 03.2024).

капитала, необходимого для развития современной, в том числе креативной, экономики. Только на основе понимания необходимых качественных характеристик человеческого потенциала и их целевых количественных значений мы сможем ответить на вопрос: какими именно и с каким охватом должны быть образовательные программы в создаваемых креативных образовательных центрах для того, чтобы развивались именно те или иные перспективные для региона индустрии. Если не прилагать целенаправленные усилия, то через некоторое время можно получить избыток одних специалистов и дефицит других.

Следует отметить, что характери-

сти качества человеческого потенциала, которыми можно оперировать для управленческих целей, могут быть совершенно разными для разных регионов в зависимости от текущих условий и приоритетно развиваемых сфер и даже от принимаемых управленческих решений. Т. е. проблематика в этой области скорее связана не с разработкой универсальных для стран и регионов показателей, а с разработкой методик по выявлению значимых и ключевых характеристик человеческих ресурсов для конкретного региона в конкретных условиях для планирования и контроля результатов конкретных управленческих действий.

Список источников:

1. Ашрапова Д. Ш. Трансформация образовательного пространства в фактор эндогенного экономического роста : дисс. ... канд. экон. наук : 5.2.1. // Ашрапова Дина Шамилевна; [Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет ; Диссовет КФУ.052.1]. Казань, 2023. 228 с.
2. Бондарская О. В., Бондарская Т. А. Онтология развития оценки креативного человеческого капитала в региональном пространстве // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 17–23. – EDN UMCJON.
3. Головин А. А. Управление качеством жизни населения с использованием бюджета социального времени : дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05 // Головин Андрей Аркадьевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»]. Москва, 2022. 225 с.
4. Горда О. С. Креативная экономика: теоретические основы и особенности функционирования в условиях становления новой экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 24–37. – EDN CGHJSA.
5. Гришина Е. С. Оценка человеческих ресурсов как инструмент диагностики конкурентоспособности региона : дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05 // Гришина Елизавета Сергеевна; [Место защиты: Финансовый ун-т при Правительстве РФ]. Москва, 2013. 150 с.
6. Кузьминов Я. И., Фрумин И. Д., Сорокин П. С., Абанкина И. В. и др. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? : коллективная монография; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 284 с.
7. Конкурентоспособность территорий : материалы XXVI Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 26–29 апреля 2023 г.) : в 3 частях / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и др. ; ответственные за выпуск : Я. П. Силин, В. Е. Ковалев. Екатеринбург : УрГЭУ, 2023. Ч. 3 : 18. Повышение уровня конкурентоспособности регионов и муниципальных образований; 19. Внешнеэкономическая деятельность: теория и практика; 20. Конкурентные вызовы в управлении человеческими ресурсами; 21. Мир человека: исторические и культурные измерения конкурентоспособности. 197 с.
8. Мызин А. Л., Гурбан И. А. Проблемы оценки человеческого капитала в контексте исследования национального богатства регионов России // Экономика региона. 2011. № 1(25). С. 104–109. – EDN NHZNLP.

9. Окунькова Е. А. Управление развитием человеческого капитала в инновационной экономике: теоретико-методологический и концептуальный подходы : дисс. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Окунькова Елена Александровна; [Место защиты: Юго-Западный государственный университет]. Москва, 2021. 303 с.

10. Остапенко Е. А. Влияние показателей качества человеческого потенциала на развитие региональной экономики // Управление. 2023. №11(3):51–60. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-51-60>

11. Потенциал сообществ для развития творческих индустрий и социально-предпринимательских проектов в культуре : статьи и материалы: методический сборник, Республика Северная Осетия-Алания – Вологда – Севастополь– Краснодарский край, 01 августа – 09 2021 года. Том Выпуск 4. М. : ИП Ершов И.А., 2021. – 300 с. – EDN JXVHCX.

12. Развитие социально-предпринимательских проектов в области креативных индустрий: введение в проблематику; Потенциал сообществ для развития творческих индустрий и социально-предпринимательских проектов в культуре: статьи и материалы // Составители, общая и научная редакция: О. Н. Астафьева, О. В. Коротеева, И. А. Купцова. Школа Культурного форума регионов России (Республика Северная Осетия-Алания – Вологодская область – Севастополь – Краснодарский край, август – октябрь 2021 г. Вып. 4. Методический сборник. М.: Изд-во ИП Ершов И.А., 2021. С. 7–18.

13. Симонова Л. М., Зырянова А. С. Человеческие ресурсы с высоким потенциалом в новых экономических условиях: проблемы управления в системе территориального маркетинга // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 2(34). С. 157–177. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-157-177>.

14. Степанов М. Р. Формирование инвестиционной модели управления подготовкой кадров для региона : дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Москва, 2003. 176 с.

15. Ушаков Д. В. Интеллект, ценности и процветание наций: как измерить отдачу образования. М.: Национальное образование. 2016. 136 с

16. Ханушек Э., Вёссманн Л. Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста / пер. с англ. под. науч. ред. А Рябова. М. : Издательский дом ВШЭ, 2022. 351 с.

17. Худов А. И. Методы и инструменты управления цифровой трансформацией региона : дисс ... канд. экон. наук : 5.2.3. / Худов Александр Михайлович; [Место защиты: АНОО ВО ЦРФ «Российский университет кооперации» ; Диссовет Д 513.002. XX (75.2.046.02)]. Мытищи, 2023. 217 с.

References:

1. Ashrapova D. Sh. (2023) Transformation of educational space into a factor of endogenous economic growth: diss. ...cand. econ. Sciences: 5.2.1. [Place of defense: Kazan (Volga region) Federal University; Dissertation Council KFU.052.1]. Kazan. 228 p. (In Russ.).

2. Bondarskaya O. V., Bondarskaya T. A. (2015) Ontology of development of assessment of creative human capital in the regional space *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. Vol. 10. No. 6: 17–23. –EDN UMCJOH. (In Russ.).

3. Golovin A. A. (2022) Managing the quality of life of the population using the budget of social time: diss. ...cand. econ. Sciences: 08.00.05 [Place of defense: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “State University of Management”]. Moscow. 225 p. (In Russ.).

4. Gorda O. S. (2023) Creative economy: theoretical foundations and features of functioning in the conditions of the formation of a new economy *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravleniye* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics

and Management]. Vol. 9. No. 2: 24–37. – EDN CGHJSA. (In Russ.).

5. Grishina E. S. (2013) Assessing human resources as a tool for diagnosing the competitiveness of the region: diss. ...cand. econ. Sciences: 08.00.05 [Place of defense: Financial University under the Government of the Russian Federation]. Moscow. 150 p. (In Russ.).

6. Kuzminov Ya. I., Frumin I. D., Sorokin P. S., Abankina I. V. et al. (2019) How to make education the engine of socio-economic development? : collective monograph; National research University “Higher School of Economics”, Institute of Education. M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics. 284 p. (In Russ.).

7. Competitiveness of territories: materials of the XXVI All-Russian Economic Forum of Young Scientists and Students (Ekaterinburg, April 26–29, 2023): in 3 parts / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, etc.; responsible for the release: Ya. P. Silin, V. E. Kovalev. Ekaterinburg: USUE, 2023. Part 3: 18. Increasing the level of competitiveness of regions and municipalities; 19. Foreign economic activity: theory and practice; 20. Competitive challenges in human resource management; 21. The human world: historical and cultural dimensions of competitiveness. 197 p. (In Russ.).

8. Myzin A. L., Gurban I. A. (2011) Problems of assessing human capital in the context of studying the national wealth of Russian regions *Ekonomika regiona* [Regional Economics]. No. 1(25): 104–109. – EDN NHZNL. (In Russ.).

9. Okunkova E. A. (2021) Management of human capital development in an innovative economy: theoretical, methodological and conceptual approaches: diss. ... Doctor of Economics Sciences: 08.00.05 [Place of defense: Southwestern State University]. Moscow. 303 p. (In Russ.).

10. Ostapenko E. A. (2023) The influence of indicators of the quality of human potential on the development of the regional economy *Upravleniye* [Management]. No. 11(3):51–60. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-51-60> (In Russ.).

11. The potential of communities for the development of creative industries and social and entrepreneurial projects in culture: articles and materials: methodological collection, Republic of North Ossetia-Alania – Vologda – Sevastopol – Krasnodar Territory, August 01–09, 2021. Vol. Issue 4. Moscow: IP Ershov I. A., 2021. 300 p. EDN JXVHCX. (In Russ.).

12. Development of social and entrepreneurial projects in the field of creative industries: introduction to the issues; The potential of communities for the development of creative industries and social-entrepreneurial projects in culture: articles and materials // Compilers, general and scientific editors: O. N. Astafieva, O. V. Koroteeva, I. A. Kuptsova. School of the Cultural Forum of Russian Regions (Republic of North Ossetia-Alania – Vologda Region – Sevastopol – Krasnodar Territory, August – October 2021. Issue 4. Methodological collection. M.: Publishing House IP Ershov I. A., 2021. With 7–18. (In Russ.).

13. Simonova L. M., Zyryanova A. S. (2023) Human resources with high potential in new economic conditions: management problems in the system of territorial marketing *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research]. Vol. 9. No. 2(34): 157–177. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-157-177>. (In Russ.).

14. Stepanov M. R. (2003) Formation of an investment model for managing personnel training for the region: diss. ...cand. econ. Sciences: 08.00.05. Moscow. 176 p. (In Russ.)

15. Ushakov D. V. (2016) Intelligence, values and prosperity of nations: how to measure the impact of education. M.: National education. 136 p. (In Russ.).

16. Hanushek E., Woessmann L. (2022) Intellectual capital in different countries of the world. Education and economic theory of growth / trans. from English under. scientific ed. And Ryabova. M.: HSE Publishing House. 351 p. (In Russ.).

17. Khudov A. I. (2023) Methods and tools for managing the digital transformation of the region: diss... cand. econ. Sciences: 5.2.3. / Khudov Alexander Mikhailovich; [Place of defense: ANOO VO Central Russian Federation “Russian University of Cooperation”;

Dissertation Council D 513.002.XX (75.2.046.02)]. Mytishchi. 217 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Информация об авторе

В. А. Егоров – кандидат физико-математических наук, доцент, генеральный директор Целевого фонда будущих поколений Республики Саха (Якутия), слушатель программы “Доктор государственного управления - Doctor of Public Administration (DPA)” Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Information about the author

V. A. Egorov – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, General Director of the Trust Fund for Future Generations of the Republic of Sakha (Yakutia), student of the program “Doctor of Public Administration (DPA)”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.35

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-97-114

Концепт вовлеченности жителей города в территориальное общественное самоуправление по месту жительства: социологический анализ

Николай Михайлович Байков¹, Юрий Владимирович Березутский²,
Екатерина Николаевна Ермошкина³, Денис Викторович Митрофанов⁴

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

³ Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

⁴ Администрация г. Хабаровска, Хабаровск, Россия

¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>

² berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

³ dubikova_katya@mail.ru

⁴ d.v.mitrofanov@adm.khv.ru

Аннотация. В статье авторами представлен теоретический и эмпирический анализ концепта вовлеченности жителей города Хабаровска в территориальное общественное самоуправление. Проведенный на основе результатов социологических исследований сравнительный анализ сознания и поведения двух категорий хабаровчан (проживающих и не проживающих в домах с ТОС) позволяет нам утверждать, что жители, проживающие в домах, где зарегистрирован ТОС, более активны и более вовлечены в жизнь своих домов: они демонстрируют большее желание быть сопричастными к разработке проектов для участия в конкурсе ТОС; они в большей степени проявляют свое неравнодушие и вовлеченность в решение проблем благоустройства своей дворовой территории; в большей степени помогают финансовыми и материальными ресурсами в создании инфраструктурных проектов, готовы принимать участие в проектах своим личным вкладом; они более бережно относятся к проектам, которые были созданы их руками в своих дворах. Поэтому можно сделать главный вывод нашего исследования: развитие ТОС существенно повышает социальную активность жителей и их неравнодушие к тому, что происходит вокруг них. ТОС в современных условиях выступает наиболее успешным инструментом совместного решения актуальных проблем благоустройства дворовых территорий органами местного самоуправления с жителями. Поэтому совершенствование программ развития ТОС в городах и населенных пунктах является наиважнейшей стратегической задачей органов местного самоуправления и государственной власти по вовлечению населения в решение вопросов местного значения, по повышению доверия жителей как органам местного самоуправления, так и общественным объединениям. Именно доверие выступает фундаментальной основой развития гражданского общества.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, социальная активность, вопросы местного значения, социальное партнерство, местное самоуправление, город Хабаровск

Благодарность: работа выполнена в рамках исследования «Вовлечение населения в территориальное общественное самоуправление как ресурс развития местного сообщества города Хабаровска» (2023 г.) в рамках муниципального гранта, реализованного в соответствии с Постановлением администрации г. Хабаровска от 13 мая 2021 г.

№1804 «О предоставлении на конкурсной основе грантовой поддержки программ и проектов социально ориентированных некоммерческих организаций».

Для цитирования: Байков Н. М., Березутский Ю. В., Ермошкина Е. Н., Митрофанов Д. В. Концепт вовлеченности жителей города в территориальное общественное самоуправление по месту жительства: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 97–114. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-97-114>

Original article

The concept of the Khabarovsk residents' involvement into territorial public self-government at their place of residence: sociological analysis

Nikolay M. Baykov¹, Yuriy V. Berezutskiy², Ekaterina N. Ermoshkina³, Denis V. Mitrofanov⁴

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

³ The Samara State Technical University, Samara, Russia

⁴ The Khabarovsk Administration, Khabarovsk, Russia

¹ baykov-nm@ranepa.ru

² berezutskiy-yv@ranepa.ru

³ dubikova_katya@mail.ru

⁴ d.v.mitrofanov@adm.khv.ru

Abstract. *The authors of the article present a theoretical and empirical analysis of the concept of the Khabarovsk residents' involvement into territorial public self-government (TPSG) processes. A comparative analysis of consciousness and behavior of two categories of Khabarovsk residents (living and not living in houses with TPSG) carried out on the basis of a sociological research results allows authors to assert that residents living in houses with TPSG are more active and more involved into their house social live: they demonstrate a greater desire to be involved into competitions of TPSG projects, they are more likely to show their concern and involvement in solving problems of improvement of their yard territory, they are more likely to help by financial and material resources to create infrastructural projects, they are ready to take part in projects by personal contribution, they are more careful about projects created by their own hands in their backyard. Therefore, the main conclusion of the study: the development of TPSG can significantly increase residents' social activity. In modern conditions, TPSG is the most successful tool for joint (local government and residents) solving of problems of yard territorial improvement. So, the TPSG improvement programs development in cities and towns is the most important strategic task of local governments and state authorities that includes involving of residents into processes of solving issues of local importance and increasing residents' trust in local governments and public associations, because trust is fundamental for the development of society.*

Keywords: *territorial public self-government, social activity, issues of local importance, social partnership, local government, city of Khabarovsk*

Acknowledgments: the research was carried out as a part of the scientific study «Population involvement in territorial public self-government as a resource for the development of the local community of the city of Khabarovsk» (2023), within the framework of a municipal grant implemented in accordance with the Resolution of the Administration of Khabarovsk dated May 13, 2021 No. 1804 «On the provision of grant support on a competitive basis for programs and projects of socially oriented non-profit organizations».

For citation: Baykov N. M., Berezutskiy Yu. V., Ermoshkina E. N., Mitrofanov D. V. (2024) The concept of the Khabarovsk residents' involvement into territorial public self-government at their place of residence: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 97–114. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-97-114>

Введение

В социальной теории и практике концепт «вовлечение» активно используется в научном дискурсе, но не имеет однозначно принятого определения и коррелирует с несколькими десятками синонимов и близких по содержанию понятий и толкований.¹ Широкое использование, интерес и включенность в дискурс многих дисциплин и практик свидетельствуют о его значимости для социальной теории и местного самоуправления. Термин «вовлеченность» используется для описания практически каждого типа взаимодействия, однако теоретически он остается слабо изученным и обоснованным.

Общественное самоуправление, которое жители организуют на территории своего проживания, определенное в законодательном порядке как территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС)², можно характеризовать по степени их вовлеченности и проявлению солидарности (социальной активности, социального участия). В этой связи житель дома, вовлеченный в проектную деятельность территориального общественного самоуправления – это мотивированный, солидарный с другими субъектами актор социального взаимодействия.

С принятием федерального закона территориальное общественное самоуправление институировалось и активно развивается во многих российских субъектах, имея как общие черты, так и специфические особенности. Опыт развития ТОС в крупных городах и субъектах РФ дает не только возможность увидеть эти особенности, но и позволяет использовать их в развитии ТОС конкретной территории.

Так, городской округ «город Белгород» характеризуется высокой степенью концентрации ТОС, несмотря на невысокую численность населения. При численности населения города чуть более 330 тыс. чел. в городе насчитывается более 630 ТОС. В первом полугодии 2022 г. в городском округе «город Белгород» было поддержано более 50 проектов ТОС на общую сумму более 20 млн рублей. Однако финансирование проектов ведется только из регионального бюджета [Карahanов, Шахворостов, 2023. С. 111].

В городе Перми, несмотря на развитие ТОС с 2008 г., ситуация развивается обратная – на большой по численности город (проживает чуть более 1 млн чел.) зарегистрированных ТОС всего 113. При этом лишь порядка 10% этих ТОС можно отнести к категории «активных». Так, конкурсный отбор, проведенный администрацией Перми в 2022 г., определил для реализации 13 инициативных проектов из 14 поданных заявок. Для их реализации было выделено 22 млн рублей [Макаров, Аксютин, 2023. С. 178].

В городе Новосибирске (численность населения чуть превышает 1,6 млн чел.), напротив, ТОС демонстрирует свой высокий уровень активности: из зарегистрированных 147 ТОС в 2023 г. заявки на участие в городском конкурсе представлено 65 проектов, 34 из которых получили поддержку на общую сумму 5 млн рублей. В основном проекты направлены на благоустройство придомовых территорий, создание мини-парков, установку игровых и спортивных элементов. ТОС города имеют и свои специфические направления деятельности: они участвуют в организации летних трудовых лагерей

¹ Синонимы к слову «вовлечение». Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/вовлечение> (дата обращения 20 февраля 2024 г.).

² Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 (дата обращения 20 февраля 2024 г.).

для подростков, оказывают содействие правоохранительным органам в обеспечении общественной безопасности³.

Развитие ТОС в г. Нижний Новгород (численность населения чуть превышает 1,2 млн чел.) ведет свое начало с 1994 г. и имеет свою особенность несмотря на то, что в городе работает всего 63 ТОС⁴. Администрацией города была проведена работа по изменению принципов работы в советах общественного самоуправления, в результате чего была разработана новая концепция. В основе ее лежит создание «соседских центров» с целью максимального вовлечения активных жителей «третьего возраста» в жизнь города (задумка простая – знакомство и общение с соседями создает благоприятную среду для жизни). В новых реалиях Дома культуры трансформировались в соседские центры – точки притяжения для местных жителей, объединенных общими интересами и районом проживания. На данный момент в городе действуют 15 соседских центров (8 из которых изначально организованы на базе ТОС) и их число продолжит расти.

Интересен опыт привлечения финансирования ТОС г. Самары (численность населения порядка 1,2 млн чел.) не только из средств муниципального и регионального бюджета, но и федерального. С 2019 г. действует областной закон о государственной поддержке ТОС, создан соответствующий Совет при Губернаторе Самарской области (советы действуют практически во всех муниципалитетах). На территории Самарской области осуществляют свою деятельность 175 ТОС, из которых 76 действуют в г. Самаре⁵. В

2023 г. на развитие ТОС Самарской области консолидировано было выделено более 170 млн рублей из всех уровней бюджетов. Особенность самарских ТОС – в качестве юридического лица зарегистрировано 126 ТОС (72%). Именно статус юридического лица позволяет ТОС участвовать в федеральных грантовых проектах и привлекать федеральное финансирование своих социальных проектов. По общей сумме средств, выигранных через Фонд Президентских грантов за 5 лет, Самарская область занимает 4-е место в стране⁶.

Активное развитие с 2020 г. получило и территориальное общественное самоуправление в г. Хабаровске несмотря на то, что в Хабаровском крае движение ТОС развивается с 2015 г. [Березутский, Митрофанов, 2023. С. 142]. В структуре гражданского общества Хабаровска ТОС прошло за четыре года путь от становления к активному развитию, благодаря эффективной организационной работы органов местного самоуправления по разработке и принятию нормативных правовых документов и оказанию действенной помощи городским активистам в юридической регистрации и грантовой поддержке.

Сегодня в Хабаровском крае осуществляют деятельность 1625 ТОС, восемь из которых зарегистрированы в качестве юридических лиц. Из них в г. Хабаровске (численность населения чуть более 600 тыс. чел.) зарегистрировано 369 ТОС (23%)⁷.

Жители, участвующие в развитии ТОС, реализуют различные виды своей вовлеченности. В большей мере вовлеченность

³ Мэр Анатолий Локоть обозначил приоритетные направления работы органов ТОС в 2023 году. URL: <https://новосибирск.рф/news/359813> (дата обращения: 26 февраля 2024 г.).

⁴ Соседский центр в родном районе: место притяжения идей и событий. URL: <https://nn.plus.rbc.ru/partners/64776e987a8aa9cb551e33f7> (дата обращения: 26 февраля 2024 г.).

⁵ Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления, об эффективности мер государственной поддержки территориального общественного самоуправления в Самарской области в 2023 году. – URL: https://www.samregion.ru/wp-content/uploads/2024/03/prilozhenie_doklad-o-razviti-tos_v_2023.pdf (дата обращения: 29 марта 2024 г.).

⁶ Дмитрий Азаров рассказал о практиках по развитию местного самоуправления на межрегиональном форуме в Самаре. URL: <https://tvsamara.ru/news/dmitrii-azarov-rasskazal-o-praktikakh-razvitiyu-mestnogo-samoupravleniya-na> (дата обращения: 26 февраля 2024 г.).

⁷ Территориально-общественное самоуправление (ТОС) в Хабаровском крае. URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/TOS/Territorialno-obschestvennoe-samoupravlenie-TOS-v-Habarovskom-krae> (дата обращения: 26 февраля 2024 г.).

жителей в общественное самоуправление по месту жительства носит социальный аспект, отражающий активный процесс решения актуальных проблем развития своего дома или двора. В процессе развития ТОС жители проявляют и интеллектуальную вовлеченность, связанную с их активным участием в разработке социальных проектов для участия в муниципальных и краевых конкурсах грантовой поддержки ТОС. Жители проявляют и трудовую активность и вовлеченность, когда вкладывают собственные силы, средства и ресурсы для создания проектов (будь то строительство спортивной или детской площадки). При этом не исключаются различные аспекты вовлеченности, отражающие удовлетворенность от реализованного проекта и достигнутых результатов (на уровне поддержки, одобрения), например, по благоустройству двора или обеспечению безопасности на его территории с помощью видеонаблюдения.

Взаимодействие муниципалитета и активной части городского сообщества на основе создания условий и добровольной самоорганизации позволило вовлечь жителей в процессы создания комфортной среды на территориях своего проживания (благоустройство двора, дорог и тротуаров, строительство детских и спортивных площадок, организация праздников и мероприятий и др.). Как институт солидарного гражданского общества, имеющий специфическую публично-ориентированную цель и сферу социально полезной деятельности, ТОС является связующим звеном между населением и муниципальным уровнем публичной власти. Это позволяет вовлекать жителей города в управление общественными процессами повышения качества жизни, формировать у граждан чувство патриотизма, снижать уровень социальной напряженности.

Вместе с тем одной из главных проблем развития ТОС в городе является упрощенное понимание городскими активистами, муниципальными служащими и бизнес-сообществом его сущности как сугубо инструмента оперативного решения инфраструктурных проблем дворовых территорий. К сожалению, в

меньшей степени ТОС воспринимается как местное сообщество, способное включаться в комплексное развитие городского округа, а также выступать социально-политическим ресурсом (например, формирование и развитие депутатского и кадрового управленческого резерва для органов местного самоуправления).

Анализ развития ТОС в городе Хабаровске показывает, что административный путь формирования самоуправляющихся территорий позволил быстро и рационально внедрить в практику новую модель. Однако такая практика стимулировала граждан в большей мере на ситуативное использование ТОС для решения проблем благоустройства своих дворовых территорий, чем вовлечение в гражданское общество и социальное партнерство с органами местного самоуправления по комплексному и стратегическому развитию городского округа. Большинство жителей в силу разных причин недостаточно осведомлены о возможностях и полезности данного института. Как следствие, его эффективность не отвечает в полной мере своему предназначению как субъекта гражданского общества и социального партнера местной власти в силу завышенного ожидания органами местного самоуправления от организационного эффекта создания ТОС и низкого уровня сформированности местных сообществ в районах города, заинтересованных в общественном служении. К другим проблемам вовлечения горожан в ТОС относятся их недостаточная гражданская инициативность и различная степень активности на местах; слабая ресурсная (в первую очередь – финансовая) обеспеченность деятельности; несовершенство механизма софинансирования проектов и др.

Таким образом, актуальность проблем обуславливает необходимость социологической диагностики вовлеченности горожан в ТОС как социально ответственного подхода к практике общения, результаты которого соответствуют индивидуальным, общественным, гражданским и институциональным выгодам. Учитывая немногочисленность научных исследований по данной теме и их сосредоточен-

ность на отдельных аспектах состояниях вовлеченности граждан, полагаем, что ее социальная перспектива состоит в признании эффектов на коллективном уровне, когда смысл создается посредством социально обусловленного процесса взаимодействия людей. Именно посредством взаимодействия органов местной власти и общественности могут приниматься решения, которые способствуют их личностному, организационному, общественному и гражданскому социальному развитию. Это может быть достигнуто посредством усиления информированности населения о работе ТОС, формирования в общественном сознании смысловых образцов успешных ТОС и их лидеров, повышения активности жителей средствами демонстрации его преимуществ, укрепления механизма взаимодействия с муниципальными органами власти и тиражирования передового опыта.

Методология исследования

Процесс вовлеченности жителей в ТОС имеет несколько теоретических оснований, представленных в меньшей мере в отечественной и в большей мере в зарубежной социологической науке. Однако использование концепта «вовлеченность» широко варьируется, а исследователи, активно обращаясь к идее вовлеченности, признают высокую роль вовлеченности в интерактивной коммуникации, но не дают ясного объяснения, почему и каким образом эту характеристику использовать в практической деятельности. Это согласуется с интерпретацией «Концепта как условной единицы, отличающейся некоторой размытостью. Концепт состоит из ядра, являющегося его именем, и периферией. Ядро содержит наиболее значимые языковые ассоциации, периферия – менее значимые. Количество разных ассоциаций безгранично (сколько людей – столько ассоциаций). Следовательно, концепт не имеет границ» [Крюкова, 2008. С. 132].

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают разобщенность и фрагментарность подходов к изучению данного феномена [Кириллина, 2020. С. 27–33]. С позиции феноменологической традиции Р. Крейг поставил вопрос о правомерности применения показателя

вовлеченности в оценке социального потенциала коммуникации [Craig, 1999. P. 119–161].

М. Тейлор и Л. Кент связывают вовлеченность, прежде всего, с общественным диалогом акторов взаимодействия: «... вовлеченность является частью диалога, взаимодействуя в котором организация и общественность могут принимать совместные решения, создающие социальный капитал» [Taylor, Kent, 2014. P. 385]. Авторы выделяют пять подходов к изучению феномена вовлеченности: (1) вовлечение в сетевую коммуникацию (социальные сети); (2) вовлечение персонала; (3) вовлечение в рамках корпоративной социальной ответственности; (4) вовлечение как гражданское участие и социальный капитал; (5) вовлечение в диалог.

С их точки зрения, диалог всегда обусловлен взаимодействием, основанном на вовлеченности в него заинтересованных сторон, позитивном отношении к собеседнику, с учетом опыта и потребностей последнего; на поддержании коммуникации за рамками непосредственной ее цели, обращении к собеседнику в поисках совета, консультаций относительно предмета и формы взаимодействия, признании взаимозависимости участников.

Э. Зоммерфельдт вовлеченность рассматривает как конституирующий элемент современного гражданского общества. Участие общественных групп в проектах создает социальный капитал и помогает в продвижении общественно-значимых инициатив. Связи с общественностью в этом случае следует рассматривать как инструмент выстраивания взаимоотношений через СМИ, общение и деятельное сотрудничество с представителями гражданского сообщества в рамках производства «общественного блага» [Sommerfeldt, 2013. P. 347–367].

И. Гофман на основе метода микроанализа определяет «порядок взаимодействия лицом-к-лицу», в котором «сосредоточенность и вовлеченность участников (хотя бы в форме мобилизации внимания) является критической переменной, а эти когнитивные состояния нельзя поддерживать достаточно долго или многократно испытывать на прочность насильственными перерывами или

отклонениями в сторону» [Гофман, 2002]. При этом понятие вовлеченности он трактует как «психобиологический процесс, в котором субъект перестает, по крайней мере частично, сознавать направления своих переживаний и познавательного внимания. Это, собственно, означает сосредоточенность, поглощенность делом (engrossment)» [Гофман, 2003. С. 436].

Согласно теории обмена (Дж. Хоманс, П. Блау) «всякие контакты среди людей покоятся на схеме представления и возврата эквивалентности».⁸ С этих позиций в качестве главных стимулов вовлеченности жителей в ТОС можно назвать их личные интересы или потребности. В социальных ситуациях двустороннего взаимодействия они выбирают поведение, которое максимизирует вероятность удовлетворения в них собственных интересов, а коммуникации стимулируются стремлением к равноценному обмену (прямому или косвенному, материальному и нематериальному) [Хоманс, 1984. С. 82–91].

В отличие от внимания Дж. Хоманса к межличностному обмену, П. Блау интересовали не психологические, а социологические аспекты, которые он рассматривает в системе понятий «лидерство», «авторитет» и «нормативная структура» [Блау, 1994. С. 3–16]. С их помощью социолог предпринял попытку обосновать обмен переходом с микроуровня межличностных отношений на мезоуровень социальных структур.

Применительно к теме нашего исследования, согласно П. Блау, весь комплекс действий активистов и представителей власти по вовлечению жителей в ТОС обусловлен тем, что люди по разным причинам тянутся друг к другу. Это побуждает их объединяться, устанавливать социальные связи, которые расширяются и укрепляются при достижении вознаграждения (например, поддержка гранта на благоустройство своего двора). В дальнейшем это ведет к образованию устойчивых групп из числа тех жителей, кто активно вовлечен в ТОС. Желающие вступить в эту группу должны доказать,

что они смогут предоставить необходимый вклад в проектную деятельность как вознаграждение.

В ситуациях, когда механизм обмена в силу разных причин не работает, согласно теории П. Блау, может быть использован один из четырех механизмов: принуждение, поиск другого источника нужных благ, попытка получать блага бесплатно и предоставление себя власти другого. На этих стадиях возникает феномен лидерства, возможности отбора из числа жителей тех, кто обладает большими возможностями на руководящих местах в общественном самоуправлении на территории проживания. Обладание лидерством и властью оказывает влияние на возможности помогать и осуществлять ценные для других людей действия, используя их стремления к обмену. На таких условиях жители готовы взаимодействовать для получения благ по созданию комфорта среды конкретной территории своего проживания.

Переход от элементарных форм взаимодействия жителей к участию в ТОС осуществляется с помощью норм и ценностей, которые выполняют роль связующего звена и делают возможным опосредованный социальный обмен. Ценность образуется, когда один из членов группы формирует групповую норму и получает вознаграждение за этот вклад в функционировании группы.

Таким образом, использование теории социального обмена и других концептуальных положений в социологическом познании механизма вовлечения жителей позволяет детально подойти к изучению особенностей и структуры социальных взаимоотношений в ТОС и возможностей его дальнейшего развития в условиях городского округа.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической основой работы послужили социологические исследования.

Исследование «Состояние и перспективы социальной активности хабаровчан» проведено с применением методики анкетного опроса, 2020 г. Объектом исследования выступили жители г. Ха-

⁸ Большой толковый социологический словарь (Collins) / Т.2 (П-Я). Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – С. 330.

баровска в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и району проживания хабаровчан. В опросе приняло участие 606 жителей. Ошибка выборки не превышает 5%. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент, заместитель директора Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по научной и воспитательной работе Ю. В. Березутский.

Исследование «Общественная активность хабаровчан» проведено с применением методов анкетного опроса и фокус-групп, 2023 г. В анкетном опросе приняло участие 565 жителей г. Хабаровска, проживающих на территории действующих ТОС. Ошибка выборки не превышает 5%. Также проведено 5 фокус-групп с руководителями ТОС во всех пяти районах городского округа. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент, заместитель директора Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по научной и воспитательной работе Ю. В. Березутский.

Обсуждение темы

Обзор научных публикаций по теме ТОС, представленных в отечественном дискурсе ученых и практиков, отражает как политологические, так и социологические аспекты его состояния и функционирования. Не претендуя на полноту их анализа, отметим те, которые представляют исследовательский интерес к концепту вовлеченности граждан в ТОС.

Так, подход к ТОС как к институциональному образованию акцентирует внимание на вовлечении жителей на условиях партнерских отношений с местной властью. При этом авторы делают вывод о том, что в современных российских условиях уровень институционализации общественного самоуправления не высок и «необходим новый подход к развитию местных сообществ, основанный на учете его «активов». Его применение позволит обеспечить активизацию всех ресурсов местного сообщества и наращивание социального капитала». [Медведева, Фролова, Рогач, 2021. С. 78].

Анализ ТОС как института социального партнерства муниципальной власти и организованных жителей указывает на его определенную противоречивость. Она

проявляется в том, что наличие большого числа органов ТОС не является показателем столь же значительной доли жителей города, вовлечённых в их деятельность. Ставка на инициативу «снизу» и самоорганизацию жителей при создании новых ТОС имеет положительное значение, однако нельзя признать достаточными и соответствующими задачам их развития меры поддержки со стороны городской и региональной власти, общественных организаций. Акцентируется внимание на слабое использование потенциала ТОС в решении вопросов местного значения [Букалова, 2018. С. 145].

Социологический подход к ТОС как к институту взаимодействия муниципальной власти с городским сообществом выявил ключевые проблемы, препятствующие его развитию. Среди них не только недостаточная финансовая обеспеченность ТОС посредством муниципальных грантов на конкурсной основе, но и наличие скорее «иждивенческой», нежели конструктивной позиции жителей, которые ждут решения своих проблем от власти. Обращается внимание на то, что осуществление ТОС – это процесс, требующий наличия лидеров, имеющих определенные знания и опыт, желающих заниматься сплочением жителей для достижения публичных целей, способных взять инициативу по организации и развитию органов ТОС в свои руки. Однако на практике активисты территорий – это, главным образом, жители старшего (предпенсионного и пенсионного) возраста [Заливанский, 2017. С. 36–46].

Анализ вопросов динамики участия граждан в общественном самоуправлении показал, что степень их включенности в него характеризуется интенсивностью взаимодействия горожан с различными институтами – управами, советами территории и ТОС, а также с местной администрацией. Зафиксирована тенденция проявления активности граждан в отношении благоустройства придомовой территории, подъезда в противовес недостаточной заботе о состоянии микрорайона и города в целом. Выявлено также, что граждане в целом больше декларируют высокую степень готовности к социальной активности в

общественном самоуправлении, чем реализуют ее фактически в повседневной практике жизнедеятельности. В улучшении состояния жизненного пространства в большей мере участвуют женщины, пенсионеры и граждане среднего возраста [Боженков, 2022. С. 29].

Информационное обеспечение процесса вовлечения городского населения в ТОС – значимое условие его развития и результативности. Важное значение имеют степень осведомленности населения о системе общественного самоуправления, разделение города на внутренние территории, основной функционал органов муниципального управления. Согласно исследованиям Е. А. Старостовой, наблюдается «крайне низкая степень интереса жителей к ТОС, которые, однако, изначально задумывались как социальные институты, призванные содействовать в решении многих локальных проблем и одновременно аккумулировать гражданский потенциал в интересах развития городских территорий» [Старостова, 2022. С. 59–60].

В целом можно сделать вывод, что институализация ТОС в российских регионах имеет как положительный опыт, так и нереализованные этим инструментом возможности к высокой самоорганизации граждан по месту жительства, солидарности и сплочению в партнерстве с местной властью по решению комплексного развития своих городов.

Результаты исследования

Социологическое измерение вовлеченности жителей городского округа в ТОС основывается на изложенных выше методологических подходах с учетом отечественного опыта его становления и развития. Учитывая, что институализация ТОС в городе Хабаровске началась с 2020 г., за истекший период времени авторами были проведены социологические исследования с использованием методов опроса жителей и фокус-групповых интервью с руководителями ТОС. Они касались как оценки состояния социальной активности хабаровчан

и перспектив их вовлеченности в ТОС (2020 г.), так и оценок жителями и руководителями образованных ТОС результатов их функционирования (2023 г.).

Ранее мы уже отмечали, что «среди существующих многообразных форм городского активизма в последние годы активно развивается неполитическая деятельность людей, направленная на вовлечение населения в решение вопросов местного значения. При этом территориальное общественное самоуправление выступает как приоритет в самоорганизации локальных общностей» [Байков, Березутский, Юревич, 2021. С. 133]. В этом процессе жители расходуют свои личные или семейные ресурсы (временные, физические, интеллектуальные и финансовые), воспринимают его как существенную часть своей жизни для создания комфортной среды проживания на данной территории, в том или ином доме или подъезде.

Современное состояние ТОС в городе Хабаровске можно оценить, как динамичное и устойчивое, как и в целом в муниципальных образованиях Хабаровского края. Так, если в начале 2020 г. в городском округе не было создано ни одного ТОС, то на 18 марта 2024 г. их уже стало 369 из 1625 ТОС в целом по краю⁹. В них вовлечено порядка 70 тыс. жителей городского округа.

Включенность жителей в общественные организации (объединения) является одним из основных индикаторов готовности участвовать в решении актуальных вопросов жизнедеятельности общества. Результаты опросов показывают, что на фоне подавляющей невовлеченности горожан в общественные организации (объединения) в 2020 г. (91,8%), жители домов с территориями ТОС и ТСЖ существенно меняют эту ситуацию на позитивную. Так, среди жителей в границах ТОС активистами ТСЖ являются 13,4%, а активистами ТОС – 29,7% опрошенных. Очевидно, что тенденция вовлеченности в ТОС в ближайшие годы будет устойчивой, что благотворно бу-

⁹ *Территориальное общественное самоуправление в Хабаровском крае.* – URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/TOS/Territorialno-obschestvennoe-samoupravlenie-TOS-v-Habarovskom-krae/705>

дет влиять и на расширение членства в других общественных организациях и объединениях по различным интересам и возрастным группам.

Одной из существенных причин невысокого уровня активности и вовлеченности жителей в ТОС и другие общественные объединения является уровень общественного доверия. А главными причинами недоверия горожан общественным организациям и объединениям является отсутствие реальных результатов их деятельности в информационном пространстве: «не видно результатов их работы» (26,9%), «не знаю ничего об их деятельности» (24,2%). В целом только один из десяти опрошенных отметил, что «вообще не доверяет никому».

По данным опросов, доверие жильцов к социальному окружению в своем доме, независимо от их включенности в ТОС, за исследовательский период существенно не изменилось (табл. 1). Так, если в 2020 г. доверие к той или иной части жителей в разной степени оказывали 63,2% опрошенных, то в 2023 г. среди жильцов домов ТОС их несколько больше (70,2%).

Жители, проживающие на территориях ТОС, в большей мере, чем в целом горожане вовлечены в различные общественные мероприятия. Об этом свидетельствует сокращение доли горожан, ответивших, что они «не принимали участия нигде» с 49,3% (2020 г.) до 5,5% (2023 г.). При этом доминирующими формами участия в общественных активностях для горожан остается «участие в субботниках, обустройстве территории, подъезда, двора, площадок».

Важным основанием для вовлеченности жителей в объединения являются

коммуникации и общение между жителями, соседями. Выстраивание на этом основании социальных связей способствует большей социальной активности, о чем свидетельствуют полученные результаты опросов жителей там, где ТОС есть (28,9% опрошенных жителей знакомы и общаются друг с другом) и там, где его нет (лишь 10,4% таковых).

Наличие ТОС в доме также оказывает положительное влияние на желание и готовность к объединению жителей друг с другом для решения актуальных проблем жизнедеятельности в месте проживания. И такая активность повышается там, где интересы жителей совпадают. Так, среди жителей домов, где есть ТОС две трети декларируют свою готовность к объединению дворовых усилий, в то время как среди жителей домов, где ТОС отсутствует, таковых несколько меньше – 58,7%.

Наличие ТОС в доме также оказывает положительное влияние на формирование согласия и сплоченности среди жильцов домов. Так, 43,6% опрошенных жителей домов, где есть ТОС на личностном уровне отметили, что в их социальном окружении в доме стало «больше согласия, сплоченности», в то время как среди опрошенных жителей, где ТОС отсутствует – таких 31,8%.

Результаты нашего фокус-группового исследования показали, что оценки руководителями ТОС активности и вовлеченности жильцов в проектную деятельность отличаются разбросом: одним удается выстроить эффективное взаимодействие с жителями, другим трудно объединить граждан.

Одни считают, что люди «пассивные, тяжело кого-то поднять. Есть едини-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Если говорить о жильцах Вашего дома, которые окружают лично Вас, то большинству из них Вы доверяете или нет?» (в % от числа опрошенных)

Оценка степени доверия	2020 г.	2023 г.
Всем доверяю	6,5	3,1
Большинству доверяю	40,1	44,0
Доверяю меньшей части	16,6	23,1
Вообще никому не доверяю	7,8	9,2
Затрудняюсь ответить	29,0	20,6

Источник: составлено авторами по данным опросов.

цы, которые и подскажут, и помогут, но их очень мало». Есть мнение, что жителям присуща иждивенческая позиция: «взаимоотношения достаточно сложно выстраиваются, потому что сложился такой стереотип – мы платим, вы делайте. Переломить этот стереотип достаточно сложно, особенно у поколения моего, среднего возраста. Те, кто постарше – у них есть еще привычки, например, ходить на субботники. Основная часть остается в стороне. Есть вообще те, кто всегда недоволен».

Других руководителей ТОС «поддерживает средний и старший возраст. Разгрузить или загрузить – это люди за 40 лет. В клумбах женщины – под 60 лет. Но, конечно, есть и молодые, которые с удовольствием готовы помочь». Примерно о том же говорит и другой руководитель ТОС, подчеркивая слабую вовлеченность молодежи: «У меня средняя активность, в основной массе молодежь пассивно относится, больше среднее поколение. Много сменилось жильцов, покупают и продают квартиры. Более старшее поколение еще выходят, малышей с собой берут».

Один из руководителей ТОС считает, что социальная структура жильцов очень дифференцирована и активистами в большей степени является старшее поколение: «Проблема вовлеченности многоквартирного дома состоит в составе его жильцов. Сколько бы мы ни бились, что бы ни создавали, статистика такая – 15% собственников не живет в доме, они просто снимают квартиры. Тот, кто снимает квартиру, участвовать никак не будет, он просто живет 2–3 месяца, потом съезжает. около 30% собственников, я их называю пофигисты – им все до лампочки, «я плачу, вы мне обязаны». Где-то 15% просто по состоянию здоровья не могут участвовать. Они просто выходят посидеть на скамейке, посудачить. И остается 40% – тот контингент, которые могут участвовать в благоустройстве. Из них, естественно, половина просто зарабатывают деньги, чтобы одеть детей в школу, им не до этого, они уходят в 7 утра, приходят в 8 вечера, им некогда вовлекаться. И остается 10% – пенсионеры, которые в состоянии это делать».

Вовлеченность, понимаемая как процесс социального взаимодействия людей, тесно связана с их мотивацией включенности в ТОС. Однако если мотивация указывает на необходимость создать что-то новое или что-то изменить на своей придомовой территории, то вовлеченность проявляется через желание что-то совершить в этих целях. Мотивация выступает как причина и обязанность жителей поступить так, а не иначе. При этом мотивы социальной активности – это осознанные причины, по которым люди вступают во взаимодействие друг с другом, оказывают влияние друг на друга и осуществляют различные виды социально-значимой деятельности. Структура мотивов, побуждающих принимать участие в мероприятиях, организованных по месту жительства, по благоустройству территории, ремонту подъездов и дворовой территории, созданию детских и спортивных площадок за исследовательский период существенно не изменилась. Для жителей важно наличие лидера, готового организовать процесс развития ТОС; наличие единомышленников и финансовых сторонних ресурсов для реализации идей и проектов (табл. 2).

Самооценки опрошенных уровня ощущения индивидуальной значимости и роли во влиянии на процессы, происходящие в собственном доме или подъезде существенно различаются между жителями, проживающими в границах ТОС и жителями, где ТОС не зарегистрирован. Так, каждый второй опрошенный житель домов, где зарегистрирован ТОС, демонстрирует возросшую возможность повлиять на развитие событий в своем доме, районе проживания посредством участия в объединениях жителей в подъезде, доме (50,6%) в отличии от опрошенных, не проживающих в границах ТОС (лишь 12,9% считают, что участием в объединениях жителей в подъезде, доме, могут повлиять на развитие событий в доме и районе своего проживания). Такие оценки могут свидетельствовать о том, что вовлеченность жителей в решение проблем места своего проживания, создание условий для реализации таких возможностей, формирует у жителей

Таблица 2

**Мотивы участия жителей в мероприятиях по месту жительства?
(в процентах от числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%,
так как по методике опроса можно было отметить
несколько вариантов ответа)**

Мотивы участия	2020 г.	2023 г.
Наличие лидера (человека, готового организовать)	24,3	20,5
Наличие единомышленников (нескольких людей, готовых организовать)	40,3	29,9
Наличие финансовых сторонних ресурсов для воплощения идей, проектов	28,5	31,2
Информирование жителей о таких возможностях	15,7	6,3
Наличие реальных положительных примеров	17,0	7,8
Другое	0,8	4,3

Источник: составлено авторами по данным опросов

иную мировоззренческую картину возможностей и роли личности в процессах, происходящих вокруг них.

Оценки жителями города степени своего влияния на то, что происходит в их ближайшем и отдаленном социальном окружении свидетельствуют, что в полной и значительной мере они относятся к влиянию в своей семье. При этом среди жителей на территориях ТОС его разделяют две трети опрошенных (67,4%), что существенно выше общих представлений по городу в 2020 году (45,5%). В определенной степени жители могут проявить свое влияние на то, что происходит в своем подъезде (65,9%), своем доме, дворе (62,0%), в меньшей степени – в районе проживания (38,8%), в городе Хабаровске (31,5%) и в Хабаровском крае (24,9%). Эти тенденции не претерпели существенных изменений за исследовательский период с 2020 г., но продемонстрировали возросшую уверенность жителей на территориях ТОС оказывать свое влияние не только в внутрисемейные отношения, но и на то, что происходит в доме, районе, городе и крае.

Управляющие компании и ТСЖ являются значимыми субъектами, призванными обеспечить комфорт среды жизнедеятельности на подведомственной им территории и в домах жителей. Взаимодействие жителей с этими организациями оценивается по благоустройству дворовой территории и содержанию дома. Так, половина опрошенных горожан оценивает ее положительно по сумме ответов

«полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен, чем нет». Однако доля тех, кто выражает в той или иной степени неудовлетворенность (в сумме ответов «скорее не удовлетворен, чем да» и «полностью не удовлетворен») возросла в 2023 г. до 40,1%, в отличие от общегородского общественного мнения в 2020 г. (25,3%).

Удовлетворенность каждого второго жителя, проживающего в домах, где зарегистрирован ТОС, в большей мере проявляется в отношении мест для сбора мусора, твердых бытовых и пищевых отходов (57,2%), освещения придомовой территории (56,3%), благоустройства придомовой территории (50,0%), наличия и оборудования детских площадок (49,8%) и наличия и благоустроенности пешеходных дорожек (49,3%). Высокий уровень неудовлетворенности жителей вызывают такие элементы дворовых территорий, как места для парковок машин (58,0) и отсутствие мест для выгула собак (44,6%). Каждый четвертый из числа опрошенных жильцов отмечает свою неудовлетворенность и другими элементами домовой территории, не менее значимыми для обеспечения комфорта: наличие и благоустроенность пешеходных дорожек; наличие и оборудование детских площадок; наличие и оборудование мест для игр и отдыха детей школьного возраста; места отдыха жителей старших возрастов (табл. 3).

Общим лейтмотивом общественного сознания руководителей ТОС являются выраженные потребности в комфорт-

Таблица 3

Удовлетворенность жителей, проживающих в границах ТОС г. Хабаровска, благоустройством отдельных элементов территории своего двора в 2023 г. (в процентах от числа опрошенных)

Элементы территории двора	Удовлетворен*	Не удовлетворен**	Такого элемента благоустройства в нашем дворе нет
1. Места для сбора мусора, твердых бытовых и пищевых отходов	57,2	38,3	4,5
2. Освещение придомовой территории	56,3	38,1	5,6
3. Благоустройство придомовой территории	50,1	47,1	2,8
4. Наличие и оборудование детских площадок	49,8	38,2	12,0
5. Наличие и благоустроенность пешеходных дорожек	49,3	40,3	10,4
6. Наличие и оборудование мест для игр и отдыха детей школьного возраста	38,9	41,6	19,5
7. Места отдыха жителей старших возрастов (беседки, скамейки)	37,3	40,9	21,8
8. Наличие и оборудование спортивной площадки	36,1	36,5	27,4
9. Места для парковки автомобилей	31,2	58,0	10,8
10. Места для выгула собак	15,1	40,3	44,6

Источник: составлено авторами по данным опросов.

* В сумме вариантов ответа «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен»

** В сумме вариантов ответа «полностью не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен, чем удовлетворен»

ной среде для себя и жителей домов, обеспечения их безопасности, организации спортивного и оздоровительного отдыха на дворовой территории как для детей, так и взрослых, особенно пожилых. В этой связи приоритетом для всех руководителей является благоустройство инфраструктуры дворовых территорий, которая в большинстве своем, за исключением домов и территорий новой постройки, не отвечает потребностям людей и служит главным мотивом их вовлеченности в организацию и проектную деятельность ТОС. Большинство руководителей ТОС (участников фокус-групп) акцентировали насущную потребность жителей домов в создании мест отдыха и развлечения для детей:

– «В первую очередь – детскую площадку. Причём, чтобы она была как для маленьких детей, так и для взрослых. Нам нужна спортивная площадка» (ТОС

«Беломорская 27»).

– «Детская площадка сейчас на первом месте. Потом спортивная на следующий год. И видеонаблюдение, потому что мы в центре города, со всех сторон много машин, люди» (ТОС «Запарина 119»).

– «Есть детский городок, но уже закончился его эксплуатационный срок. Мы ремонтируем его каждый год самостоятельно, но эксплуатировать его уже опасно. Это основная проблема, но есть и другая – территории теперь много и со всех дворов теперь все паркуются у нас. А свои приезжают вечером, а встать некуда и поставить илагдаум мы не можем» (ТОС «Ворошилова 5А»).

– «Нам нужна детская площадка. И второй проект, про который я думала, нам нужно сделать илагдаум» (ТОС «Победа»).

– «Хотелось бы сделать отдельную спортивную площадку. Нам бы хоте-

лось, чтобы детям было, где заниматься. Они как раз подрастают, им нужно спортом заниматься» (ТОС «Амурский»).

– «Вот сейчас детская площадка для нас важна» (ТОС «Муравейник»).

– «Нам нужна детская площадка, потому что у нас дом хоть и небольшой, но детей много! И обязательно к этой площадке нужно ограждение из-за дорог. Нельзя не огородить ещё из-за собак» (ТОС «Время перемен»).

Другая часть руководителей ТОС выразили озабоченность состоянием различных элементов благоустройства дворовых территорий (дорожки, ограждение, тротуары):

– «Нам нужны ограждение, освещение во дворе. И далее, естественно, нам нужна дорога, потому что это просто жуть» (ТОС «Дружба»).

– «Хотя бы дорожки сделать, тротуар» (ТОС «Забайкальский, 3»).

– «Мы уже многое сделали, нам бы шлагбаум» (ТОС «Виктория»).

– «Дорожное покрытие обязательно, спортивная площадка, баскетбольная» (ТОС «Благоприятная среда»).

– «Основная проблема – подстанция. Рядом две пятиэтажки, у которых нет своей контейнерной площадки. Они просто носят в пакетах в наши мусорные баки. Там просто горы» (ТОС «Вектор плюс»).

– «Наружное видеонаблюдение, дорога и тротуар» (ТОС «Берег 27»).

– «Нам нужно ограждение и тротуар. И потом уже шлагбаум» (ТОС «Берег 27»).

– «У нас сильно разбиты тротуары» (ТОС «Гродековское»).

– «У нас устроен тротуар за домом таким образом, когда люди возвращаются, там темень, мы хотим освещение» (ТОС Фрунзе, 3»).

Включенность жителей в деятельность общественных организаций (объединений) является одним из основных индикаторов зрелости гражданского общества и готовности участвовать в решении актуальных вопросов жизнедеятельности. Результаты опросов показывают, что там, где зарегистрирован и успешно реализует социальные проекты ТОС, жители в большей степени вовлечены в различные

формы общественной активности, их активность и желание быть сопричастным к решению проблем жизнедеятельности в месте своего проживания существенно выше, нежели там, где ТОС отсутствует. Так, в домах, где ТОС нет, лишь 2,0% включены в работу ТСЖ против 13,4% вовлеченных жителей, проживающих в домах, где есть ТОС. Вовлеченность в работу ТОС демонстрируют 29,7% жителей домов, где есть ТОС и лишь 3,5% жителей домов, где ТОС отсутствует.

Результаты исследования свидетельствуют о достаточно высокой степени реальной вовлеченности жителей в реализацию значимых проектов на территории своих домов и дворов (52,7% опрошенных). Каждый четвертый отметил свой вклад личным трудом (23,0%), примерно по одной седьмой части опрошенных отметили свой денежный вклад (13,6%) и вовлеченность в подготовку проекта для участия в городском или краевом конкурсах (15,2%). Вклады материальными ресурсами (стройматериалы, краска и т.п.) и техникой (грузовая машина, кран, бульдозер и т.п.) составляют до 5% от числа опрошенных.

Жители, проживающие в домах на территориях ТОС, декларируют также и высокую степень готовности своего участия в жизни дома и двора в будущем – они готовы принимать участие в конкурсах и готовить совместно с другими жителями проекты по благоустройству дома, двора под свои потребности (70,8%). К тому же, результаты опроса выявили высокую степень потенциальной готовности жителей (86,5%) использовать собственные ресурсы (свои идеи, личное время, свой труд, финансы) для создания более комфортной дворовой территории (в 2020 году таковых было менее трети опрошенных). При этом две трети опрошенных выразили готовность поучаствовать своим личным трудом (62,1%), четвертая часть – внести свой вклад идеями, подготовкой проекта для конкурса (27,4%), пятая часть – внести вклад деньгами (21,1%), каждый десятый готов внести вклад материальными ресурсами (12,4%).

Деятельность органов местного само-

управления по развитию ТОС является наиважнейшей стратегической задачей по вовлечению населения в решение вопросов местного значения. Создаваемые администрацией г. Хабаровска¹⁰ условия по развитию ТОС на протяжении последних четырех лет самими жителями оцениваются как достаточно эффективные. Так, две трети опрошенных жителей положительно оценивают программы поддержки ТОС как способ вовлечения жителей в решение проблем своего дома и его дворовой территории (68,1%).

Заключение. Социологический анализ концепта вовлеченности жителей в территориальное общественное самоуправление на примере города Хабаровска позволяет сделать следующие выводы.

С одной стороны, выявлены позитивные тенденции, связанные с ростом количества зарегистрированных ТОС, с ростом объемов привлечения жителями финансовых ресурсов для реализации проектов, повышения активности горожан к самоорганизации и общественному самоуправлению на территориях проживания, укреплению диалога и делового взаимодействия органов местного самоуправления с жителями.

С другой стороны, ТОС как социаль-

ный институт не в полной мере пока реализовал возложенные на него функции активного субъекта гражданского общества и социального партнера местного самоуправления в комплексном развитии города. Большинство хабаровчан все же не вовлечены в «тосовское» движение своих многоквартирных домов (а особенно жители частного сектора). Причины этого кроются не только в недостаточном уровне информированности жителей о возможностях ТОС, но и в низком уровне доверия людей не только к органам местной власти, но и к общественным организациям (объединениям) и своему ближайшему социальному окружению по дому, подъезду.

Органам местного самоуправления целесообразно выстраивать диалог и постоянную обратную связь с жителями и городским активом ТОС с учетом вовлечения их не столько на формально-бюрократическом уровне (подали заявку на конкурс – выиграли – получили финансирование), сколько в солидарные связи взаимодействия, диалога «лицом к лицу», на основе актуальных потребностей жизнедеятельности и задач, определенных мастер-планом развития города Хабаровска до 2030 года.

Список источников:

1. Байков Н. М., Березутский Ю. В., Юревич Е. Ю. Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 128–138. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-128-138
2. Березутский Ю. В., Митрофанов Д. В. Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 138–150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150
3. Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты: [Перевод] / Сост. Е. И. Кравченко; под ред. В. И. Добренькова. Москва: Изд-во МГУ, 1994. 495 с.
4. Боженков С. А. Участие населения в общественном самоуправлении: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2022. №10. С. 29–36. <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.10.3>
5. Букалова С. В. Развитие территориального общественного самоуправления: орловский опыт // Среднерусский вестник общественных наук. Том 13. №1. 2018.

¹⁰ Постановление администрации г. Хабаровска от 15 апреля 2021 г. №1368 «Об организации и проведении конкурса социально значимых инициатив (проектов) среди территориально-общественного самоуправления». URL: <https://khv27.ru/administration/structural-units/youth/territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie>

C. 144–152. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-1-144-152>

6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Ирвинг Гофман; [Пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др.]. – Москва: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 750 с.

7. Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология. Антология в 2-х ч. Пер. с англ., фр., нем., ит. Состав. и общ. ред. С. П. Баньковский. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 6–104.

8. Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Территориальное общественное самоуправление как институт взаимодействия муниципальной власти и населения // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2017. №24 (273). Вып. 42. С. 36–46.

9. Караханов В. А., Шахворостов Г. И. Об актуальности совершенствования организации территориального общественного самоуправления в муниципальном образовании (на примере городского округа «город Белгород») // Государство и общество в современной политике: Сборник научных статей 10-ой Международной научно-практической конференции, Воронеж, 02 декабря 2022 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. С. 108–114.

10. Кирилина Н. В. Феномен вовлеченности как отражение социального потенциала коммуникации // Коммуникология. 2020. Том 8. №1. С. 27–33. DOI 10.21453 / 2311-3065-2020-8-1-27-33.

11. Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 59. С. 128–135.

12. Макаров М. С., Аксютин Ю. В. Инициативное проектирование в деятельности ТОС города Перми // Города и местные сообщества. 2023. Т. 1. С. 176–182.

13. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82.

14. Старостова Е. А. Оценка информированности городского населения о территориальном общественном самоуправлении // Теория и практика общественного развития. 2022. №10. С. 57–61. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.10.7>

15. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82–91.

16. Craig R. T. (1999) Communication theory as a field // *Communication Theory*. Vol. 9. Issue 2: 119–161.

17. Sommerfeldt E. (2013) Online Power Resource Management: Activist Resource Mobilization, Communication Strategy, and Organizational Structure // *Journal of Public Relations Research*. Vol. 25. – Issue 4: 347–367.

18. Taylor M., Kent L. (2014) Dialogic Engagement: Clarifying Foundational Concepts // *Journal of Public Relations Research*. Vol. 25. Issue 5: 384–398.

References:

1. Baykov N. M., Berezutsky Yu. V., Yurevich E. (2021) Yu. Social activity of residents of the urban district: political and civil self-organization *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (94): 128–138. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-128-138 (In Russ.).

2. Berezutsky Yu. V., Mitrofanov D. V. (2023) Territorial public self-government as a tool for involving the population in resolving issues of local importance (on the example of Khabarovsk) *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (105): 138–150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150 (In Russ.)

3. Blau P. (1994) Different points of view on social structure and their common denominator *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought: Texts: [Translation] / Comp. E. I. Kravchenko; edited by V. I. Dobrenkova]. Moscow: Moscow

State University Publishing House. 495 p. (In Russ.).

4. Bozhenov S. A. (2022) Participation of the population in public self-government: sociological analysis *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 10: 29–36. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.10.3> (In Russ.)

5. Bukalova S. V. (2018) Development of territorial public self-government: Oryol experience *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. Vol. 13. No. 1: 144–152. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-1-144-152> (In Russ.).

6. Goffman I. (2003) Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience / Transl. from English R. E. Bumagina and others. Moscow: Institute of Sociology RAS: Institute of the Public Opinion Foundation. 750 p. (In Russ.).

7. Goffman I. (2002) The order of interaction. Theoretical sociology. Anthology in 2 parts. Trans. from English, French, German, Italian. Compound. and general ed. S. P. Bankovsky. M.: Book House “University”. Part 2: 6–104. (In Russ.).

8. Zalivansky B. V., Samokhvalova E. V. (2017) Territorial public self-government as an institution of interaction between municipal authorities and the population *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletins of BelSU. Ser. Philosophy. Sociology. Right]. No. 24 (273). Vol. 42: 36–46. (In Russ.).

9. Karakhanov V. A., Shakhvorostov G. I. (2023) On the relevance of improving the organization of territorial public self-government in a municipality (using the example of the urban district “Belgorod city”). State and society in modern politics: Collection of scientific articles of the 10th International Scientific – practical conference, Voronezh, December 2, 2022. Voronezh: Publishing and Printing Center “Scientific Book”. Pp. 108–114. (In Russ.).

10. Kirillina N. V. (2020) The phenomenon of involvement as a reflection of the social potential of communication *Kommunikologiya* [Communicology]. Vol. 8. No. 1: 27–33. DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-1-27-33. (In Russ.).

11. Kryukova G. A. (2008) Concept. Determining the scope of the content of a concept *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen]. No. 59: 128–135. (In Russ.).

12. Makarov M. S., Aksyutina Yu. V. (2023) Initiative design in the activities of TOS of the city of Perm *Goroda i mestnyye soobshchestva* [Cities and Local Communities]. Vol. 1: 176–182. (In Russ.).

13. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. (2021) Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with local authorities *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 72–82. (In Russ.).

14. Starostova E. A. (2022) Assessing the awareness of the urban population about territorial public self-government *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 10: 57–61. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.10.7> (In Russ.).

15. Homans J. (1984) Social behavior as an exchange *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology]. M.: Moscow University Publishing House. Pp. 82–91. (In Russ.).

16. Craig R. T. (1999) Communication theory as a field *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Vol. 9. Issue 2: 119–161.

17. Sommerfeldt E. (2013) Online Power Resource Management: Activist Resource Mobilization, Communication Strategy, and Organizational Structure *Zhurnal issledovaniy po svyazyam s obshchestvennost'yu* [Journal of Public Relations Research]. Vol. 25. Issue 4: 347–367.

18. Taylor M., Kent L. (2014) Dialogic Engagement: Clarifying Foundational Concepts *Zhurnal issledovaniy po svyazyam s obshchestvennost'yu* [Journal of Public Relations Research]. Vol. 25. Issue 5: 384–398.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

Информация об авторах

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Е. Н. Ермошкина – кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной и мировой экономики, Институт инженерно-экономического и гуманитарного образования, Самарский государственный технический университет;

Д. В. Митрофанов – заместитель мэра города Хабаровска по связям с общественностью и средствами массовой информации.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Research Department, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, deputy director for scientific and educational work, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

E. N. Ermoshkina – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, the chair of National and World Economy, Institute of Engineering, Economics and Humanities Education, the Samara State Technical University;

D. V. Mitrofanov – Deputy Mayor of the city of Khabarovsk for public relations and mass media.

Научная статья

УДК 323.2

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-115-126

Формирование гражданского общества – новая реальность в XXI веке

Валерий Егорович Талынёв¹, Олеся Юрьевна Андриенко², Юрий Иванович Андриенко²

^{1,2} Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

¹ v.talynyov@yandex.ru

² andrienko-51@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования гражданского общества в современном российском государстве, возникшие в связи с пандемией COVID-19, ведением специальной военной операции и их влияние на изменение основ гражданского общества. Задачи исследования – рассмотреть, насколько изменение социально-политической ситуации, давление Запада, недружественных стран, влияют на основополагающие показатели российского гражданского общества, такие как демократия, духовность, политическое сознание и др. Авторы представили своё видение на историю развития и место гражданского общества в человеческой цивилизации. На основе методологических подходов дан исторический анализ формирования гражданского общества, показана корреляция основных проявлений власти и гражданского общества. Обозначены новые особенности современной цивилизации, их содержание и направления развития. Проведён факторный анализ процесса становления и функционирования структуры гражданского общества в современной России. Авторами отдельно выделена значимость роли науки в развитии гражданского общества. Рассматривая основные проблемы формирования гражданского общества в современной России, авторы считают целесообразным продолжать совершенствовать государственную образовательную политику на всех уровнях и направлениях.

Ключевые слова: гражданское общество, идеальное государство, сословия, демократия, духовность, политическая и информационная система, политическое сознание

Для цитирования: Талынёв В. Е., Андриенко О. Ю., Андриенко Ю. И. Формирование гражданского общества – новая реальность в XXI веке // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 115–126. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-115-126>

Original article

The formation of civil society as a new reality of the 21st century

Valery E. Talynev¹, Olesya Yu. Andrienko², Yuri I. Andrienko²

^{1,2} Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

¹ v.talynyov@yandex.ru

² andrienko-51@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of the civil society formation in the modern Russian state, having arisen due to the COVID-19 pandemic, conducting

the special military operation and their impact on changing the foundations of the civil society. The objectives of the study are to consider how the change in the socio-political situation, the pressure of the West and unfriendly countries affects the fundamental indicators of the Russian civil society, such as democracy, spirituality, political consciousness, etc. The authors present their opinion on the history of the civil society development and its place in the human civilization. Based on methodological approaches, the historical analysis of the formation of civil society, the correlation of the main manifestations of power and civil society are given. New features of modern civilization, their content and directions of development are outlined. A factor analysis of the process of formation and functioning of the structure of civil society in modern Russia is carried out. The authors separately highlight the importance of the role of science in the development of the civil society. Considering the main problems of the civil society formation in modern Russia, the authors consider it advisable to continue improving the state educational policy at all levels and directions.

Keywords: *civil society, ideal state, estates, democracy, spirituality, political and information system, political consciousness*

For citation: Talynev V. E., Andrienko O. Yu., Andrienko Yu. I. (2024) The formation of civil society as a new reality of the 21st century // Power and Administration in the East of Russia. № 1 (106): 115–126. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-115-126>

Введение

История развития человеческой цивилизации богата на перемены: последовательная трансформация человеческого общества от первобытного до сегодняшнего, развитие способа передвижения от исключительно на ногах до перемещения на космических кораблях, переход от мануфактурного производства к промышленному, от безграмотности до использования искусственного интеллекта. Следует отметить, что каждый период развития цивилизации сопровождается взрывом конфликтности, революционности, стремительности развития или другими яркими проявлениями. Но на протяжении всей истории, проблемы восприятия особенностей гражданского общества, его создания, устройства и функционирования, постоянно волнуют человечество. Сегодня мы проживаем период, перипетии которого мало кто предполагал десять-пятнадцать лет назад, когда не было даже и мысли о таких кардинальных изменениях на мировом политическом поле, которые большинство россиян сейчас связывают с распадом Советского Союза. Актуальность данной статьи заключается в попытке провести характерологический анализ процесса развития гражданского общества.

Исторический экскурс проблемы

Представления о гражданском обществе начали формироваться ещё с Античности. Так, Платон строил теорию идеального государства как общества трёх социальных групп: правителей (мудрые философы), стратегов (воины) и производителей (земледельцы и ремесленники). В его понимании, ближе к идеальной форме государства стояла аристократическая республика, а деградация идеального государства начнётся тогда, когда закончится монархия [Платон, 1994]. Аристотель понимал гражданское общество как объединение граждан, где верховная власть действует в интересах всеобщего блага, он был убеждённым защитником прав индивида, среднего класса, частной собственности, моногамной семьи и др. В комментариях к трактату «Политика» (трактат о государстве, содержащий начала социальной и политической философии), написанном в 335–322 до н.э., он впервые употребил термин «гражданское общество», которое противопоставлял миру профессиональной политики [Аристотель, 1983]. Эпикур представлял гражданское общество как сумму индивидов в государстве, целью которых является счастье и удовольствие [Материалисты..., 1955. С. 178–236]. Г. Гроций рассматри-

вал вопросы естественного права как основы права внутригосударственного и права народов. [Гроций, 1994. С. 1–16].

В XVII–XVIII вв., когда в процессе социализации личности начали формироваться новые отношения между человеком, обществом и государством, Д. Локк и Ш. Л. Монтескье первыми сформировали концепцию гражданского общества, которое определяли как ступень человеческой истории, пришедшей на смену естественному состоянию и общество вражды людей друг с другом преобразуется в государство [Локк, 1994; Дидро, Монтескье, 2022]. Английский философ Дж. Локк гражданское общество приравнивал ко всему политическому обществу, поддерживая разделение власти на три независимые – законодательную, исполнительную и судебную [Локк, 1988; Кант, 1994]. Далее многие мыслители внесли вклад в развитие концепции гражданского общества. Шотландский мыслитель А. Фергюсон в XVIII в. считал гражданское общество прогрессом цивилизации и признаком экономической цивилизованности общества [Фергюсон, 2000]. Ж.-Ж. Руссо считал, что через общественный договор человек переходит из естественного состояния в состояние гражданское¹. Т. Гоббс рассматривал индивидуализм как стержень гражданского общества [Авдщенко, 2007. С. 44–47].

Г. Гегель, представляя государство как совокупность идеи свободы, права, разума, рассматривал гражданское общество как промежуточный социальный институт между семьей и политическими отношениями в рамках государства и выявил диалектическую связь между индивидуальной свободой и взаимозависимостью людей и сословий в обществе. Он считал, что гражданское общество может существовать при условии существования множества сословий, а вот существовать без власти не в состоянии [Нерсисянц, 1988].

А. де Токвиль считал, что гражданское общество, наряду с цивилизованностью, соотносится с гражданственностью, характеризующей роль индивида

в качестве гражданина определённого сообщества. Он, как один из родоначальников социологии и политических наук во Франции, считал гражданское общество благом, а государство – неизбежным злом [Громаков, 1960. С. 57], в концепции А. Токвиля очевидно, что добровольные ассоциации граждан – это и есть гражданское общество.

К. Маркс обращал внимание на связь гражданского общества с производственными отношениями и экономическим развитием. К. Маркс, Ф. Энгельс и немецкие социологи считали гражданское общество сферой материальной и экономической жизни деятельности людей [Маркс, Энгельс, 1954]. В трудах классиков коммунизма социальная справедливость связывалась с отчуждением крупной частной собственности в пользу государства, а гражданское общество представлялось неприемлемой формой буржуазных отношений. Таким образом, гражданское общество в понимании учёных-социологов прошлых столетий представлялось как: а) определённый способ понимания явлений и событий, система взглядов на явления в мире, в природе и в обществе; б) независимая негосударственная часть общества, которая основана на частной собственности, индивидуальной свободе и самостоятельности личности; в) общество плюс государство, а не наоборот; г) общество, совместимое не только с демократией и правовым государством, но и с авторитаризмом [Энгельс, 1961. С. 339 – 629].

В дореволюционной России либералы всегда считали, что гражданское общество формируется в Москве и Петербурге, потому что именно там к началу XX в. действовало множество общественных организаций, объединяющих в своих рядах научную и творческую интеллигенцию [Бредли, 2012]. Таким образом, в начале XX в. в России имелись некоторые элементы гражданского общества.

Особенности новой цивилизации и методология исследования

Современное понимание гражданского общества политологи трактуют в за-

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. Электронная библиотека гражданское общество. URL: <http://www.civisbook.ru/>

падном понимании, но дополняют новым видением. Так, гражданское общество они понимают как сферу спонтанного самопроявления свободных индивидов, добровольных ассоциаций и организаций, огражденных законом от прямого вмешательства в их деятельность органов власти, и как определённый способ понимания явлений и событий в мире, природе, обществе на основе частных интересов и индивидуализма [Грандонян, 2010. С. 16]. Таким образом, в широком смысле понятие «гражданское общество» – это общество, непосредственно не охватываемое государством, а в узком смысле – это общество, неразрывно связанное с правовым государством.

Новая цивилизация, по нашему мнению, начавшая своё формирование в середине 1950-х гг., основана комплексом взаимосвязанных технологических изменений, в том числе нашим прорывом в космос, а также экономических, организационных, социальных, политических преобразований и формированием новых принципов и институтов. Они образовали единую экосистему, которая перестала быть совместимой со старыми представлениями о гражданском обществе. Процесс формирования новой цивилизации, осознание которой человечеством пока осуществляется достаточно медленно, принёс с собой новую инфосферу, в которой компьютер, инфокоммуникационные технологии стали иметь огромное значение. Технологическая база новой цивилизации продолжает своё формирование на основе стремительных научных прорывов по многим направлениям. Главным сырьём новой экономики становится информация, инфотехнологии, новые принципы организации производства и административной работы, а средством реализации становится «искусственный интеллект».

Отсюда, жизнь предъявляет особые требования, следуя которым новой цивилизации предстоит изменить либеральную систему воспитания и образования, которая долгое время «штамповала» людей для выполнения постоянно повторяющихся

действий. Очевидно, что предстоит на основе судьбоносных научных достижений обеспечить формирование всесторонне развитой личности человека в соответствии со стремительным изменением социума. Он будет задавать не только модель поведения, но и новые черты характера на стыке внутренних устремлений самого человека и давления общества на него, о чем говорил ещё Э. Фромм. Исходя из этого, не возникает никаких сомнений в важности роли науки в решении этой проблемы гражданского общества.

Как следствие, с 2012 г. в Российской Федерации происходит закрытие значительного числа диссертационных советов, нарушивших требования ВАКа², в том числе на Дальнем Востоке. Статистика в этом плане за 10 лет производит удручающее впечатление (рис. 1). На основе данных исследований, полученных авторским коллективом, настораживает тенденция увеличения количества лишённых ВАК учёных степеней (кандидатов и докторов наук), особенно в экономической, технической, медицинской и социологической областях.

Необходимо подчеркнуть, что изменения в системах воспитания и обучения, а также в средствах коммуникации в новой цивилизации привели к переоценке перехода на Болонскую систему образования, Единый государственный экзамен (ЕГЭ). По замыслу авторов перехода, ЕГЭ должен был уничтожить коррупцию, изменить ситуацию, когда на бюджетное место во многих вузах страны можно было поступить только через протектирование, репетиторство или платные курсы. Сегодня вводится новый уровень образования – «профессионалитет», который, по мнению его инициаторов, будет что-то среднее между общим образованием и средним профессиональным образованием. Какой будет такая образовательная ступень и что ожидать от «нововведения» на данный момент не совсем понятно.

Стоит вспомнить, как тяжело вводили бакалавриат, многие компании не считали его диплом за документ о высшем образовании, а на первоначальном этапе

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» от 31.07.2020 № 304-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru>

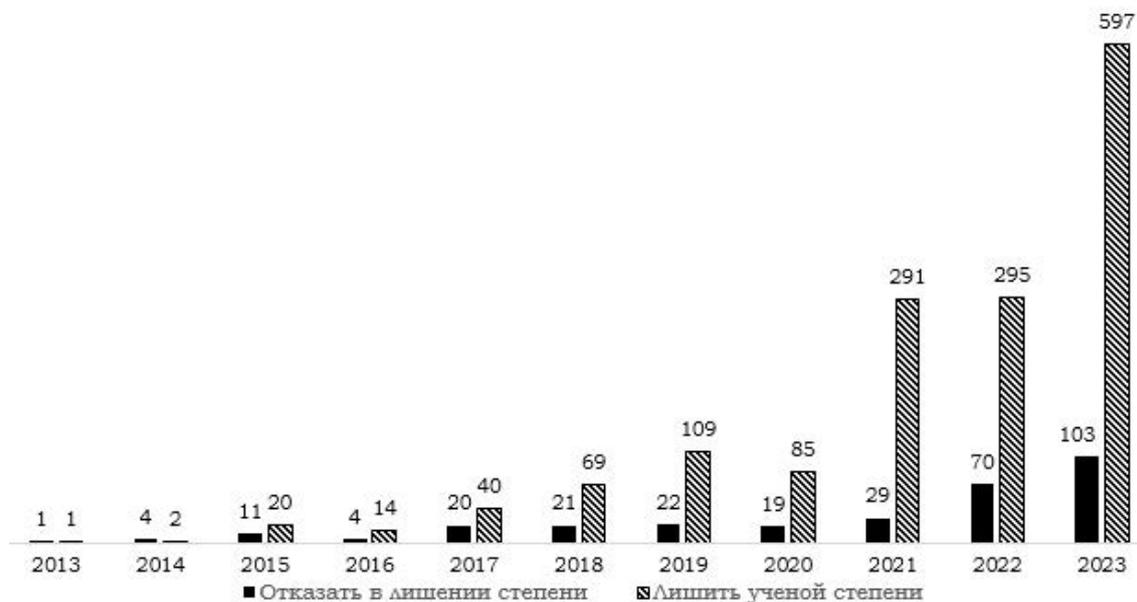

Рис. 1. Приказы Министерства науки и высшего образования о лишении учёных степеней в Российской Федерации (2013/2023).

Источник: составлено авторами на основе анализа ежемесячных приказов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации за период сентябрь 2013/ноябрь 2023 гг.

профессорско-преподавательский состав вузов вообще предпринимали попытки перестроиться в спешном порядке под новые требования. В настоящее время значительная часть школьников поступает в организации среднего профессионального образования (СПО). Возможно, что чиновники планируют довести показатель выбора выпускниками школ техникумов (колледжей) до 80%, как в Швейцарии. Откуда же у нас появятся молодые учёные и инженеры?

Остаётся надеется на то, что выпускники школ подходят к такому ответственному этапу в своей жизни, когда нужно отвечать за свои поступки и делать выбор с высоким уровнем его осознанности. Исследования, проведённые в последнее время, показывают гражданские позиции учащейся молодёжи. Субъективные представления учащихся школ Хабаровского края 8–11 классов о мотивах выбора престижной профессии отражены в результатах опроса «школьников Хабаровского края и их родителей подтверждают общероссийскую тенденцию доминирования у них желания и выбора высшего над средним профессиональным образованием. Анализ общей структуры выпускников в

Российской Федерации показал, что из 6290,5 тыс. выпускников 57% получили высшее образование, 43% – среднее профессиональное образование. В этом выборе в среднем только пятая часть учащихся 8–11 классов Хабаровского края ориентируются на организации среднего профессионального образования. При этом учащиеся основной школы (8–9 классы) в большей степени ориентированы на получение среднего профессионального образования, чем старшеклассники (10–11 классы). Выбор школьниками профессионального обучения обусловлен тем, что родители в подавляющем своем большинстве (82,4%) ориентируют их на получение именно высшего образования после окончания школы, чем обучение в техникумах и колледжах» [Байков, Перепечай, 2022. С. 169, 173–175]. В Воронежской области опрошенные школьники (опрос по репрезентативной выборке учащихся 8–11-х классов в сельских районах, n= 247, выбор не более трёх ответов, 2023 г.), считают, чтобы добиться в жизни успеха им больше всего необходимы такие главные показатели личности как «уверенность в себе»; «надёжные друзья», «профессионализм и работоспособность»,

«полезные связи».

Следует отметить, что усложнение форм социального взаимодействия граждан в современном обществе привело к появлению такого способа социализации, как приобщение к различным коммуникационным технологиям, а точнее информационным сетям, наводнёнными фейками, виртуалами, другими СМИ-вбросами, заведомо ложно-провоцирующей информацией. В этой связи вполне оправданно принимаются адекватные, на наш взгляд, усилия по решению этой проблемы, когда в ответ на действия санкций со стороны недружественных стран, по распоряжению Роскомнадзора за 2022 г. блокированы сайты онлайн-сервисов, среди которых Pandora, FOX, Beats 1, Steam, Spotify; социальные сети и сайты знакомств, Facebook, Instagram, Badoo, Bumble, Friutz и др. Блокировке подвергнуты веб-ресурсы, участвующие в распространении фейковых новостей посредством смартфонов, планшетов и других устройств, распространяющие и провоцирующие террористические, экстремистские, суицидальные настроения, призывающие к созданию неформальных молодежных объединений противоправной направленности (рис. 2).

Наш авторский анализ позволяет сделать вывод, что демократии в том понимании, в котором нам внушал Запад, у

них самих не существует. Демократия, основанная на правилах, в западном понимании не существует потому, что не существуют самих правил [Тоффлер, 1992. С. 103–118]. Западные учёные, не учитывая реальности современного мира, пытаются подогнать политические догмы прошлого под обоснование глобализма, однополярности, гегемонии США и американского доллара, ЛГБТ-идеологии и т. д. А ведь гражданское общество совместимо не только с демократией, но и с авторитаризмом, но главное – это неразрывная связь гражданского общества с правовым государством.

Структуру гражданского общества социологи и политологи в современной России представляют как пять основных систем. Во-первых, это социальная система, которая охватывает совокупность объективно сформировавшихся социальных общностей людей и взаимоотношений между ними. Во-вторых, это экономическая система, совокупность экономических институтов и отношений, в которые вступают люди в процессе реализации отношений собственности, производства, распределения, обмена и потребления совокупного общественного продукта. В-третьих, это политическая система, которую составляют саморегулирующиеся организации (государство, политические партии, общественно-политические

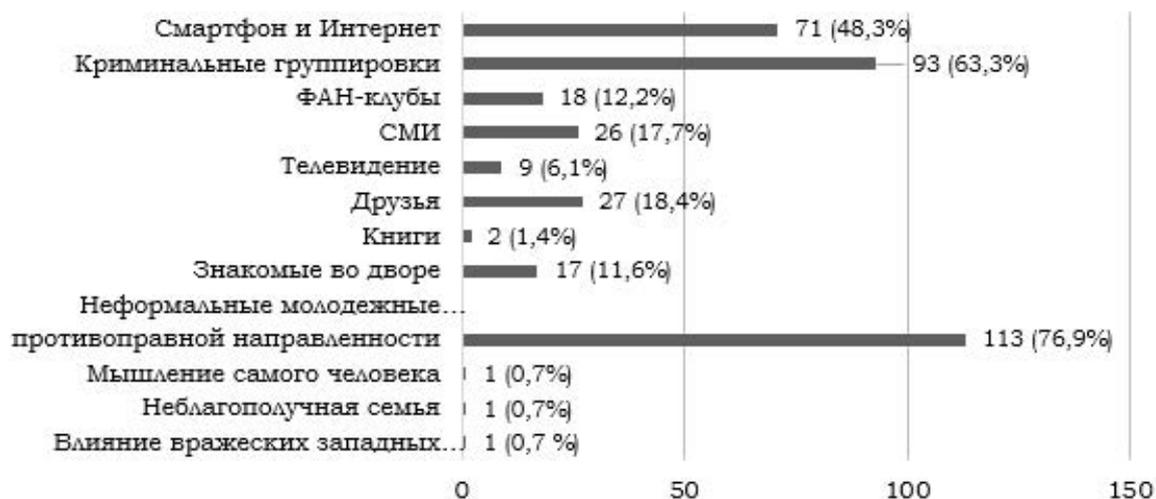

Рис. 2. Основные субъекты, оказывающие негативное влияние на социализацию личности несовершеннолетних (отметить не более трех вариантов).

Источник: составлено по данным авторского исследования по программе НИР «Морально-профессиональные качества сотрудника ОВД», 2022/2023 гг., Воронежский институт МВД России.

движения, объединения и отношения между ними). В-четвёртых, это система, связанная с индивидуальным выбором, политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями. В-пятых, это духовно-культурная система, которая образуется из отношений между людьми, их объединениями, государством и обществом в целом в области духовно-культурных благ и соответствующих материализованных институтов, учреждений (образовательных, научных, культурных, религиозных) через которые реализуются эти отношения). В-шестых, это социально-информационная система, которая складывается в результате общения людей друг с другом непосредственно и через СМИ [Вострикова, 2011. С. 25–26], а также через всемирную сеть Интернета.

Общая картина формирования структуры гражданского общества в современной России имеет определённую позитивную тенденцию развития. Так, во-первых, в Конституции Российской Федерации закреплены основные права и свободы человека и гражданина, запрещена цензура³, что соответствует признакам гражданского общества; во-вторых, в Российской Федерации сложилась многопартийная система, различные союзы, социальные группы, организации бизнеса, СМИ, профсоюзы, которые позволяют не только учитывать интересы населения, формулировать их претензии, но и лоббировать их решения через органы власти различного уровня; в-третьих, кроме создания Общественной палаты на федеральном уровне, также созданы общественные советы во всех субъектах России и даже в силовых структурах; в-четвёртых, созданы условия для участия в политическом процессе неправительственных объединений, не финансируемых иностранными фондами.

В то же время, пока не сложилась целостная система гражданских структур новой цивилизации, существует большое количество фрагментированных образований и слабая правовая защита граж-

дан; социум расколот по линиям: бедные и богатые, элиты и народ, чиновники и все остальные, центр – периферия; недостаточно выражены и укоренены объединяющие культурные ценности (доверие, солидарность, согласие, социальная ответственность, уважение к жизни, личности, достоинству и др.); реальность – это пассивность и низкий уровень участия граждан в общественно-политической жизни за исключением судьбоносных или принципиально важных событий для страны; на облик формирующегося гражданского общества в России оказывают воздействие историческая память [Алихмаева, Абдулазизова, 2022. С. 35–316].

Конечно, многого пока не хватает, но сложный процесс формирования гражданского общества в России связан с:

а) развитием демократии, рыночной социальной экономики и становлением правового государства;

б) формированием гражданского типа личности;

в) обеспечением реальных гражданских прав и свобод человека;

г) устоявшимся либеральным мнением, что гражданское общество – это «избранные» представители либерализма в широком смысле слова.

В России сегодня проходит двухсторонний этап развития взаимоотношений между общественными объединениями и государственной властью, которая должна работать на общество, а не обслуживать отдельные финансовые группы и элиту. Ещё недавно российские либералы утверждали, что нужен «общественный договор», как предлагал Д. Локк [Локк, 1988]. Удивительно, но они это предлагали сделать самому государству, которое не должно вмешиваться в их деятельность. Мы считаем, что функцией гражданского общества должно быть не только требование к государству обеспечить правовыми методами социальную справедливость, защищённость каждого человека, но и деятельность гражданского общества по выполнению этого совместно с государством. Если по-

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

литической основой гражданского общества является многопартийность, то она должна опираться на духовную основу, к которой относят не только нравственность, свобода мысли и слова, но и плюрализм в области идеологии.

Практика показала, что если под «гражданским обществом» понимать высшую форму самореализации индивидов, то без сильного государства его построить невозможно. Если под политическим фундаментом гражданского общества понимать правовое государство, то идея справедливости для всех должна быть определяющей.

Таким образом, можно сформулировать основные проблемы формирования гражданского общества в Российской Федерации.

Во-первых, необходимо устранить теоретическую неопределенность политологических категорий «глобализм», «либерализм», «консерватизм», «фашизм», «нацизм», «неонацизм», «гражданское общество», «демократия», «тоталитаризм», «авторитаризм», «империя», «либеральная империя» и др.

Во-вторых, необходимо создать модель эффективного взаимодействия гражданского общества и государства.

В-третьих, необходимо устранить проблему согласования правового и социального статусов в Конституции РФ при их экстраполяции на российское гражданское общество.

В-четвёртых, нужно теоретическое обоснование необходимости единства гражданского общества в рамках общего государственного многонационального и многоконфессионального российского пространства.

В-пятых, необходимо выработать социальный механизм сохранения культурного кода российского народа и общественного контроля за деятельностью учреждений культуры.

В-шестых, использование культуры и традиционных основ общества как условия формирования гражданского общества в реальной российской действительности.

В-седьмых, необходимо организовывать пропагандистскую деятельность по согласованию интересов индивида по от-

ношению к обществу и интересов общества по отношению к индивиду и окружающей его среде.

В-восьмых, в связи с подъёмом патриотизма в условиях проведения СВО, активизации жизненной позиции россиян, изменившегося статуса Российской Федерации, которая стала не только сверхдержавой, но и государством-цивилизацией, обеспечить властям всех уровней гарантии равенства граждан и организаций перед законом, устранение расплывчатости и двусмысленности российского законодательства, которое может толковаться чиновниками по-разному.

В-девятых, утверждение принципа социальной справедливости, когда государству необходимо решить не только проблему инициативности граждан, но и улучшить экономическую составляющую, т. е. систему социальной поддержки граждан.

В-десятых, создать условия для резкого увеличения количества граждан, относящихся к среднему классу и значительного уменьшения количества граждан, находящихся за чертой бедности.

В-одиннадцатых, снизить риски политической и экономической стабильности государства.

В-двенадцатых, совершенствовать законодательство в условиях СВО, чтобы коммерческий тыл работал на победу, а не стоял в стороне.

В-тринадцатых, необходимо чётче определить роль российского гражданского общества в работе с мигрантами, которые зачастую приезжают не для заработка, а установления своих порядков на определённых территориях, как это произошло в Европе.

Становлению гражданского общества могут содействовать ряд факторов, таких как: а) соблюдение в полной мере гражданских, политических и социальных прав всего населения; б) улучшение качества именно национального образования; в) развитие системы доверия между обществом и государством; г) проведение действительной ротации чиновников, чтобы к власти пришло поколение национально ориентированных граждан. В. В. Путин говорил, что будущая элита Рос-

сии будет сформирована из участников СВО. Можем предположить, что должно смениться не одно поколение чиновников, политиков и крупных бизнесменов, чтобы не только политическое, социальное, но и экономическое пространство стало национально ориентированным.

В целом понятие гражданского общества пока ещё не получило широкого распространения и восприятия на массовом, обыденном уровне сознания россиян. Хотелось бы отметить, что российское гражданское общество в корне отличается от западного не только своим менталитетом, но и всем укладом жизни. Сегодня всё больше людей стремятся участвовать в жизни своей страны, но практика показывает, что активность граждан, в основном, проявляется при решении всероссийских вопросов, а на региональном уровне активность маленькая, и здесь вопросы нужно задавать региональным властям. В России как нигде глубокие корни имеют добровольчество, благотворительность, меценатство, чувство гражданского долга и патриотизма, доброта, милосердие, что в полной мере проявляется ныне, в период СВО. Следует подчеркнуть, что большинство граждан России беззаветно преданы своей Родине, о чём свидетельствует рост благотворительных организаций, всплеск волонтерского движения и др. в целях оказания помощи армии, добровольцам и мобилизованным на СВО.

Гражданское общество, как показывает практика, может качественно существовать лишь в условиях политической и экономической стабильности государства. В современных условиях проведения СВО и в целом в условиях жизни России, даже когда Запад (данные на 19 декабря 2023 года) ввёл 12-й пакет санкций, общее количество которых достигло почти 19 тысяч, наши отечественные учёные, особенно социологи, обязаны изучать проблемы взаимодействия государства и гражданского общества и в сложившихся условиях разрабатывать новые эффективные подходы к его поддержанию, а не анализировать соответствие действительности с правовыми представлениями в идеальных условиях. Наверное, пора подумать и о словар-

ном пополнении философского словаря Даля и написании новых учебников для школьников, студентов, особенно когда идёт информационная война, развязанная западниками в отношении итогов Великой Отечественной войны.

Таким образом, особенностями российского гражданского общества является многонациональность, многоконфессиональность, гражданский активизм, участие в общественных движениях и организациях, гражданская служба, развитие гражданской культуры, образование (формирование гражданской идентичности у школьников и студентов, формирование активной гражданской позиции у населения, обучение гражданско-правовым нормам и ценностям, развитие навыков критического мышления, участие в общественной жизни, обучение не только правам, но и обязанностям и др.), культура (использование культурного наследия для формирования патриотических чувств и гражданской идентичности), медиа (формирование гражданского сознания, самовыражения, свободного обмена информацией, организация гражданской активности, свобода медиа, информационная грамотность, а также умение находить баланс между свободой самовыражения и борьбой с дезинформацией и ненавистью в сети), цифровизация и гражданские инициативы (внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, упрощение и ускорение процессов взаимодействия между гражданами и государством, развитие гражданской сети и инициатив в онлайн-пространстве о партнерстве гражданского общества и бизнеса), защита прав и интересов граждан.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать несколько выводов:

1. Становление институтов нового гражданского общества в России проходит медленно, но верно. В постсоветской Российской Федерации к гражданскому обществу долго относили некую либеральную самопровозглашенную элиту общества, которая была якобы промежуточным звеном в процессе взаимодействия власти и граждан, некий особый класс. Гражданское общество в «их лице»

должно чуть ли не руководить государством, а государство должно с ними советоваться и не идти против них. В России процесс формирования гражданского общества нового содержания начинался с создания Общественной Палаты Президентом России. С того времени прошло около двадцати лет и только в настоящее время можно сказать, что СВО дала толчок всему обществу на участие в формировании гражданского общества.

2. Общероссийский народный фронт (ОНФ) с 2011 г. обрел всероссийский масштаб, в стране начали массово создаваться и работать волонтерские и благотворительные организации, развивается движение граждан в поддержку воинов СВО, которые охватывают все регионы. Именно они в будущем смогут консолидировать, учитывать и доносить до власти интересы населения, станут основой общества, его средним классом. Всем придется понять и принять, что либерализм является не вершиной идеологической мысли, а способом продвижения своих западных «правил» и противостояния их всему многонациональному российскому народу.

3. Рассматривая современное состояние гражданского общества в странах коллективного Запада, приходим к неизбежному выводу, что понятие «граждан-

ское общество» у них перестало существовать. Примерами этого являются запреты оппозиционных политических партий в широком смысле слова, уничтожение национальных государств, подмена научных, культурных, спортивных связей политическими. В противовес этим явлениям подчеркнем, что формирование и развитие гражданского общества в России имеет свою специфику в связи с многонациональным и многоконфессиональным устройством и евроазиатским положением России.

4. СВО показало, что в России есть здоровое национально ориентированное патриотическое общество. Конечно, в любом обществе есть предатели, изменники, «ждуны». Со времён «горбачевской перестройки» либералы-демократы настраивали молодежь на волну потребления и личного обогащения, превращения их в «граждан мира», выбивали из их сознания понятие Родины, ее защиты. Сытый образ жизни расслабил людей, и когда началась СВО, эти «граждане мира» показали всю свою антироссийскую сущность.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо думать о новой концепции гражданского общества в трансформируемом мире многополярности и формировании новых социальных международных институтов.

Список источников:

1. Авдащенко М. В. Томас Гоббс глазами исследователей его творческого наследия XX–XXI веков // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 12. С. 44–47.
2. Алихмаева З. Ю., Абдулазизова Ш. А. Формирование гражданского общества в России // Вопросы студенческой науки. Область наук «Социологические науки». Выпуск 1 (65), январь 2022. С. 314–319.
3. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
4. Байков Н. М., Перепечай П. Э. Престиж профессий как феномен общественного сознания учащихся школ и его отражение на рынке труда Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4 (101). С. 169–182.
5. Бредди Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. С. 448.
6. Вострикова В. В. Идеологи российского либерализма начала XX в. о гражданском обществе: понятие, генезис, структура // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 24–28.
7. Громаков Б. С. Политические и правовые взгляды Томаса Пейна. [2-я половина 18 в.]. Москва : Госюриздат, 1960. С. 57.
8. Грандонян К. А. Современное гражданское общество: понятие и признаки. // Информационная безопасность регионов. Область наук «Право». 2010. № 1 (6).

С. 15–18.

9. Гроций Г. О праве войны и мира. Книга первая, гл. III, VIII, 1–16. М.: Ладомир, 1994. С. 868.

10. История политических и правовых учений: учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.

11. Кант И. Основоположения метафизики нравов. Кант И. Собр. соч. в 8-ми т. Юбилейное издание 1794–1994. Под общей редакцией А. В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 204–211.

12. Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Издательство: Мысль. 1988.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – 2-е изд. Москва: Госполитиздат. 1954. Т. 22. С. 467.

14. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. С. 178–236.

15. Монтескье Шарль Луи де, Дидро Дени. Деспотия и демократия. Всякий человек, обладающий властью склонен злоупотреблять ею. М.: Изд-во «Родина». 2022. С. 240.

16. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.

17. Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 103–118.

18. Углов С. А. Становление и развитие института гражданского общества в современной России // «Вопросы российской юстиции». Область наук «Право». 2021. С. 56–70.

19. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И. И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 391.

20. Энгельс Ф., Маркс К. Диалектика природы. Сочинения. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.

References:

1. Avdashchenkova M. V. (2007) Thomas Hobbes through the eyes of researchers of his creative heritage of the XX–XXI centuries *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Russian State University. I. Kant]. No. 12: 44–47. (In Russ.).

2. Alikhmaeva Z. Yu., Abdulazizova Sh. A. (2022) Formation of civil society in Russia *Voprosy studentcheskoy nauki. Oblast' nauk «Sotsiologicheskkiye nauki»* [Questions of student science. Field of science “Sociological sciences”]. Issue 1 (65), January: 314–319. (In Russ.).

3. Aristotle (1983). *Politics. Works: in 4 volumes*. М.: Mysl. Vol. 4: 376–644. (In Russ.).

4. Baykov N. M., Perepechay P. E. (2022) The prestige of professions as a phenomenon of social consciousness of school students and its reflection on the labor market of the Khabarovsk Territory *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. No. 4 (101): 169–182. (In Russ.).

5. Bradley D. (2012) *Public organizations in Tsarist Russia: science, patriotism and civil society*. М.: New Chronograph, 448 p. (In Russ.).

6. Vostrikova V. V. (2011) Ideologists of Russian liberalism of the early 20th century. about civil society: concept, genesis, structure *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad]. No. 1: 24–28. (In Russ.).

7. Gromakov B. S. (1960) *Political and legal views of Thomas Paine*. [2nd half of the 18th century]. Moscow: Gosyurizdat. P. 57. (In Russ.).

8. Grandonyan K. A. (2010) Modern civil society: concept and signs *Informatsionnaya bezopasnost' regionov. Oblast' nauk «Pravo»* [Information security of regions. Field of science “Law”]. No. 1 (6): 15–18. (In Russ.).

9. Grotius G. (1994) *On the law of war and peace*. Book one, ch. III, VIII, 1-16. М.: Ladomir. P. 868. (In Russ.).

10. History of political and legal doctrines: Textbook for universities / Ed. ed. acad. RAS, D. Yu. Sc., prof. V. S. Nersesyants. – 4th ed., revised. and additional. M.: Norma, 2004. P. 944. (In Russ.).
11. Kant I. (1994) Fundamentals of the metaphysics of morals. Kant I. Sobr. op. in 8 volumes. Anniversary edition 1794–1994. Under the general editorship of A. V. Gulyga. T. 4. M.: Choro. P. 204–211. (In Russ.).
12. Locke J. Works in 3 volumes. Publisher: Mysl. 1988. (In Russ.).
13. Marx K., Engels F. (1954) Works. – 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 22. 467 p. (In Russ.).
14. Materialists of Ancient Greece. M.: Gospolitizdat, 1955: 178–236. (In Russ.).
15. Montesquieu Charles Louis de, Diderot Denis. Despotism and democracy. Every person with power is inclined to abuse it. M.: Publishing house “Rodina”. 2022. P. 240. (In Russ.).
16. Plato. State. Collected works: in 4 volumes. M.: Mysl, 1994. T. 3. P. 79–420. (In Russ.).
17. Toffler O. (1992) The problem of power on the threshold of the 21st century *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 2: 103–118. (In Russ.).
18. Uglov S. A. (2021) Formation and development of the institution of civil society in modern Russia *Voprosy rossiyskoy yustitsii. Oblast' nauk «Pravo»* [Issues of Russian justice. Field of science “Law”]. Pp. 56–70. (In Russ.).
19. Ferguson A. (2000) Experience in the history of civil society. / Per. from English I. I. Murberg; Ed. M.A. Abramova. M.: ROSSPEN. 391 p. (In Russ.).
20. Engels F., Marx K. (1961) Dialectics of nature. Works. M.: Politizdat. T. 20: 339–626. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 04.03.2024.

Информация об авторах

В. Е. Талынев – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский юридический институт МВД России;

О. Ю. Андриенко – кандидат социологических наук, специалист по учебно-методической работе учебного отдела, Воронежский юридический институт МВД России;

Ю. И. Андриенко – кандидат политических наук, доцент.

Information about the authors

V. E. Talynev – Doctor of Sociological Sciences, associate professor, professor of the department of social, humanitarian and economic disciplines, the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

O. Yu. Andrienko – Candidate of Sociological Sciences, specialist in educational and methodological work of the educational department, the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yu. I. Andrienko – Candidate of Political Sciences, associate professor.

Научная статья

УДК 316.33

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-127-137

Семья и родительство как условие стабильности современного российского общества

Любовь Григорьевна Невеличко¹, Ирина Михайловна Воротилкина²

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия

¹ lnevelichko@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1412-0081>

² btb-irina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-001-9976-0998>

Аннотация. В статье исследуется состояние современного социального института семьи. Выбор предмета и объекта исследования обусловлен значимостью института семьи в стабильном функционировании общества. Будущее России и преодоление проблем на ее современном переломном этапе развития зависит от того, насколько успешным будет выполнение семьей её приоритетных функций по социализации подрастающего поколения, сохранению и передаче традиционных нравственных ориентиров. Теоретико-методологической основой статьи стали концепты социальных институтов, в частности института семьи, представленные в трудах отечественных и зарубежных исследователей, представителей различных направлений науки, выводы сформулированы на основе комплексного анализа институциональных изменений семьи с позиций кризисного подхода. На основе вторичного анализа официальных статистических данных о состоянии заключения браков, разводов, данных о рождаемости, сделан вывод о том, что кризисный характер изменений проявляется прежде всего в деформации основополагающей функции семьи – репродуктивной. Отмечается, что современная социальная политика государства подталкивает молодежь к безсемейности. Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом глубинного интервью с целью выявить место и роль семейных ценностей у студенческой молодежи, их соответствие реальным запросам российского общества. Установлено, у молодежи сформирован позитивный социальный потенциал для создания семьи, в то же время отмечается превалирование индивидуализации и приоритета самореализации перед ответственностью за создание семьи, воспитание детей. Полученные данные могут быть использованы в работе с молодежью, при разработке спецкурсов в учебных программах вузов, а также для проведения дальнейших исследований в области семьи и брака.

Ключевые слова: институт семьи, трансформация, модернизация, кризис института семьи, малодетность, результаты социологических исследований, студенческая молодежь

Для цитирования: Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Семья и родительство как условие стабильности современного российского общества // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 127–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-127-137>

Original article

Family and parenthood as a condition for stability of the modern Russian society

Lyubov' G. Nevelichko¹, Irina M. Vorotilkina²

The Sholem-Aleichem Amur State University, Birobidzhan, Russia

¹ inevelichko@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1412-0081>² btb-irina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-001-9976-0998>

Abstract. *The paper examines the condition of the modern family institution. The choice of the subject and the object of research are caused by significance of the family institution in the stable society functioning. The future of Russia and overcoming problems at its modern turning point depend on how successful the family will be fulfilling its priority functions of socializing the younger generation, keeping and providing the traditional moral guidelines. Theoretical and methodological basis of the article is the concept of social institutions, in particular the family institute, presented in the works by domestic and foreign researchers, representatives of various scientific fields, the conclusions are formulated on the basis of comprehensive analysis of institutional changes in the family from the standpoint of the crisis approach. Based on a secondary analysis of official statistics on the status of marriages, divorces, fertility data, it was concluded that the crisis nature of the changes is manifested primarily in the deformation of the fundamental function of the family - reproductive. The modern social policy of the state is stated to make young people be family free. The results of sociological study conducted by the in-depth interview method are presented in order to identify the place and the role of family values among the student youth, their compliance with the real needs of the Russian society. Young people have proven to have a positive social potential for creating a family, while at the same time there is a predominance of individualization and the priority of self-realization before responsibility for creating family and growing children. The obtained data can be used to work with young people, to develop special courses of university programs, as well as to research the field of family and marriage.*

Keywords: *family institute, coming, modernization, crisis of family institute, inferiority, results of sociological research, student youth*

For citation: Nevelichko L. G., Vorotilkina I. M. (2024) Family and parenthood as a condition for stability of the modern Russian society // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 127–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-127-137>

Введение

Характер социальной реальности Российской Федерации во многом определяется глобальным пространством трансформаций всей мировой системы. Демографические, культурно-цивилизационные сдвиги, охватившие современный мир, проникающие во все сферы жизнедеятельности общества, наиболее ощутимо проявляются в преобразовании социальных институтов, а нередко и в коренной ломке их основ [Ламмаа, 2011. С. 262–264].

Актуальность темы обусловлена ам-

бивалентностью исследуемого социального института: на складывающиеся социальные ситуации результатами своей жизнедеятельности, в первую очередь, реагирует семья как малая социальная группа, и она же, находясь под мощным воздействием факторов социальной динамики, в свою очередь эти факторы и воспроизводит [Кантемирова, 2019.С.162–166.]. Этот тезис находит подтверждение в концепции О. Конта об обществе как едином органическом целом, где все части взаимосвязаны и могут быть осмыслены только в единстве.

Семья, по мнению ученого, как «подлинный социологический элемент» является связующим звеном между обществом и индивидуумом, поэтому «распад семьи – источника нравственного воспитания человека – равнозначен гибели всего общества» [Конт, 2012].

Методология исследования

Ранние исследования трактовали трансформационные процессы в общественном развитии как прогрессивные и модернизационные, связывая их с либерализацией, демократией, прогрессом, эволюцией. Теоретическое обоснование идеи эволюционного (модернизационного) развития получили в трудах О.Конта [Конт, 2012], Сен-Симона [Сен-Симон, 1948]. Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1996] и других классиков социологии, К сторонникам модернизационной парадигмы в России традиционно относят отечественных исследователей А.Г. Вишневого, А.И. Кузьмина, Б.М. Бим-Бада, Т.В. Свадьбину, Ю.А. Гаспарян, согласно представлениям которых семья, как динамическая система, неизбежно трансформируется одновременно с обществом. При этом трансформационные процессы рассматривались как закономерный эволюционный процесс, имеющий преимущественно позитивный характер, формирующий новое качество и специфические способы его освоения.

Семья, по мнению модернистов, при освоении новых функций действительно испытывает некоторую напряженность, но эти затруднения носят временный характер и по мере их освоения они переходят в разряд общепринятых. Сложившиеся и уже широко практикуемые инновационные формы брака и семьи, прежде нетипичные, эволюционисты предлагают рассматривать как неизбежную тенденцию, означающую закономерное умирание устаревшего (рудиментарного) социокультурного субъекта семейных взаимоотношений, не дающего обществу ничего положительного.

Позднее среди подходов к изучению процессов, оказывающих влияние на характер брачно-семейных отношений и развитие института семьи, оформляется кризисный вектор, ориентированный на разработку стратегии профилактики и преодоления кризиса семьи, ее усиление,

укрепление имиджа семьи и статуса семьянина в обществе [Джабер Хасан, 215.С.180-185]. Консерваторы (еще одно определение сторонников кризисного подхода) заявляют, что трансформационные процессы не только деструктурируют семью, но и расшатывают собственно институт брачно-семейных отношений. Кризисное направление наряду с модернизационным стало ведущей парадигмой анализа семейной трансформации.

С позиций кризисного подхода, семья рассматривается как незыблемая основа социальности, своего рода несущая институциональная конструкция, существенное изменение которой ведет к перевороту во всем обществе, П. Сорокину принадлежит авторство термина «кризис семьи». Признаками кризиса семьи он назвал внебрачные союзы, снижение рождаемости, проституцию – проявления, наиболее типичные для города [Сорокин, 1997. С. 65–75]. Современные исследования представлены работами отечественных ученых (Г. В. Антонова, В. Ф. Лапо, А. И. Антонова, В. А. Борисова, Л. Дарского, В. М. Медкова, Ф. А. Ильдархановой и др.). Так, Ф. А. Ильдарханова отмечает, что нарастающие процессы в российской семье – малодетность, неполные семьи и т. д. – носят деструктивный характер и происходят под воздействием экономического кризиса [Ильдарханова, 2009]. А. Б. Синельников одним из признаков кризисного характера трансформационных процессов, в водоворот которых оказалась вовлеченная семья, считал рост числа сожительствующих пар с одновременным сокращением законных браков. По мнению ученого, такие «прогрессивные» союзы ослабляют семью, поскольку чаще всего имеют высокий риск бездетности в отличие от традиционных семей [Синельников, 2018.С. 95-113]. Как одно из решений данной проблемы М. В. Гурджиян предлагает обеспечить самоидентификацию индивида как человека семейного, а традиционные семейные ценности должны стать ориентиром организации семейных отношений [Гурджиян, 217. С. 3–4.].

Основные результаты исследования

Анализ состояния института семьи целесообразно проводить по двум направлениям: изучение внутренней ди-

намики семьи, отражающейся в характере взаимоотношений между членами семей, в изменении состава семьи; установление, какие именно внешние угрозы и риски, наблюдаемые в настоящее время, оказывают основополагающее влияние на семью.

Комплексный анализ институциональных изменений семьи основывается на принципе системности при выделении характерных признаков трансформационных преобразований в условиях модернизации российского общества.

В фокусе внимания нашего исследования – демографическая ситуация в Рос-

сийской Федерации, и, в частности, на Дальнем Востоке, согласно статистическим показателям стабильно теряющая свои положительные характеристики, что не может не вызвать тревогу относительно будущего страны.

Анализ данных Росстата позволил составить следующую современную картину брачно-семейных отношений в ДФО (табл. 1) и стал основанием для дальнейшего исследования.

Анализ динамики браков в ДФО повторяет общероссийские тенденции: в 2022 г. на Дальнем Востоке зарегистрировано более 70,0 тыс. браков и 44,8

Таблица 1

Браки, разводы и общие коэффициенты брачности и разводимости в ДФО

	Браки	Разводы	На 1000 человек населения	
			браков	разводов
Российская Федерация				
2021	923550	644209	6,3	4,4
2022	1053756	682850	7,2	4,7
Дальневосточный федеральный округ				
2021	54340	43104	6,7	5,3
2022	70085	44750	8,8	5,6
Республика Бурятия				
2021	5272	4547	5,4	4,6
2022	7219	5502	7,4	5,6
Республика Саха (Якутия)				
2021	5596	4216	5,7	4,3
2022	6706	4412	6,7	4,4
Забайкальский край				
2021	6764	5855	6,5	5,6
2022	8622	6285	8,7	6,3
Камчатский край				
2021	2564	1877	8,2	6,0
2022	3150	1842	10,8	6,3
Приморский край				
2021	14025	10521	7,5	5,6
2022	17718	10215	9,7	5,6
Хабаровский край				
2021	8931	7304	6,9	5,6
2022	11459	7271	8,9	5,6
Амурская область				
2021	5459	4335	7,0	5,6
2022	7554	4763	9,9	6,3
Магаданская область				
2021	1019	812	7,4	5,9
2022	1243	689	9,2	5,1
Сахалинская область				
2021	3525	2417	7,3	5,0
2022	4646	2519	10,0	5,4
Еврейская автономная область				
2021	888	993	5,7	6,4
2022	1345	1038	9,1	7,0
Чукотский автономный округ				
2021	297	227	6,0	4,6
2022	423	214	8,8	4,5

Источник: Демографический ежегодник России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

тыс. разводов; значения коэффициентов брачности и разводимости по региону в 2022 г. на 23,0% и 21,1% выше, чем в целом по России (в ДФО 8,7 браков и 5,8 разводов на 1 000 населения, в РФ – 7,2 и 4,7)

Лидером Дальнего Востока России, по данным 2022 г., по уровню брачности является Камчатский край – 10,8 случаев на 1 000 населения. Разводов больше всего отмечается в Еврейской автономной области – 7,0 случаев на 1 000 чел. Наименьшие брачность и разводимость за год показала Республика Саха (Якутия) (6,7 и 4,4 соответственно), что, возможно, является причиной этнической особенности брачно-семейных отношений¹.

Снижение брачности в ДФО происходит в общероссийском тренде, но уменьшение разводимости более интенсивно. Браки регистрируют на Дальнем Востоке на 10% чаще, чем в целом по России, однако и количество разводов превышает среднероссийский показатель на 15% (по данным за 2022 г.). Вместе с тем общероссийской тенденцией является сокращение количества регистрируемых браков. Это означает, что в ДФО проявляется несколько большая нацеленность на создание семьи при меньшей фактической готовности к нахождению в браке по сравнению с ситуацией в стране в целом.

Отмечаем, что по статистике каждый зарегистрированный брак, в котором несколько детей, как модель традиционной семьи приобретает статус устаревающей, постепенно уступая место многовариантной. Как следствие, деградация института брака проявляется, в том числе, и в распространении социально санкционированного брака – гражданского брака, а по сути – сожительства, в ущерб институционализированному [Невеличко, Воротилкина, 2023. С. 8].

По информации Росстата, сожительство как форма брака получает все большее предпочтение: за 10 лет доля таких браков увеличилась в среднем в 5 раз как среди женщин, так и среди мужчин, что примерно в четыре раза больше, чем в 2010–2014 гг. (мужчины – 13,2%, женщины – 9%)² (табл. 2).

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), каждый десятый россиянин предпочитает гражданский брак (10%), полагая, что следует жить в семье, но не регистрировать брак официально (13–14% среди молодежи)³. По мнению специалистов, нежелание официально оформлять отношения является проявлением психологической незрелости, избегания ответственности, неготовности к тесным эмоциональным отношениям.

Таблица 2

**Доля незарегистрированных браков по году вступления в брак
(в % от состоящих в браке, зарегистрированном или нет)**

Год вступления брак	Женщины	Мужчины
2005–2009	6,34	9,30
2010–2014	9,02	13,20
2015–2017	19,24	21,07
2018–2022	38,76	43,77

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

¹ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа Москва, 2023 С. 11–26. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf?ysclid=ltjrbw3i9p742936081>; Без свадьбы поживут: в России резко выросла доля «гражданских» браков. URL: <https://dzen.ru/a/ZAGUh-pQjRbS6XZG>

² Естественное движение населения России. Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/#i-8>

³ Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 3 июня 2021 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-soumestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli>

Гражданский брак свидетельствует о том, что выбор не окончательный, так как дает возможность в любой момент отступить и ни к чему не обязывает. На этом фоне неизбежен рост числа детей, рожденных вне брака. Так, в 2022 г. по данным государственной статистики на свет появилось 1,3 млн человек, из них вне брака – более 297 тыс. (22,8%), т. е. примерно каждый четвертый-пятый ребенок родился вне брака².

Однако зарегистрированный брак, не утративший своего статуса разводом, не является гарантией традиционной модели семьи, так как усиливается такой феномен супружеских отношений, как «гостевой брак». При этом состоянии граждане официально зарегистрированы, но проживают отдельно по обоюдному согласию. Последствия такой модели брачных отношений заслуживает отдельных исследований.

«Стареют» типичные женихи и невесты. Если в 1995–1998 гг. типичной невесте было 18–19 лет, а жениху 20–21 год, то в 2022 г. мужчины и женщины вступают в первый брак в возрасте 23–25 лет. Значительно, по сравнению с 1995–1998 гг., выросло число тридцатилетних женщин, впервые вступивших в брак (с 0,0% до 13,3%) и мужчин (с 7,1% и 22,5%)⁴.

Российская Федерация на протяжении длительного периода своей новейшей истории живет в режиме депопуляции⁵, и прогнозы в этой области не оставляют повода для оптимизма. Демографические вызовы, обусловленные объективными демографическими трендами, определяют фактор развития на ближайшие 10 лет и, согласно прогнозу Росстата, население Российской Федерации в ближайшие годы будет сокращаться (табл. 3). Кризис демографической структуры человечества как разрушительная системная разбалансировка стал основным триггером кризиса семьи [Галецкий, 2005. С. 169–188]. Как следствие, «необходимо переломить эту тенденцию и обеспечить к 2030 году рост численности населения за счет стабилизации рождаемости...»⁶.

Добавим, что единственным социальным институтом, способным обеспечить оптимальный режим воспроизводства населения, является семья. Между тем статистика неумолимо констатирует, что в российском обществе не только сокращается количество семейных граждан, но и происходит разрушение семьи изнутри, так как на функциональном уровне она перестает производить членов с семейным мировоззрением и сформированными семейными компетенциями.

Таблица 3

Прогноз динамики численности населения РФ на период с 2024–2023 гг.

годы	Естественный прирост		
	Низкий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
2024	-719,7	-675,1	-499,9
2025	-788,8	-693,2	-504,9
2026	-823,5	-702,8	-504,0
2027	-847,3	-703,0	-492,5
2028	-859,3	-684,4	-466,1
2029	-871,9	-666,3	-428,5
2030	-885,7	-652,6	-382,2
2031	-894,4	-638,4	-341,2
2032	-900,7	-617,2	-298,2
2033	-901,2	-583,1	-236,4
2034	-899,8	-557,5	-178,0

Источник: Росстат. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁴ Росстат. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁵ Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.]; отв ред. С. В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «Перспектива», 2022. 108 с. С. 12. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁶ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf

Рассматривая демографическую аналитику с точки зрения кризисного подхода, отмечаем несоответствие количества семей в соотношении с масштабом территории российского общества. Далее, среди признаков, которые указывают на деградацию института семьи, отметим разводы, сожительство, одиноких родителей с детьми, рождение внебрачных детей, а также безбрачные и малодетные семьи или семьи с установками на бездетность [Гараева. С. 93–98.]. Эти показатели обнаруживают негативную тенденцию к росту, чему в немалой степени способствует их социально нейтральная оценка.

Таким образом, наблюдаемые современные формы семейных отношений позволяют утверждать, что фундаментальные функции института семьи и брака по воспроизводству в условиях гармоничных родительских отношений новых членов общества, психически и физически здоровых, способных к обучению и социализации, оцениваются специалистами как критическое состояние, несущее в себе угрозу потери суверенитета и территориальной целостности страны [Антонов, 2015. С. 21–31]. При этом очевидно, что исторически складывающиеся социокультурные нормы брака, ценности старших поколений не могут оставаться неизменными, так как институт семьи реагирует на происходящие в социуме процессы и своеобразно адаптируется к ним.

Однако какое будущее ожидает общество и государство, если жизненная позиция малодетности или бездетности будет разделяться все большей частью населения? Становится очевидным, что рождаемость как основной индикатор качества семейно-брачных отношений актуализирует изучение семейных ценностей молодежи, их отношения к детности и выступает необходимым основанием для понимания специфики происходящих перемен в современной реальности и возможности прогнозирования показателей демографического поведения и развития общества.

В связи с этим является обоснованным, что основной интерес исследователи проявляют к молодежи. В 2023–2024 учебном году было проведено социологическое исследование среди студенческой молодежи ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»⁷.

В центре внимания нашего исследования – изучение брачно-семейного поведения студенческой молодежи посредством выявления взаимосвязи между снижением уровня рождаемости, созданием новых ячеек общества и взглядами современного поколения на семейные ценности. Очевидно, что представления современных девушек и молодых людей о семейных ценностях оказывают влияние на состояние и динамику изменения института семьи, на предпочтение тех или иных семейных форм, детности, распределение ролей, а соответственно и на стабильность, гармоничность общества.

Результаты исследования

Полученные авторами данные в значительной степени коррелируют с результатами многочисленных исследований по данной тематике. Тем не менее представления современной молодежи о своей будущей семье, себя в ней, позволяют выявить отклонения, тревожные симптомы, грозящие серьезными последствиями.

Отрадно, что одиночество, как вариант дальнейшей жизни, респонденты не рассматривают. Все опрошенные студенты не состоят в браке, но половина из них ведут совместное хозяйство (53%). При этом сожительство в незарегистрированном браке воспринимают как норму. Отношения не спешат оформлять по различным причинам: сироты в случае заключения брака будут исключены из очереди на получение жилья, остальные считают, что «пробный» брак избавляет от большого количества формальностей в случае охлаждения чувств: «Легче расстаться, если отношения не сложатся, не будет проблем с документами и дележом имущества». Родители знают об их отношениях и не высказывают по этому по-

⁷ Социологическое исследование с 10 сентября 2023 г. по 1 ноября 2023 г. методом глубинного интервью методом гнездовой двухступенчатой выборки по направлениям профессиональной подготовки, полу, курсу обучения и национальности студентов (n=61).

воду неодобрения.

Среди не состоящих в браке респондентов три четверти (78%) считают, что единственным основанием для вступления в брак является любовь, третья часть (35%) – психологическое благополучие семьи (взаимопонимание, поддержка, эмоционально-психологический комфорт). При этом большинство респондентов (85%) не рассматривают родительство как основную ценность семейной жизни.

Готовность обсуждать проблемы, возникающие между мужем и женой (что является основой психологического благополучия семьи), заняла самые низкие позиции в рейтинге семейных ценностей (3%). Между тем обида, появившаяся у одного из супругов, не проходящая длительное время, препятствует общению. В свою очередь, отсутствие коммуникации в супружеской паре становится одной из причин эмоциональной отчужденности и утраты взаимопонимания.

Среди личностных ценностей основной выбор сделан в отношении здоровья (68%), далее – интересная работа (46%), профессиональная карьера (42%). Возраст вступления в брак, по мнению опрошенных, должен быть 23–25 лет для девушек, 25–28 лет – для мужчин.

Юноши уверены, что к 28 годам их социальный капитал – карьера, материальная обеспеченность будут фактором, который позволит им брать на себя обязательства по созданию и обеспечению семьи.

Каждый четвертый из десяти опрошенных (39%) хотел бы иметь двоих детей, троих – статистически незначительная доля (5%).

К разводам студенты относятся негативно. Стоит отметить, что две трети (67%) из них воспитывались в неполной семье, пережив на собственном опыте расставание родителей и особенности воспитания без участия в этом процессе одного из родителей. О причинах разводов судили из опыта своих родителей. Традиционно называли экономические сложности: отсутствие собственного жилья, неустроенность, нехватка средств даже на ежедневные бытовые нужды, конфликты, охлаждение чувств к избраннику. Последний фактор считают

закономерным следствием вышеназванных причин разводов.

Ожидаемо, что однополые браки молодежь отрицает категорически, к такому явлению относятся негативно. Многие хотят закончить учебу, начать карьеру, обзавестись квартирой и крепче стоять на ногах. Молодежь понимает, что брак и ребенок – это ответственность и обязанности. А еще они хотят вначале пожить для себя. Путешествия, переезды, развлечения – все это сложно совместить с рождением детей. В итоге кто-то решает, что дети – это не про него.

Экспертами в интересующей нас сфере выступили респонденты более старшей возрастной группы (10 человек, возраст от 28 до 35 лет), состоящие в браке или уже имеющие опыт семейной жизни. Их мнение отличается взвешенностью и прагматизмом от «теоретических» представлений более юной группы респондентов. Так, благоприятным возрастом для вступления в брак для мужчин называют 30–32 года, для женщин – 24–26 лет: «... нужно на ноги встать: карьеру сделать, чтобы зарплата уже была высокая, жилье своё тоже нужно, не от родителей же всю жизнь зависеть».

подавляющее большинство из них до вступления в брак были знакомы длительное время и вели совместное хозяйство.

Сожительство эксперты считают естественной и вполне приемлемой формой современных отношений: «... если есть любовь, то какая разница, в каком браке люди живут, а если нет, то никакой штамп не спасет; так проще, если не сложится, то меньше мороки с документами будет».

Основным мотивом вступления в брак наряду с любовью считают здравый расчет: настроенность на семью избранника, душевные качества и перспективу: «... нужно узнать человека, проверить его в быту, важно, чтобы были общие темы, интересы».

В этой группе среди личностных ценностей семья для подавляющего числа опрошенных является основной, но детей как приоритетную ценность семьи назвали менее половины. Мужчины единодушны в том, что жена должна работать, но её доход не должен быть выше, чем у мужа. Большинство экспертов

пережили процедуру развода, отдельные из женщины заключили повторный брак, остальные растят детей в неполной семье. Причины развода у женщин – домашнее насилие, зависимости супруга, у мужчин – конфликты и несовпадение взглядов на воспитание детей. Респонденты пояснили, что значительная часть разводов является фиктивными, так как родителю, в одиночку воспитывающему детей, государство предоставляет существенные льготы по различным позициям: снижение величины оплаты за детский сад, субсидии, выплаты, льготы. Также дают повод молодым супругам для фиктивного развода условия получения популярной меры поддержки в форме социального контракта.

В процессе интервью респонденты поясняют: «Детей планировали троих, но с появлением ребенка поняли, что больше одного не потянем. Все детское очень дорого – и одежда, и питание. Одна упаковка памперсов сколько стоит!»; «одного бы на ноги поставить»; «где жить с детьми? Раньше государство помогало семье: жильем семейных обеспечивали в первую очередь»; «мама рассказывала, что и на работу устраивались туда, где можно было быстрее жилье получить, чтобы было, где семью завести и детей, а сейчас человек всё решает сам, поэтому и семью поздно создают, и развод оформляют, чтобы полегче было»; «государство само себе противоречит: с одной стороны, принимают меры для повышения рождаемости, а с другой – создают такие условия, что и развод вынуждены фиктивный оформлять, и детей много не заводят».

Таким образом, результаты исследования оставляют повод для оптимизма, показывая, что институт семьи в нашем обществе себя еще не изжил и важность семьи имеет ценность для многих. Но ограниченность перспектив, неуверенность в ближайшем будущем, финансовая нестабильность являются факторами, определяющими поведенческий репертуар партнеров в парах. Отложенное материнство, как следствие вышеназванных причин, не только чревато нежелательными осложнениями в здоровье ребенка, но и является причиной малодетности семьи.

Заключение

Семья в традиционном понимании является основой государства, гарантом его стабильности, важным элементом развития. Крепкая и здоровая семья – условие социального здоровья общества, поэтому охрана семьи и ее защита во все времена являлись приоритетными направлениями государственной политики России.

Несмотря на прогнозы исследователей, утверждающих, что один брак на всю жизнь уже не будет освоен широкой практикой, работу по формированию в сознании населения престижности крепкой, здоровой семьи, статуса семейного человека нужно формировать что называется с «младых ногтей», распределив просветительский контент по различным уровням образовательных программ с учетом возрастных особенностей учащихся.

Безусловно, необходимо усилить присутствие государства в социальных сетях и интернет-пространстве, где молодежь проводит большую часть своего свободного времени, поскольку по мощности воздействия на сознание людей, эффективности формирования мировоззрения, ценностного отношения к запросам общества конкуренцию с информационными технологиями средства массовой информации, произведения художественной культуры проигрывают со значительным отрывом.

Российское государство предпринимает немалые меры в области укрепления и поддержки института семьи, но реализуемые социальные программы и проекты не приводят к существенным желаемым результатам в улучшении демографической ситуации. Нельзя игнорировать тот факт, что формирование молодого поколения в постсоветский период осуществлялось в парадигме западной модели «общества потребления», создающего искусственные потребности в ущерб традиционным человеческим ценностям семьи и брака. В таком обществе, ориентированном только на потребление, не находится места ценностям семьи и брака также, как не является привлекательной для работодателя женщина, имеющая перспективы замужества и рождения детей. Оно формирует эгоцентричного гедониста, который предпочитает отношения без

обязательств и без ограничения свободы самовыражения. Жизнь учит, что создание и поддержание семьи и брака обеспечивается не только материальным ресурсом мужчин и женщин, так как достижение их успешности – трудная работа над собой, порой определенная жертвенность и взаимные уступки, на которые требуются немалые усилия и время.

Список источников:

1. Антонов Г. В., Лактюхина Е. Г. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 21–31. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31>
2. Галецкий В. Встретит ли институт семьи 22 век? // Семья. Дружба народов. 2005. № 6. С. 169–188.
3. Гараева Э. И., Костина Н. Б. Добровольная бездетность в современной России: отношение со стороны общества // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральско-го демографического форума. Том I. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2019. С. 93–98.
4. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. №1. С. 3–4.
5. Джабер Хасан М. А Самореализация личности в брачно-семейных отношениях при межэтническом браке. Материалы заочной конференции «Проблемы и перспективы самореализации личности в современном многополярном мире», 20 Февраля 2015 г. М.: РУДН. С. 180–185.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
7. Ильдарханова Ф. А. Кризис и семья: стратегии выживания: монография. Казань: Изд-во, 2009. 104 с.
8. Кантемирова Г. А. Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 2019. Т. 19. № 2. С. 162–166.
9. Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 296 с.
10. Ламажаа Ч. К. Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 262–264.
11. Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. (2023) Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 14. № 2. DOI: 10.15862/43SCSK223.
12. Сен-Симон К.-А. Избранные произведения : в 2 т. / пер. с фр. под ред. Л. С. Цетлина. М. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 1948. Т. 2. 486 с.
13. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 95—113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.
14. Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Социология и Политология. Сер. 18. № 3. 1997. С. 65–75.

References:

1. Antonov G. V., Laktyukhina E. G. (2015) The crisis of the institution of marriage in modern Russia: reality or fiction? *Voprosy statistiki* [Questions of statistics]. No. 7: 21–31. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31>(In Russ.).
2. Galetsky V. (2005) Will the institution of family meet the 22nd century? *Sem'ya. Druzhba narodov* [Family. Friendship of Peoples]. No. 6:169–188.(In Russ.).
3. Garayeva E. I., Kostina N. B. (2019) Voluntary childlessness in modern Russia: attitude from society. Socio-economic and demographic aspects of the implementation of

national projects in the region in collection of articles of the X Ural Demographic Forum. Volume I. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Pp. 93–98. (In Russ.).

4. Gurdzhiyan M. V. (2017) The family crisis in modern Russia and ways to overcome it *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. No. 1: 3–4. (In Russ.).

5. Jaber Hasan M. (2015) A Self-realization of personality in marriage and family relations in interethnic marriage. Materials of the correspondence conference “Problems and prospects for personal self-realization in the modern multipolar world”, February 20, 2015 M.: RUDN. Pp. 180–185. (In Russ.).

6. Durkheim E. (1996) On the division of social labor / Transl. from fr. A.B. Hoffman, notes by V.V. Sapova. M.: Kanon. 432 p. (In Russ.).

7. Ildarkhanova F. A. (2009) Crisis and family: survival strategies: monograph. Kazan: Publishing house. 104 p. (In Russ.).

8. Kantemirova G. A. (2019) Features of social dynamics of family structure types in Russia. News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political Science. Vol. 19. No. 2: 162–166. (In Russ.).

9. Comte O. (2012) General overview of positivism. M.: Book house “LIBROKOM”. 296 p. (In Russ.).

10. Lamajaa Ch. K. (2011) Social transformation Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1: 262–264. (In Russ.).

11. Nevelichko L. G., Vorotilkina I. M. (2023) Problems of transformation of the institution of family and marriage at the present stage *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, philology, cultural studies]. Vol. 14. No. 2. DOI: 10.15862/43SCSK223. (In Russ.).

12. Saint-Simon K.-A. (1948) Selected works: in 2 volumes / trans. from fr. edited by L. S. Tsetlina. M. – L.: Publishing house Acad. Sciences of the USSR. T. 2. 486 p. (In Russ.).

13. Sinelnikov A. B. (2018) Family and marriage: crisis or modernization? *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 24. No. 1: 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. (In Russ.).

14. Sorokin P. A. (1997) The crisis of the modern family *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sotsiologiya i Politologiya* [Bulletin of Moscow University. Sociology and Political Science]. Ser. 18. No. 3. Pp. 65–75. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Информация об авторах

Л. Г. Невеличко – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальная работа, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема;

И. М. Воротилкина – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема.

Information about the authors

L. G. Nevelichko – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, the chair of social work, the Sholem-Aleichem Amur State University;

I. M. Vorotilkina – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the chair of social work, the Sholem-Aleichem Amur State University.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-138-148

Особенности влияния детско-родительских отношений на формирование ценностных ориентаций детей и молодежи

Эдгард Александрович Зайцев

ИП Зайцев, Хабаровск, Россия

12345zaiaz67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ценностей современных семей, их влиянию на подрастающее поколение, особенностям детско-родительских отношений и морально-нравственных ориентаций детей, подростков, молодежи. Изучая тему, было определено, что на микроуровне отношений наблюдается упадок старых традиций семейного воспитания и кризис семьи, а также психоэмоциональное перенапряжение у подрастающего поколения. На макроуровне – современные дети, подростки, молодёжь полностью зависят от тех условий, в которых проживают, что в свою очередь влияет на их жизненное самоопределение. В статье обосновывается необходимость и целесообразность внедрения разработанных авторских программ, направленных на гармонизацию детско-родительских отношений, воспитанию целостной и гармоничной личности ребенка, осознающего своё место в мире и знающего, что такое «быть взрослым», формирование у детей и молодежи представлений о важных социальных и моральных нормах жизни в отношениях внутри семьи, укреплении доверительных отношений.

Ключевые слова: ценностные ориентации, дети, подростки, молодежь, семья, общество, молодежная политика, детско-родительские отношения

Для цитирования: Зайцев Э. А. Особенности влияния детско-родительских отношений на формирование ценностных ориентаций детей и молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 138–148. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-138-148>

Original article

The features of the parent-child relationship's influence on the formation of value orientations of children and young people

Edgard A. Zaitsev

IE Zaitsev, Khabarovsk, Russia

12345zaiaz67@mail.ru

Abstract. The article studies the values of modern families, their influence on the younger generation, the features of child-parent relationship and moral orientations of children, adolescents, and young people. While studying the topic the author found out that at the micro level of relationship there is a decline in the old traditions of family education and a family crisis, as well as psycho-emotional stress in the younger generation. At the macro level, modern children, teenagers, and young people are completely dependent on the condition in which they live, which in turn affects their self-determination in life. The article proves the need and expediency of implementing

the author's developed programs aimed at harmonizing the parent-child relationship, forming a holistic and harmonious personality of a child who is aware of his/her place in the world and knows what it means to "be an adult". These programs also help children and young people form ideas about important social and moral norms of life in relationship within the family and strengthen trusting relationship.

Keywords: *value orientations, children, adolescents, young people, family, society, youth policy, child-parent relationship*

For citation: Zaitsev E. A. (2024) The features of the parent-child relationship's influence on the formation of value orientations of children and young people // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 138–148. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-138-148>

Введение

В настоящее время становятся особенно актуальными и важными темы институционализации детства, родительства и семьи, эмоционально-психологических компетенций молодежи, создание благоприятных условий взросления ребенка, психологической поддержки как детей, так и родителей, осознающих важность своей роли в жизни и судьбе подрастающего поколения. Все чаще в средствах массовой информации, кино и индустрии развлечения поднимается тема взаимоотношений детей и родителей. И это действительно значимый вектор развития любого общества, потому что именно семья выступает системообразующим элементом в обществе, являясь тем местом, где ребенок получает первые навыки общения, основы образования, знания об окружающем мире, усваивает социальные роли. Стоит отметить, что эмоциональный, когнитивный и поведенческий опыт родителей передается растущим в их семье детям и влияет на его систему представлений о себе и мире в целом.

Нельзя не согласиться с О. И. Разинковой, которая в своей монографии подчеркивает, что «жизненный путь ребенка и формирование его нравственных основ начинается в семье, которая представляет собой первоначальную сферу передачи опыта, традиций, особую культурную форму воплощения социальных ценностей, поддерживая духовно-нравственные компоненты в содержании бытия человека и общества в целом. Именно в семье задаются и вырабатываются первоначально ценности и нормы, являющиеся фунда-

ментом всей дальнейшей жизни ребенка» [Разинкова, Барина, 2023. С. 89].

Рассматривая микроуровень детско-родительских отношений, ряд авторов отмечают кризис традиций семейного воспитания и семьи, который характеризуется трансформацией традиционных идеалов, моральных и нравственных ценностей [Антонов, 2012]. Отношения между детьми и родителями, бабушками и внуками, изменение системы иерархии ценностей в семьях определяются новыми «обычаями» и «обрядами», а также формами социализации взрослеющего ребенка. Трансформация ценностных ориентаций и приоритетов в системе «всеобщего благоденствия» приводит к размытости духовно-нравственных ориентиров для идентификации подрастающего поколения. Сегодня все чаще наблюдается неспособность человека к построению длительных и прочных отношений на семейном уровне [Бадью, 2018]. Поэтому важно и нужно возвращаться к традиционной российской модели создания крепкой семьи.

Если рассматривать макроуровень детско-родительских отношений, то современные дети, подростки, молодежь находятся в самом эпицентре всего того, что происходит в обществе. Сегодняшние подростки и молодежь – это поколение технологической и технократической революции, находящееся в потоке информационного давления и психоэмоционального перенапряжения. Они полностью зависят от тех условий, в которых проживают, что в свою очередь влияет на их жизненное самоопределение. Они тес-

но вплетены во все сферы жизни общества: политическую, экономическую, социальную и, конечно, духовную.

Быстрая смена социокультурного контекста, технологический прогресс, как в мире, так и в России, изменяет многие атрибуты человеческой жизни, которые, казалось бы, были незыблемыми и вечными, придавали стабильность жизни общества. Так называемая социокультурная эволюция поколений включает в себя накопленные за многие тысячелетия нашей истории традиции, верования, знания, нормы и ценности. И это и есть те ресурсы, которые питают многие области, будь то наука, культура, образование, являясь фундаментом для национального самоуважения. От современной молодежи, в том числе, будет зависеть возможность сбережения и эффективного использования этого культурного наследия.

Технологический прогресс влияет на возникновение нетрадиционных для России культурных ценностей, в связи с чем подросткам и молодежи порой трудно адаптироваться к новым реалиям. Так, например, С. В. Явон, исследуя ценностные ориентации современной молодежи, пишет, что «в современных обществах положение молодежи характеризуется некоторыми своеобразными чертами: это дезориентированность и проблемы социальной адаптации; противоречивый и прерывистый характер социализации, обусловленный сосуществованием множества агентов социализации и культурным плюрализмом, а также быстрым темпом социальных изменений; вынужденная конкуренция с людьми более зрелого возраста; отсутствие «ступеней взросления», санкционированных культурой и ритуально отмеченных моментов перехода из одной возрастной группы в другую; самостоятельность, автономия» [Явон, 2018. С. 4].

Кроме этого, как отмечает О. И. Разинкова, в современных реалиях набирает обороты «социальный инфантилизм», который опасен тем, что молодые люди не понимают своей значимости в обществе, в то время как дети и молодежь

остаются важной социальной группой населения, от активного участия которой зависят многие социальные, экономические, политические и духовные процессы. Инфантильным подросткам легче принимать все происходящее в жизни как случайное стечение обстоятельств и результат вмешательства неких внешних сил (родителей, государства, педагогов и т. д.). Формированию процесса инфантилизации подростков и молодежи способствует изменение системы ценностей, виртуализация жизни детей, пропаганда общества потребления и удовлетворения сиюминутных желаний [Разинкова, Барина, 2023. С. 120].

Эти ценности закладываются с самого раннего детства и взрослея, зависимость от внешних атрибутов у молодого поколения только возрастает. Вот, например, исследование среди дошкольников 5–7 лет из 38 субъектов всех 8 федеральных округов РФ показало, что основное место в ценностных ориентациях современных детей-дошкольников занимает удовлетворение собственных материальных потребностей – 71%, а семья в иерархии ценностей стоит на первом месте только у 19% респондентов. Уже с дошкольного возраста ребенок становится потребителем¹.

Социологические исследования также показывают, что современная молодежь на первое место ставит материальные ценности в виде капитала, денег, бренда, стремясь к финансовой независимости и возможности пассивного дохода, мобильности передвижения, удаленной работы. Такие люди чаще всего являются, так называемыми, «одиночками», не желающими создавать семью как важную и стабильную ячейку общества. [Рубцов, 2023. С. 258–263]

Семьи с хорошим материальным достатком, с одной стороны, готовы и могут дать своим детям хорошее качественное образование, дорогие путешествия, брендовую одежду, но при этом не стоит забывать, что материальный потенциал насколько не равен духовно-нравственному. Материальные возможности не воспита-

¹ Бояринцева А. В. Содержание ценностных ориентаций современных дошкольников (итоги репликационного исследования). URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/iblock/05c/pwifmsfzd7ayzcaak1y7lu6vzfliuofh2.pdf>

вают ребенка, а чаще всего формируют его потребительское отношение ко всему, что в целом может негативно сказаться на его жизненных приоритетах и морально-волевых качествах.

Особенности государственной политики в области детства и молодежной политики

В современных условиях неопределенности, изменения социальных практик, характеризующихся размытостью ценностных ориентаций, в условиях мгновенных трансформационных процессов в обществе как никогда важно позитивное развитие каждого ребенка, духовное становление его личности, укрепление традиционных семейных ценностей.

Осознавая важность решения актуальных проблем детства и молодежи, на государственном уровне реализуется программно-целевой подход к молодежной политике. Государственные программы и проекты включают перечень проблем и задач, направленных на решение вопросов одаренных детей, детского здравоохранения, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, психологического здоровья детей, социального обслуживания семей и др.

Анализ эволюции развития государственного подхода к реализации молодежной политики в России дает представление о ее влиянии на формирование и развитие системы ценностных ориентаций. Так, особое внимание молодежной политике стало уделяться в начале 90-х гг. XX века. Впервые о ней было упомянуто в Законе СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»². Затем последовало принятие нескольких законодательных документов, множество проектов законов о молодежи, в том числе Доктрины государственной молодежной политики,

Концепции государственной молодежной политики Российской Федерации и др., которые были символическими документами и носили в большей степени декларативный характер.

Принятая Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации от 2006 г. ставила своей главной целью развитие потенциала молодежи в интересах России путем привлечения молодых людей к участию в общественно-политических процессах, формирования открытой и доступной для молодежи системы поддержки инициатив, направленных на решение задач улучшения качества жизни в России в целом³.

В 2014 г. Правительством Российской Федерации был утвержден еще один важный документ «Основы государственной молодежной политики до 2025 года»⁴, в котором были зафиксированы ключевые понятия, цели и задачи государства в сфере работы с молодыми людьми: осознание молодежью своей полезности, востребованности обществом, предоставление молодым людям возможности проявить себя.

В 2020 г. в Конституцию РФ были внесены значимые изменения, определяющие «детей важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»⁵.

В этом же, 2020 г., был принят Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в рамках которого определена регуляция отношений, возникающих между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики в Россий-

² Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» от 16 апреля 1991 года №2114-1. URL: <https://base.garant.ru/6335136/>

³ Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 N 1760-р (ред. от 16.07.2009) «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_98451/

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в действ. ред.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 50. С. 7185.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/

ской Федерации, определены цели, принципы, основные направления и формы реализации.

Совсем недавно был опубликован Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который отражает важность укрепления института семьи, нравственных ориентиров современной молодежи, формирования мировоззренческих основ граждан России, сохранения из поколения в поколение культурного опыта и т. д.

Следует отметить, что 2024 г., согласно Указа Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875, был объявлен «Годом семьи», в рамках которого планируется множество мероприятий регионального и федерального уровня, направленных на совершенствование положения семей с детьми; охрану здоровья граждан репродуктивного возраста; укрепление ответственного родительства; формирование у детей и молодежи семейных ценностей и др.⁶

Проведенный анализ законодательного закрепления особенностей молодежной политики последних нескольких лет свидетельствует об актуальности проблемы исследования и поиска эффективных инструментов развития детей и молодежи. Как следствие, отношение государства к молодому поколению в России стало кардинально меняться и молодые люди воспринимаются как самостоятельная социальная группа населения, требующая к себе особого внимания и отношения со стороны государства. Как справедливо отмечает Ю. В. Березутский: «Именно молодежь, проявляя дуальность своей социальной природы (являясь одновременно и объектом, и субъектом процесса социализации), выступает отражением того, что происходит в обществе» [Березутский, 2021. С. 110–117].

Подрастающее поколение объективно становится главным фактором сохранения и развития России, её исторического и культурного наследия и выработки

новых способов деятельности, особенно в условиях социальных трансформаций глобального мира, частью которого является российское общество.

Имея свои собственные устремления, дети, подростки, молодежь представляют собой значимый социальный потенциал прогресса. Молодежная политика страны заключается в проведении целого комплекса различных мер в экономической, социальной, правовой и духовной сферах, ориентированных на создание необходимых условий для определения и выбора молодежью стратегии своего дальнейшего развития вместе с государством и обществом. Развитие государства и общества невозможно без воспитания развитой и зрелой молодежи, имеющей психологическую и социальную устойчивость, умеющей адекватно реагировать на возникающие социально-экономические и социально-политические вызовы и угрозы. Поэтому в процессе социализации подрастающего поколения в образовательном процессе важна роль и психологического образования, и самообразования.

Онлайн-программы детям, подросткам и родителям как инструмент социальной и психологической самопомощи

Одной из потребностей современного человека становится забота о своем психоэмоциональном здоровье. А если этот человек родитель, то он должен заботиться о психологическом комфорте в семье и эмоциональном, нравственном и социальном развитии своего ребенка. О. И. Разинкова, исследуя современные отношения детей и родителей, отмечает, что одна из проблем заключается в том, что в нашем обществе многие не воспринимают детство и взросление как полноценный этап жизни человека. Родители наказывают детей, применяя физическое насилие, психологическое воздействие, унижая достоинство ребенка, оправдывая тем самым воспитательные практики. Некоторые из взрослых считают наказания социально приемлемой формой поведения по отношению к детям с целью коррекции и контроля поведения [Разинкова, Барина, 2023. С. 109].

⁶ Кабмин утвердил план мероприятий по проведению Года семьи. URL: <https://www.pnp.ru/social/kabmin-utverdil-plan-meropriyatij-po-provedeniyu-goda-semi.html>

Следует отметить, что многим родителям сложно воспитывать своего ребенка и одновременно быть ему другом, которому взрослеющая личность может доверять свои переживания, опыты. Порой мамы и папы, бабушки и дедушки забывают свои детские проблемы, обиды, что они сами чувствовали в том или ином возрасте. Когда их ребенок начинает проживать такие же этапы, взрослым они кажутся несерьезными. Родителям становится непонятно, почему для ребенка важно именно в этот период общение со сверстниками, желание выделиться из «толпы», быть уникальным и многие другие аспекты. Когда дети не находят поддержки и помощи со стороны взрослых, одни замыкаются в себе, другие, наоборот, через деструктивное поведение привлекают к себе внимание.

Результаты исследования, проведенного в контексте посмодернистской методологии, показывают, что «постиндустриальные» родители потеряли свой естественный авторитет перед детьми, вследствие чего современный ребенок не находит опоры дома в семье. В результате социального прогресса был потерян важный инстинкт естественного воспитателя. Родительский авторитет, выступающий неким корнем, «сгнил» [Разинкова, Барина, 2023. С. 81].

Кроме множества проблем, возникающих на микроуровне, внутри каждой семьи, все чаще социологи отмечают проблемы макроуровня – глобальный мировой кризис социального института семьи. Этот кризис, по мнению С. Н. Буровой и А. В. Демидовой, проявляется в сокращении заключения браков среди молодых людей, в увеличении количества гражданских союзов, рождения детей вне брака; разделении таких важных социальных институтов как семья, родительство, детство; снижении уровня социальной защищенности семей и росте численности неблагополучных семей, обострении проблемы насилия; возникновении новых типов семей; изменении групповых характеристик семьи, связанных с размыванием стандартной системы семейно-брачных

поведенческих норм, содержанием традиционных семейных ролей и внутрисемейных отношений, семейных ценностей [Бурова, Демидова, 2008. С. 97–103].

Семья представляет собой набор взаимодействующих элементов, где изменение одного из них ведет к движению всей системы в целом. Главная цель системы заключается в поддержании постоянства независимо от меняющегося количества членов семьи и их потребностей⁷. Специфика отношений в современных семьях определяется новыми «обычаями», формами социализации взрослеющего ребенка. Изменение иерархии ценностей и приоритетов в системе «всеобщего благоденствия» приводит к размытости духовно-нравственных ориентиров для идентификации подрастающего поколения. Молодые люди порой неспособны к построению длительных и прочных отношений на семейном уровне. Трансформация жизненных условий ведет к тому, что механизм воспроизводства ценностной ориентации перестает быть ведущим.

Результаты наших психологических наблюдений показывают, что у детей, подростков, молодежи порой наблюдается снижение глубины эмоций, бедность их репертуара. Это может происходить, в том числе, из-за влияния на них взрослых, иногда давящих, требующих, нетерпеливых и нетерпимых, спешащих и недовольных. Из-за постоянной занятости на работе или по каким-либо другим причинам родители лишают детей ласки, внимания, понимания и поддержки. Но следует подчеркнуть, что эмоциональный интеллект формируется постепенно с самого рождения ребенка, а не возникает вдруг из ничего. Психологическому здоровью детей и их эмоциональному интеллекту нужно уделять столько же внимания, сколько вербальному или математическому.

Сегодняшние дети в семьях – это завтрашние подростки и молодежь страны. Как отмечает А. А. Ченских, молодежь представляет собой важнейшую составляющую общества, обеспечивая его развитие и прогресс, выступая в роли связующего звена при приспособлении

⁷ Актуальные проблемы детской клинической психологии. Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. 7 апреля 2016 г. Оренбург: ОрГМУ, 2016. 123 с.

социума к динамично меняющимся обстоятельствам. Отмечая перспективы любой страны всегда говорят о положении, развитии, интересах и ориентациях молодого поколения. Молодые люди всегда более инициативны и мобильны, обладают творческим потенциалом, восприимчивостью к инновационным изменениям и к новым технологиям, способны активнее, по сравнению с другими социально-демографическими группами, противодействовать негативным вызовам времени [Ченских, 2020. С. 634–638].

Сегодня в связи с потерей внутрисемейных связей у детей, подростков и молодежи формирование новых форм психологической и социальной адаптации происходит бессистемно, хаотично и лавинообразно. Молодые люди не ощущают смысла происходящего и чаще всего не имеют необходимых жизненных навыков, позволяющих сохранить их индивидуальность и здоровый образ жизни. Столкнувшись с трудностями, они сомневаются в своих силах и способностях, не хотят брать ответственность за себя и за свою собственную семью. Эмоционально-психологическая незрелость приводит к отсутствию у подрастающего поколения способности к самостоятельному формированию желаний и целей, когда им просто бывает спокойнее, если они не берут на себя ответственность и остаются беспомощными [Разинкова, Барина, 2023. С. 196]. Иногда молодые люди не готовы к преодолению возрастающего психоэмоционального напряжения, что может порождать различные формы «саморазрушающего» поведения – это употребление алкоголя, наркотиков, суицидальные попытки, убегание из родного дома, вандализм, сексуальное отклонение и др.

Родительская мудрость заключается в том, чтобы почувствовать и обнаружить психологические проблемы своего ребенка, которые нужно и можно своевременно решить, обратившись к специалистам или, благодаря профессионально разработанным онлайн-программам, которые представлены в данной статье.

Осознавая важность обозначенных в настоящей статье проблем и отвечая запросам современности, автором были разработаны и апробированы авторские психологические онлайн-программы «До-

машний психолог для ребёнка и родителя» и «Домашний психолог для подростка и родителя» (лицензия на осуществление образовательной деятельности от 19 апреля 2023 года № Л035-12386-27/00648223).

Разработанные автором онлайн-программы – это уникальные психологические программы самопомощи. Обращаясь к теории, необходимо отметить, что психологическая самопомощь – это возможность и способность человека с помощью знаний определенных инструментов, а также с помощью внутренних опор помочь самому себе выйти из сложной жизненной ситуации и не застревать в негативных эмоциях на длительный срок. Об эффективности подобного рода программ было написано в журнале «Администрирование и политика в области психического здоровья и психиатрических исследований». В ходе глобального исследования было доказано, что эффективность программ самопомощи равна эффективности терапии с психотерапевтом [Тимошкина, Гарайшина, 2019. С. 1–15].

Одним из инструментов помочь самому себе в программе «Домашний психолог для подростка и родителя» является «Дневник подростка: 21 день с самим собой». Это уникальный по своему содержанию комплекс письменных заданий для подростка, где он каждый день погружается в мир своих чувств, эмоций, проживаний. Ведь подростку очень сложно порой бывает с кем-то из близких поделиться своими переживаниями, сокровенными тайнами, а проходя данную программу он может все описать в свой личный дневник осознаний. А программа «Домашний психолог для ребёнка и родителя», помимо медитативных практик, содержит тетрадь с развивающими упражнениями «Мир огромный добр ко мне» – это удивительный образовательный комплекс заданий, где ребенок учится анализировать прослушанный текст сказки, расширяет свой лексикон, учится выражать свои эмоции и представления о том или ином герое, развивает логику, память, воображение. Ребенок с помощью программы осознает мир вокруг себя, принимает безусловную родительскую любовь, учится справляться со своими негативными эмоциями, формирует чувство ответственности за

свои поступки.

Понимая важность обозначенной в статье проблематики, автором планируется на следующем этапе работы проведение социологического исследования родителей и их детей, использующих авторские программы «Домашний психолог для ребёнка и родителя» и «Домашний психолог для подростка и родителя», являющихся доступными для всех желающих родителей. Внутренняя логика программ включает в себя целый комплекс материалов для гармоничного развития ребенка и подростка. Это и кейсы с медитациями и песочной анимацией, и аудиокниги, и полнометражный мультфильм, и кейс для родителей, а также кейс для успешного прохождения экзаменов. Ценным представляется кейс для мамы, благодаря которому формируется способность мамы (главного человека в жизни каждого ребенка) понимать, как свои чувства и эмоции, так и эмоциональные состояния своего ребенка. Все это непосредственным образом оказывает влияние на общение внутри семьи, на гармонизацию взаимоотношений между ребёнком и родителями. Программы направлены на укрепление традиционных семейных ценностей и сохранение теплых человеческих отношений внутри семьи и в обществе в целом.

В качестве гипотезы автор выдвинул предположение о том, что у детей, подростков, молодежи под действием современного мира и в особенности процессов глобализации постепенно происходит деформация духовно-нравственных ценностей и переоценка ценностных ориентиров.

Научная значимость данного исследования подтверждается также такими тенденциями развития российского общества, как набирающий обороты прагматизм среди подрастающего поколения; технологизация и гаджетозависимость; социальное неравенство; доминирование личных интересов перед общественными; повышенный интерес у подростков к различного рода девиациям. Все это приводит к тому, что подрастающее поколение забывает обычаи, традиции и культуру своего народа, что отражается на снижении качеств эмоциональной и потребностно-мотивационной сфер, определенных привычек поведения.

Предметом исследования являются представления современных детей, подростков и молодежи о культурном наследии своей страны, о семейных ценностях, внутрисемейных отношениях, нормах поведения в семье, обществе со сверстниками, учителями, воспитателями; традициях и обычаях своей семьи и своей малой родины.

Поэтому в ходе научно-исследовательской работы с помощью периодического анкетирования будет определяться процесс трансформации соответствующих представлений детей и подростков до прохождения представленных выше программ и после. В исследовании также предполагается анализ умений детей и подростков выражать свои эмоции, рассказывать о чувствах и переживаниях.

Еще в советское время известный педагог С. Л. Соловейчик активно развивал идею педагогики сотрудничества, равенства, доверительности, когда взрослый и ребенок вместе ставят цели деятельности, определяют её содержание, формы оценки, занимаются совместным поиском решений той или иной проблемы. В рамках педагогики сотрудничества общение представляет собой открытый диалог между ними в виде беседы, независимой оценки, интересного рассказа [Соловейчик, 2019].

Программы, предлагаемые в ходе исследования для прохождения взрослыми и детьми, это не только медитации, сказки, дневник, это нечто большее, это форма совместной организации многочисленных социальных действий взрослых и детей, их сотрудничества, со-мыслия и сотворчества. Ш. Амонашвили отмечает, что «сотрудничество есть путь эволюции человечества в пространстве Беспредельности» [Амонашвили, 2020].

Сотрудничество помогает вырастить внутренне свободного человека, который добросовестно относится к окружающим, обязанностям, своему делу. Через сотрудничество можно продуктивнее раскрыть творческие способности детей, подростков, их самостоятельность, на поиск и приобретение новых знаний, опыта. Взаимное доверие помогает формировать собственную жизненную позицию ребенка.

Эти программы могут стать подспорьем в оказании квалифицированной психологической помощи широкому кругу лиц, в первую очередь детям и подросткам, живущим по всей территории Российской Федерации. Они созданы для того, чтобы помочь родителям, детям и подросткам наладить и гармонично выстроить отношения, а детям и подросткам развить свои жизненные навыки, таланты, осознать безусловную любовь родителей как важнейший источник помощи и любви.

В результате исследования предполагается определить, что на микроуровне прохождения программ будет способствовать:

- формированию целостной и гармоничной личности ребенка, осознающего своё место в мире и знающего, что такое «быть взрослым»;
- нравственному самоопределению подростка, построению гуманных, доброжелательных отношений с ровесниками и окружающими; формированию ответственности за свои поступки;
- развитию образного мышления, воображения, памяти у детей и подростков;
- формированию представлений о важных социальных и моральных нормах жизни в отношениях между людьми, о том, что такое хорошо и что такое плохо;
- гармонизации отношений внутри семьи, формированию устойчивого эмоционального фона у детей и доверительных, эмпатийных чувств у взрослых во взаимодействии с ребёнком;
- укреплению традиционных семейных ценностей и сохранению теплых человеческих отношений внутри семьи и в обществе в целом.

На макроуровне программы позволяют понять подрастающему поколению, что мы многонациональное государство, у каждого народа свои родовые традиции, язык, обычаи, ценности. Программы формируют основу для принятия семейных и социальных ценностей. Осознание своей культуры помогает ребенку обрести мир с собой и к себе, своему роду, народу и даёт возможность выработать патриотические чувства к Родине. Созданная психологическая программа даёт возможность вступить во взрослую жизнь с необходимыми чувствами и знаниями о себе и окружающем мире и пониманием, что

родительская любовь может проявляться по-разному, но родители – важнейший источник помощи и любви.

Заключение

Таким образом, проанализировав теоретические и практические особенности состояния и трансформации ценностно-мировоззренческих установок детей и молодежи, детско-родительских отношений и морально-нравственных ориентаций детей, подростков, молодежи, можно сделать следующие выводы.

В нашей стране в последние десятилетия наметилась тенденция потребительского отношения к окружающей действительности, будь то отношение к близким, к своей стране, к природе, к своему здоровью и т. д. В связи с чем назрела необходимость формирования интегральных ценностей у детей, подростков, молодежи, таких как духовность, нравственность, патриотическое воспитание, гражданское самосознание и социальное неравнодушие. В государственной молодежной политике необходимо отдать приоритет созданию центров патриотического воспитания, изучения истории своей страны, пространства для реализации молодежных мероприятий; развитию разного рода площадок для обмена опытом и общения как со сверстниками, так и с людьми разных профессий, в том числе с психологами; привлечению молодых людей к интересным проектам; поддержке талантливой молодежи, стремящейся к образованию и профессиональному росту.

Первоначально ценностные основы перенимаются ребенком из общения с родными и близкими, именно поэтому важно и нужно создавать доверительные и гармоничные отношения внутри семьи. В век трансформационных изменений, информационных технологий, духовного кризиса и политической нестабильности дети, с одной стороны, быстро адаптируются к технологическим новинкам без участия взрослого и быстрее приспосабливаются к меняющемуся миру, а с другой стороны, находятся в психоэмоциональном перенапряжении, с которым порой трудно справиться самостоятельно.

Современным детям бывает сложно договориться со старшим поколением, им кажется, что их не понимают, недолюбли-

вают, недооценивают, а родители порой вместо того, чтобы выслушать ребенка, занимаются постоянным нравоучением. Если не выстроить правильные, психологически здоровые отношения внутри семьи, то на следующей ступени, в социуме, подрастающему поколению станет еще сложнее. В связи с чем особенно актуальным становится вопрос совершенствования молодежной политики как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Сегодня поднимается тема эффективной работы не только государственных органов по защите прав детей и их психологического здоровья, но и различных некоммерческих общественных организаций, непосредственно работающих с детьми и родителями. Особая роль в сфере поддержки детства и молодежной политики принадлежит волонтерским движениям; благотворительным фондам, аккумулирующим финансовые ресурсы на осуществление деятельности в этой сфере; социальным предпринимателям.

Эффективность работы зависит от тесного и регулярного информационного взаимодействия между организациями, в том числе из различных регионов.

Однако всегда нужно помнить о роли семьи в воспитании подрастающего поколения, так как это прямой показатель социально-экономических отношений в стране в целом и ее духовного облика. Родителям важно понимать контекст потребительской и предпринимательской культуры, в которой растут их дети. Независимо от благосостояния семьи, в сложившихся реалиях необходимо воспитывать в детях понимание того, что нельзя быть только потребителем, нужно выстраивать свою жизнь из позиции создателя и творца, найти любимое дело и быть мастером, профессионалом в своей нише, развивать свои навыки и компетенции, быть любящим и чутким к себе и окружающим людям, уметь радоваться и дарить радость, уметь наслаждаться малым и благодарить за это.

Список источников:

1. Амонашвили Ш. Основы гуманной педагогики. В 20 кн. 1. Улыбка моя, где ты? / Шалва Амонашвили. 4-е изд. М.: Амрита-Русь, 2020. С. 197.
2. Березутский Ю. В. Пятнадцать фактов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 110–117. DOI 10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117
3. Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975–2006 гг.) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 97–103.
4. Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008 № 4 С. 106 –118.
5. Разинкова О. И., Барина Г. В. Детство как социальное явление современного российского общества: социально-философский анализ: монография. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2023. С. 89.
6. Рубцов А. Г. Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи // Право и практика. 2023. № 4. С. 258–263. DOI 10.24412/2411-2275-2023-4-258-263
7. Соловейчик С. Л. Непрописные истины воспитания. Избранные статьи. М.: ООО «Издательство АСТ», 2019. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/solovejchik-simon-ljvovich/nepropisnie-istini-vozpitanija-izbrannie-statji/2>
8. Тимошкина А. А., Гарайшина Э. М. Возможности и ограничения информационных онлайн программ в качестве инструментов психологической самопомощи // Психология и психотехника. 2019. № 1. С. 1–15. DOI 10.7256/2454-0722.2019.1.29133
9. Ченских, А. А. Особенности реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 634–638. URL: <https://moluch.ru/archive/310/70278/>
10. Явон С. В. Семейные ценности молодежи : монография. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2018, 150 с.

References:

1. Amonashvili Sh. (2020) Fundamentals of humane pedagogy. In 20 books 1. My smile, where are you? 4th ed. M.: Amrita-Rus. P. 197. (In Russ).
2. Berezutsky Yu. V. (2021) Fifteen facts about modern student youth in the city of Khabarovsk: sociological analysis *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. No. 4 (97): 110–117. DOI 10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117 (In Russ).
3. Burova S. N., Demidova A. V. (2008) Trends in family research in the Soviet and post-Soviet periods (based on materials from the journal “Sociological Research” 1975–2006) *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Research]. No. 12: 97–103. (In Russ).
4. Egorova N. Yu., Kuramshev A. V. (2008) Modern Russian family: main trends *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. No. 4: 106–118. (In Russ).
5. Razinkova O. I., Barinova G. V. (2023) Childhood as a social phenomenon of modern Russian society: socio-philosophical analysis: monograph. M.: Sam Polygraphist LLC. P. 89. (In Russ).
6. Rubtsov A. G. (2023) Transformation of value orientations of modern youth *Pravo i praktika* [Law and practice]. No. 4: 258–263. DOI 10.24412/2411-2275-2023-4-258-263 (In Russ).
7. Soloveichik S. L. (2019) Unspoken truths of education. Selected articles. M. : LLC “AST Publishing House”. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/solovejchik-simon-ljvovich/nepropisnie-istini-vospitaniya-izbrannie-statji/2> (In Russ).
8. Timoshkina A. A., Garayshina E. M. (2019) Possibilities and limitations of online information programs as tools for psychological self-help *Psikhologiya i psikhotekhnika* [Psychology and psychotechnics]. No. 1: 1–15. DOI 10.7256/2454-0722.2019.1.29133 (In Russ).
9. Chenskikh A. A. (2020) Features of the implementation of state youth policy in the Russian Federation *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. No. 20 (310): 634–638. URL: <https://moluch.ru/archive/310/70278/> (In Russ).
10. Yavon S. V. (2018) Family values of youth: monograph. M.: Publishing house of Moscow University for the Humanities. 150 p. (P. 4.) (In Russ).

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Информация об авторе

Э. А. Зайцев – ИП Зайцев, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

E. A. Zaitsev – IE Zaitsev, Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 614.2(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-149-160

Модернизация первичного звена здравоохранения в сельской местности в системе территориального планирования (на примере Хабаровского края)

Александр Станиславович Карев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

askarev@adm.khv.ru

Аннотация. Дальневосточные территории и в том числе Хабаровский край характеризуются миграционным оттоком населения. Мотивирующим фактором является стремление конкретного гражданина или семьи качественно повысить уровень доступных благ. Доступность услуг организаций первичного звена здравоохранения является составляющим критерием качества жизни. В статье отмечено, что современный этап развития системы здравоохранения включает плановый системный подход к модернизации первичного звена здравоохранения посредством расширения сети таких учреждений, в том числе в сельской местности. Размещение таких объектов в соответствии с установленным нормированием характеризует рациональное территориальное планирование в сфере здравоохранения. В статье проведен анализ фактического размещения объектов первичного звена здравоохранения в сельской местности на примере Хабаровского муниципального района Хабаровского края на предмет соответствия требованиям нормирования в соотношении с плановыми программными документами в сфере модернизации первичного звена здравоохранения, а также нормативным аспектом качества жизни населения. Сделан вывод о качественно новом подходе к модернизации первичного звена здравоохранения; реализация мероприятий (в том числе инвестиционных проектов) в рамках национального проекта «Здравоохранение» дает свои положительные результаты.

Ключевые слова: демографическая политика, качество жизни населения, первичное звено здравоохранения, первичная медико-санитарная помощь, территориальное планирование, Хабаровский край

Для цитирования: Карев А. С. Модернизация первичного звена здравоохранения в сельской местности в системе территориального планирования (на примере Хабаровского края) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 149–160. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-149-160>

Original article

Modernization of primary health care in rural areas in the territorial planning system (using the Khabarovsk territory as an example)

Aleksandr S. Karev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

askarev@adm.khv.ru

Abstract. *The Russian Far-Eastern territories, including the Khabarovsk Territory, are characterized by migration flow of the population. Motivating factor is a desire of a particular citizen or a family to increase the level of available benefits. Availability of services of the primary health care organizations is an integral criterion for the life quality. The article notes that current stage of development of the health care system includes a planned systematic approach to modernization of the primary health care, by expanding the network of such institutions, including rural areas. Placement of such facilities in accordance with the established standards characterizes rational territorial planning in the healthcare sector. This article analyzes actual placement of the primary health care facilities in the rural areas using the example of the Khabarovsk municipal district of the Khabarovsk Territory in compliance with the requirements of standards in relation to the planned program documents in the field of modernization of primary health care. The article has covered the issue dealing with a qualitatively new approach to modernization of the primary health care; implementation of activities (including the investment projects) within the framework of national project «Healthcare» yields positive results.*

Keywords: *demographic policy, quality of life of the population, primary health care, territorial planning, the Khabarovsk Territory*

For citation: Karev A. S. (2024) Modernization of primary health care in rural areas in the territorial planning system (using the Khabarovsk territory as an example) // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 149–160. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-149-160>

Введение

Устойчивое и сбалансированное пространственное развитие государства обусловлено сокращением межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорением темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечением национальной безопасности страны. Такие цели сформулированы в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, в которой само понятие «пространственное развитие» определено как совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития.¹ Достижение названных целей обеспечивается системным решением наиболее острых проблем, таких как сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий.

Социально-экономическое положение конкретной территории в единой территориальной структуре государственного устройства характеризуется целым спектром различных факторов, составляющих в совокупности условия социальной среды проживания, которые, в свою очередь, оказывают влияние на принятие решения конкретным лицом о безвозвратной миграции.

Названная проблема находит отражение в исследованиях ряда авторов. Так, Н. П. Сидорова определяет ряд мотивационных факторов для принятия гражданами решения о безвозвратной миграции: растущая мобильность населения, климат, территориальная удаленность, неблагоприятная среда для проживания, слабое развитие инфраструктуры, низкий уровень развития экономики и производства и т. д. [Сидорова, 2019. С. 127]. Е. А. Бурлаев, В. Н. Дьяченко, Е. А. Мотрич, Н. В. Фещенко отмечают, что, когда решение о безвозвратной миграции принимается конкретным индивидуумом, решающим фактором личностной оценки условий

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ». 18.02.2019. № 7 (часть II), ст. 702.

проживания для решения о переезде является уровень жизни [Бурлаев, Дьяченко, Мотрич, Фещенко, 2018. С. 35].

Особое значение данная проблема приобретает для сельских территорий. Исследования Е. А. Мотрич [Мотрич, 2020. С. 64–71] в отношении Дальневосточного федерального округа показывают, что сокращение численности населения макрорегиона коснулось в первую очередь сельской местности. Показатель численности сельского населения в Дальневосточном макрорегионе в 2010–2018 гг. характеризуется более динамичным снижением относительно городского (отрицательная динамика в сельской местности составила 78,2%, в городах – 21,8%). Качественное перераспределение населения не в пользу сельских территорий макрорегиона приводит к демографической эрозии сельских территорий. Названная тенденция в полной мере характерна и для Хабаровского края.

Для решения вопроса депопуляции сельских территорий необходимо понимание причин миграционных мотиваций населения, а значит и понимание основных потребностей, обеспечение которых в настоящее время не удовлетворено.

Формирование миграционной мотивации жителей села связано с существенными изменениями в функционировании экономики сельских территорий, снижением бытовой обеспеченности населения, сокращением объектов экономической и социальной инфраструктуры, в том числе сети учреждений здравоохранения. [Мотрич, 2020. С. 67]

Указанные факторы, определяющие условия социальной среды проживания, неразрывно связаны с понятием качества жизни населения. В целях настоящего исследования под качеством жизни сельского населения понимается «комплексная характеристика условий его жизнедеятельности, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, общекультурных и социальных потребностей, связанная с восприятием людьми

своего положения в обществе в зависимости от этнических, географических, территориальных особенностей, социальных ценностей и моделей». [Беляева, 2009; Дмитренко, Голова, 2018. С. 209]

Для Хабаровского края одним из таких факторов с высокой оценкой значимости является фактор обеспеченности населения объектами здравоохранения (в т. ч. мощность амбулаторно-поликлинических организаций). [Карев, 2023] В соответствии с вышеизложенным в настоящей статье рассматриваются вопросы модернизации первичного звена здравоохранения в сельской местности в системе территориального планирования (на примере Хабаровского края).

Модернизация первичного звена здравоохранения: нормативно-правовое обеспечение, роль территориального планирования инфраструктурных объектов

Основополагающие принципы оказания первичной медико-санитарной помощи, к числу которых отнесены «здоровье как право человека», «медицинское обслуживание в непосредственной близости от места проживания людей» в развитие эпохального тезиса «здоровье для всех», были выработаны на международном уровне и закреплены странами-членами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Алма-Атинской декларации по итогам Международной конференции по первичной медико-санитарной помощи 12 сентября 1978 года.² В настоящее время посылы Алма-Атинской декларации по развитию системы оказания первичной медико-санитарной помощи и обеспечения доступности первичного звена здравоохранения для населения не утратили своей актуальности.

В системе законодательства Российской Федерации первичная медико-санитарная помощь является первым уровнем концепции организации системы здравоохранения, основой системы оказания медицинской помощи и включает в себя мероприятия по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и

² Алма-Атинская декларация от 12 сентября 1978 года. Электронный документ. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/almaata78.shtml.

состояний, медицинской реабилитации, наблюдению за течением беременности, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиеническому просвещению населения. Услуги первичного звена здравоохранения представлены как один из важнейших аспектов социальной и демографической политики государства, которая, в конечном счете, направлена на устойчивое социально-экономическое региональное развитие и динамичное развитие государства в целом.³

Законодательно положение первичной медико-санитарной помощи населению определено в качестве «основы системы оказания медицинской помощи».⁴

Значимость доступности услуг первичного звена здравоохранения для сельского населения находит подтверждение и в результатах исследований учёных.

Так, Е. А. Дмитриенко, Е. Е. Голова обоснованно указывают, что наиболее значимой характеристикой понятия качества жизни сельского населения является состояние здравоохранения, то есть обеспеченность населения услугами здравоохранения. С учетом географических характеристик удаленности сельских населенных пунктов друг от друга и городских агломераций определяющим фактором становится доступность медицинских учреждений первичного звена здравоохранения для жителей сельских территорий, выражающаяся в количестве таких учреждений применительно к сельским населенным пунктам. [Дмитренко, Голова, 2018. С. 213]

Правильно организованное первичное звено здравоохранения обеспечивает снижение динамики по показателям хронических заболеваний и смертности населения. [Каракулина, Поликарпов, Голубев, и др., 2023. С. 714]

Н. Б. Есимов, Г. Ж. Токмурзиева, Н. Т. Измайлова, исследуя роль первичной медико-санитарной помощи, ссылаются на результаты работы Барбары Старфилд

и отмечают, что «ориентация системы здравоохранения какой-либо страны на первичную медико-санитарную помощь позволяет добиться более низкой стоимости лечения, большей удовлетворенности населения медицинским обслуживанием, более высоких показателей эффективности медицинской помощи и более низкого объема потребления лекарственных средств». [Есимов, Токмурзиева, Измайлова, 2017]

Более того, по результатам анализа международного опыта моделей первичной медико-санитарной помощи Е. И. Аксенова, Н. Н. Камынина, Е. О. Короткова приходят к выводу, что организованная система первичного звена здравоохранения позволяет сделать медицинскую помощь доступной для всего населения, справедливо и рационально распределить ресурсы отрасли, а также обеспечивает эффективное применение технологий и средств других звеньев системы здравоохранения. [Аксенова, Камынина, Короткова, 2021]

То есть организованная система первичного звена здравоохранения обеспечивает оптимизацию бюджетных расходов в результате сокращения случаев дорогостоящего лечения при госпитализации пациентов за счет реализации профилактических мер. [Каракулина, Поликарпов, Голубев, и др., 2023. С. 714] Таким образом, помимо названных социальных эффектов повышения качества жизни населения за счет общедоступности и здоровьесбережения, развитие первичного звена здравоохранения влечет положительный эффект для бюджетной составляющей экономики, что, как следствие, является дополнительным стимулирующим фактором для развития данного направления в системе здравоохранения.

На современном этапе развития модернизация первичного звена здравоохранения является одной из важнейших общегосударственных задач.

³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2497 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:<http://pravo.gov.ru>

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:<http://pravo.gov.ru>

«Первичное звено, по сути своей, самое близкое к людям, крайне важное для них» – отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин.⁵

Основной вектор развития и модернизации системы первичного звена здравоохранения задан в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. Задачи по модернизации первичного звена здравоохранения определены в целом ряде руководящих документов.

Национальный проект «Здравоохранение» начат реализацией в 2019 г. Целью национального проекта в разрезе обеспечения населения первичной медико-санитарной помощью является оптимальная доступность для населения (в том числе для жителей удалённых территорий) учреждений первичного звена здравоохранения. В состав национального проекта вошел федеральный проект «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи». Составляющей задачи федерального проекта по завершению формирования сети медицинских организаций первичного звена здравоохранения является новое строительство врачебных амбулаторий, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов в населенных пунктах с численностью населения от 100 человек до 2 тыс. человек.⁶

Механизмы реализации национального проекта неоднократно подвергались совершенствованию. Так, с 2021 г. в состав национального проекта включены мероприятия региональных программ по модернизации первичного звена здравоохранения, поручено установить кон-

кретные целевые показатели таких мероприятий и организовать контроль их реализации.⁷ В 2022 г. в национальный проект включен федеральный проект «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации». Данный федеральный проект носит выраженный инфраструктурный характер (применяются принципы территориального планирования в сфере здравоохранения, методы определения конструктивных особенностей и стоимости инфраструктурных объектов).⁸

Значимость мероприятий модернизации первичного звена здравоохранения в общегосударственном масштабе подчеркнута формированием Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г. Создание (строительство) объектов первичного звена здравоохранения, а также обеспечение их транспортной доступности отнесено к приоритетным направлениям документа стратегического планирования.⁹

Первичная медико-санитарная помощь, в том числе первичная доврачебная, первичная врачебная и первичная специализированная медицинская помощь, включены в Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и предоставляется населению бесплатно. Одним из значимых критериев доступности медицинской помощи разработчиками названа удовлетворенность населения (в том числе сельского) доступностью медицинской помощи.¹⁰

⁵ Заседание президиума Госсовета о задачах субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61942>.

⁶ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/35561/>.

⁷ Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшегося 15 декабря 2021 года № Пр-54. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/67600>.

⁸ Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/modernizatsiya-pervichnogo-zvena-zdravoohraneniya-rf/informatsionnye-materialy>.

⁹ Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2497 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Современный период модернизации первичного звена здравоохранения осуществляется в общегосударственном масштабе на основе разработанных целевых принципов, баз данных типовых проектов зданий для размещения учреждений при взаимной интеграции мероприятий федеральных и региональных программных документов.¹¹

Одним из инфраструктурных принципов является «Обеспечение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи и медицинской помощи, оказываемой в сельской местности, рабочих поселках, поселках городского типа и малых городах с численностью населения до 50 тыс. человек», который включает, в числе прочего:

анализ региональными властями территориального размещения существующих объектов здравоохранения применительно к потребности в таких объектах населения конкретных населенных пунктов с учетом перспектив развития поселений;

формирование схем территориального планирования, включающих карты размещения объектов здравоохранения с учетом оптимальных схем размещения объектов здравоохранения (территориальное планирование в сфере здравоохранения);

создание (в том числе строительство или приобретение) объектов первичного звена здравоохранения с учетом выработанных решений по территориальному планированию.¹²

В соответствии с указанными инфраструктурными принципами в 2020 г. разработана и утверждена ведомственная целевая программа «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации», основной целью которой являлась организация оказания

медицинской помощи с приближением к месту жительства, месту обучения или работы исходя из потребностей всех групп населения с учетом трехуровневой системы оказания медицинской помощи. Достижение данной цели оценивалось количеством вновь созданных объектов – учреждений первичного звена здравоохранения (строительство, приобретение капитальных и некапитальных строений с применением в том числе модульных конструкций) в рамках региональных программ модернизации.

Посредством реализации ведомственной целевой программы предполагалось решение задачи по формированию оптимальной инфраструктуры медицинских организаций. В рамках решения данной задачи предусмотрены мероприятия по осуществлению нового строительства объектов первичного звена здравоохранения (включая быстровозводимые модульные конструкции).

Реализация данных мероприятий в рамках ведомственной целевой программы осуществлялась с 30 декабря 2021 г. по 27 января 2022 г.¹³ Дальнейшая реализация мероприятий по модернизации первичного звена здравоохранения осуществляется в рамках национального проекта «Здравоохранение», федерального проекта «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации» в системной взаимосвязи с мероприятиями региональных документов стратегического планирования.

Приведенные нормы государственного регулирования, составляющие документы стратегического планирования и руководящие документы в сфере здравоохранения, предусматривают приведение системы оказания первичной медико-санитарной помощи в соответствие с нормативно установленными современными

¹¹ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам модернизации первичного звена здравоохранения (утв. Президентом РФ 02.09.2019 № Пр-1755). Официальный сайт Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>.

¹² Постановление Правительства РФ от 09.10.2019 № 1304 «О модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.10.2019.

¹³ Приказ Минздрава России от 24.12.2020 № 1365 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400160842/>.

требованиями доступности для населения объектов и услуг первичного звена здравоохранения. Основными механизмами достижения этой являются:

рациональное размещение объектов первичного звена здравоохранения посредством нормативного метода территориального планирования в сфере здравоохранения;

приоритет создания объектов первичного звена здравоохранения (новое капитальное строительство, приобретение модульных конструкций).

Анализ обеспечения инфраструктурными объектами первичного звена здравоохранения в сельской местности на примере Хабаровского муниципального района Хабаровского края

В рамках настоящего исследования рассматривается критерий доступности медицинских объектов для населения сельских территорий Хабаровского края как элемент модернизации первичного звена здравоохранения в части нового строительства объектов и их рационального размещения в системе территориального планирования в сфере здравоохранения.

В Хабаровском крае развитие системы здравоохранения осуществляется в рамках региональной государственной программы «Развитие здравоохранения Хабаровского края», основным мероприятием которой является «Реализация региональной программы «Модернизации первичного звена здравоохранения Хабаровского края (строительство, реконструкция)». На начало 2019 г. в крае первичную помощь населению оказывало 296 амбулаторий (за десятилетний период, начиная с 2009 г., количество таких объектов увеличилось на 122 объекта, в том числе в Хабаровском муниципальном районе – на 19 объектов) [Найден, Грицко, Буревая, 2020]. В рамках краевой государственной программы в период с 2021 г. по 2025 г. на территории края предусмотрена реализация инвестиционных проектов по строительству 42 объектов (28 фельдшерско-акушерских пун-

ктов, 10 амбулаторий, 2 поликлиники, реконструкция 2 объектов).¹⁴

Программа Хабаровского края «Модернизация первичного звена здравоохранения Хабаровского края» разработана на базе принципов, принятых на уровне общегосударственного регулирования. Цели и задачи региональной программы также отвечают требованиям федеральных руководящих документов в сфере модернизации первичного звена здравоохранения. Региональная программа модернизации первичного звена здравоохранения раскрывает конкретные инвестиционные проекты, подлежащие реализации в конкретных городских агломерациях, муниципальных районах и населенных пунктах края как в сфере нового строительства, так и предусматривающие иные механизмы обеспечения доступности учреждений здравоохранения для населения.

В процессе исследования проведен анализ фактического состояния сети учреждений первичного звена здравоохранения, функционирующих в Хабаровском крае (на примере Хабаровского муниципального района) на предмет соблюдения законодательно установленных требований к размещению таких объектов (относительно численности населения конкретного населенного пункта и его удаленности от ближайшего учреждения здравоохранения) с целью определения фактической потребности в создании (новом строительстве или приобретении) объектов первичного звена здравоохранения. В результате ставилась задача определения достаточности мероприятий, предусмотренных документами стратегического планирования и руководящими документами в сфере регулирования первичного звена здравоохранения применительно к фактической потребности в создании новых объектов первичного звена здравоохранения с учетом нормативного механизма рационального территориального планирования в сфере здравоохранения.

¹⁴ Постановление Правительства Хабаровского края от 22.10.2013 № 350-пр «О государственной программе Хабаровского края «Развитие здравоохранения Хабаровского края». // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: <http://laws.khv.gov.ru>.

Применен следующий алгоритм анализа: рассмотрение фактического размещения объектов первичного звена здравоохранения на предмет соответствия нормативно установленным требованиям рационального территориального планирования в сфере здравоохранения;

определение потребности в создании новых объектов первичного звена здравоохранения с учетом нормативно установленных требований территориального планирования в сфере здравоохранения;

определение достаточности мероприятий по созданию новых объектов первичного звена здравоохранения, предусмотренных документами стратегического планирования и руководящими документами в сфере здравоохранения;

формулировка вывода о необходимости проведения дополнительных мероприятий (реализации новых инвестиционных проектов) по модернизации первичного звена здравоохранения в регионе.

В процессе исследования изучался вопрос обеспеченности взрослого населения сельских территорий края инфраструктурными объектами здравоохранения, то есть объектами капитального или некапитального строительства, в которых

располагаются учреждения первичного звена здравоохранения.

Нормы обеспеченности и правила оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению, в том числе жителям сельских территорий, определены согласно Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению, утвержденному приказом Минздравсоцразвития России от 15.05.2012 № 543н (табл. 1).

Методология территориального планирования в сфере здравоохранения базируется на принципе территориально-участковой организации оказания услуг первичной медико-санитарной помощи населению. Иными словами, размещение объекта здравоохранения учитывает численность в местах постоянного проживания и (или) работы (обучения) контингента потребителей медицинских услуг.¹⁵

Выбор Хабаровского муниципального района в качестве территории для анализа размещения объектов первичного звена здравоохранения обусловлен тем обстоятельством, что это муниципальное образование обладает типичными для Хабаровского края экономико-

Таблица 1

Виды инфраструктурных объектов первичного звена здравоохранения в соответствии с установленными критериями

Численность жителей населенного пункта, чел.	Удаленность от ближайшей медицинской организации, км	Вид инфраструктурного объекта здравоохранения
100 – 300	> 6 км	ФАП*
	≤ 6 км	домовые хозяйства, выездные формы работы
301 - 1000	вне зависимости от значения данного критерия	ФАП
1001 - 2000	> 6 км	Амбулатория**
	≤ 6 км	ФАП
более 2000	вне зависимости от значения данного критерия	Амбулатория

* – фельдшерско-акушерские пункты или фельдшерские здравпункты;

** – центры (отделения) общей врачебной практики (семейной медицины) или врачебная амбулатория.

Источник: составлено автором на основании Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению, утвержденному приказом Минздравсоцразвития России от 15.05.2012 № 543н.

¹⁵ Приказ Минздравсоцразвития России от 15.05.2012 № 543н «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2012 № 24726). // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 52, 24.12.2012.

географическими и демографическими характеристиками.

Хабаровский муниципальный район характеризуется существенной пространственной неоднородностью, связанной с географическими особенностями территории. Территория муниципального района составляет более 30 000 км². Географически территория муниципального района расположена по обе стороны р. Амур и состоит из двух частей. Южная часть района характеризуется значительной протяженностью и расположена в основном на правом берегу р. Амур. Территория южной части района тяготеет к крупной городской агломерации – городскому округу «Город Хабаровск», здесь отмечается наибольшая концентрация населения и уровень деловой активности. Южная часть обладает природным рекреационным ресурсом, на базе которого сформирован комплекс организаций оздоровительно-рекреационной направленности для удовлетворения потребностей населения города Хабаровска. Северная часть района граничит с четырьмя муниципальными районами Хабаровского края и соседней Еврейской автономной областью, при этом характеризуется крайне низкой транспортной доступностью (водным транспортом в летний период или по «зимникам» в период стойких отрицательных температур) и плотностью населения.¹⁶ Население района по данным Всероссийской переписи населения 2020 года составляет 82 088 человек.¹⁷ Административно-территориальное устройство района представлено 70 населенными пунктами, из которых наиболее крупным является городское поселение рп. Корфовский с численностью населения 4890 человек, 7 поселков, 62 села.¹⁸

На территории муниципального райо-

на имеет место существенная дифференциации условий доступа населения к общественным благам и социальным услугам, в том числе и к услугам сферы здравоохранения.

В рамках настоящего исследования рассмотрена доступность оказания услуг первичной медико-санитарной помощи населению во всех 70 населенных пунктах Хабаровского муниципального района Хабаровского края. Результаты проведенного анализа:

в 5 населенных пунктах расположены крупные объекты здравоохранения (районные, участковые больницы и поликлиники), которые нормативно обеспечивают социальной услугой население данных населенных пунктов;

в 12 населенных пунктах расположены амбулатории, которые нормативно обеспечивают социальной услугой 15 населенных пунктов (с учетом допустимого расстояния);

в 16 населенных пунктах расположены фельдшерско-акушерские пункты, которые нормативно обеспечивают социальной услугой 16 населенных пунктов (с учетом допустимого расстояния). В с. Заозерное с населением 2074 человек, в с. Мирное с населением 3715 человек расположены фельдшерско-акушерские пункты, однако в соответствии с требованиями необходимы амбулатории.

Таким образом, всего в Хабаровском муниципальном районе осуществляют деятельность 33 инфраструктурных объекта первичного звена здравоохранения, которые нормативно обеспечивают услугами первичной медико-санитарной помощи 36 населенных пунктов (51,4% населенных пунктов), с населением 60 624 человека (73,9% общей численности населения).¹⁹

Наиболее благоприятная ситуация с

¹⁶ Закон Хабаровского края от 30.06.2004 № 194 «О наделении муниципальных образований районов статусом муниципального района и об установлении их границ». // «Собрание законодательства Хабаровского края», 12.08.2004, № 7(24).

¹⁷ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/>.

¹⁸ Постановление Правительства Хабаровского края от 18.07.2007 № 143-пр (ред. от 26.11.2020) «Об утверждении Реестра административно-территориальных и территориальных единиц Хабаровского края» // Первоначальный текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства Хабаровского края», 12.08.2007, № 7(60).

¹⁹ Официальный сайт КГБУ «Хабаровская районная больница». URL: <https://rb-khv.medkhv.ru/>

доступностью услуг первичной медико-санитарной помощи для населения складывается в северной части муниципального района. На её обширной территории расположено 12 населенных пунктов с населением 1 965 человек. Практически в каждом действующем населенном пункте расположено учреждение первичного звена здравоохранения, что в полной мере соответствует установленным требованиям нормирования. В населенных пунктах с численностью до 10 чел. (с. Иванковцы, с. Томкое, с. Новокаменка, которые расположены на расстоянии от 12,5 до 40 км от населенных пунктов, где имеются учреждения первичного звена здравоохранения), доступность населению социальной услуги обеспечивается посредством обустройства домохозяйства, а также с применением выездных мобильных форм медицинского обслуживания населения.

Анализ состояния сети учреждений первичного звена здравоохранения в южной части Хабаровского муниципального района показывает необходимость дополнительной реализации 23 инвестиционных проектов нового строительства объектов первичной медико-санитарной помощи населению:

амбулатории (5 объектов): с. Анастасьевка, с. Калинка, с. Таежное, с. Заозерное, с. Мирное;

фельдшерско-акушерские пункты (18 объектов): п. Хехцир, п. Чирки, с. Благодарное, с. Воронежское-2, с. Вятское, с. Елабуга, с. Лесное, с. Малышево, с. Мичуринское, с. Нагорное, с. Петропавловка, с. Ровное, с. Роцино, с. Свечиное, с. Сергеевка, с. Сикачи-Алян, с. Скворцово, с. Чистополье.

При этом в рамках действующей кампании по модернизации первичного звена здравоохранения региональной программой модернизации в Хабаровском муниципальном районе с 2021 г. по 2025 г. предусмотрены к реализации 5 инвестиционных проектов:

амбулатория с. Виноградовка (новое строительство);

фельдшерско-акушерский пункт с. Восход (новое строительство);

фельдшерско-акушерские пункты с.

Федоровка, с. Константиновка, с. Смирновка (строительство (реконструкция) взамен существующего).

В настоящее время названные инвестиционные проекты, за исключением фельдшерско-акушерского пункта с. Смирновка (не является новым строительством) реализованы, введены в эксплуатацию и осуществляют профильную деятельность по оказанию социальных услуг населению.

В соответствии с Законом Хабаровского края от 23.11.2011 № 130 «О государственной инвестиционной политике в Хабаровском крае» перечень краевых адресных инвестиционных проектов региона включает конкретные объекты, подлежащие реализации, сроки и объемы финансирования установленные в бюджетном цикле.

Согласно перечню краевых адресных инвестиционных проектов на 2023–2025 гг. в Хабаровском муниципальном районе предусмотрено строительство 2 фельдшерско-акушерских пунктов в с. Смирновка и в с. Малышево.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о качественно новом подходе к модернизации первичного звена здравоохранения. Реализация мероприятий (в том числе инвестиционных проектов) в рамках национального проекта «Здравоохранение» дают свои положительные результаты. Обеспечение жителей Хабаровского муниципального района услугами первичной медико-санитарной помощи на данном этапе в большей степени соответствует установленным требованиям нормирования. При этом с учетом результатов исследования документы планирования реализации инвестиционных проектов в сфере первичного звена здравоохранения являются динамичным инструментом регионального государственного управления. На последующие периоды планирования целесообразно их дополнение с учетом имеющейся потребности в расширении сети учреждений первичного звена здравоохранения на территории Хабаровского муниципального района.

Рациональное территориальное планирование в сфере здравоохранения со-

ответствует принципам снижения внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доступности для населения услуг в социальной сфере. Достижение цели равного доступа населения к социальным услугам снижает различия в понимании и оценке качества жизни населением, оказывает существенное влияние на повышение удовлетворенности населения условиями жизни и формирование миграционных инициатив.

В свою очередь рациональное терри-

ториальное планирование размещения объектов первичного звена здравоохранения является одним из эффективных инструментов социально-экономического и социально-демографического развития территорий, оказывающим влияние на показатель качества жизни населения и удовлетворенность граждан уровнем жизни, стимулирует формирование положительных для региона процессов расселения и демографических показателей.

Список источников:

1. Аксенова Е. И., Камынина Н. Н., Короткова Е. О. Международный опыт моделей первичной медико-санитарной помощи. Экспертный обзор. М.: ГБУ «НИИ-ОЗММДЗМ», 2021. 57 с.
2. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
3. Бурлаев Е. А., Дьяченко В. Н., Мотрич Е. Л., Фещенко Н. В. Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции / под ред. П. А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 71 с.
4. Дмитренко Е. А., Голова Е. Е. Показатели качества жизни сельского населения // Московский экономический журнал. 2018. № 5 (1). С. 30. DOI: 10.24411/2413-046X-2018-15030
5. Есимов Н. Б., Токмурзиева Г. Ж., Измайлова Н. Т. Роль первичной медикосанитарной помощи в развитии здравоохранения // Вестник КазНМУ. 2017; 4: 317–321.
6. Карев А. С. Оценка факторов влияния состояния региональной социальной инфраструктуры на миграционные процессы // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 147–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-147-161>.
7. Каракулина Е. В., Поликарпов А. В., Голубев Н. А., Огрызко Е. В. Страдымов Ф. И., Люцко В. В. Анализ становления первичной медико-санитарной помощи и оценка тенденций ее развития // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2023. № 3. С. 712–737. DOI: 10.24412/2312-2935-2023-3-712-737
8. Мотрич Е. Л. Население Дальневосточного федерального округа: реалии и перспективы // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 2. С. 64–71. DOI 10.14530/reg.2020.2.64.
9. Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Оценка развития социальной инфраструктуры в условиях реализации национальных проектов: опыт Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3(92). С. 64–82. DOI 10.22394/1818-4049-2020-92-3-64-82.
10. Сидорова Н. П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2019. №1 (86). С. 79–84. DOI 10.22394/1818-4049-2018-82-1-79-84

References:

1. Aksenova E. I., Kamynina N. N., Korotkova E. O. (2021) International experience of models of primary health care. Expert review. M.: GBU «NII OZMMDZM». 57 p. (In Russ.)
2. Belyaeva L. A. (2009) Level and quality of life. Problems of measurement and interpretation *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 33–42. (In Russ.)
3. Burlaev E. A., Dyachenko V. N., Motrich E. L., Feshchenko N. V. (2018) Population of the Russian Far East: problems and trends / ed. P. A. Minakira; Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: IEI FEB

RAS. 71 p. (In Russ.).

4. Dmitrenko E. A., Golova E. E. (2018) Indicators of the quality of life of the rural population *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. No. 5 (1): 30. DOI: 10.24411/2413-046X-2018-15030 (In Russ.).

5. Yesimov N. B., Tokmurzieva G. Zh., Izmailova N. T. (2017) The role of primary health care in the development of healthcare *Vestnik KazNMU* [Bulletin of KazNMU]. No. 4: 317–321. (In Russ.).

6. Karev A. S. (2023) Assessment of factors influencing the state of regional social infrastructure on migration processes *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (102): 147–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-147-161>. (In Russ.).

7. Karakulina E. V., Polikarpov A. V., Golubev N. A., Ogryzko E. V., Stradymov F. I., Lyutsko V. V. (2023) Analysis of the formation of primary health care and assessment of trends in its development *Sovremennyye problemy zdavookhraneniya i meditsinskoy statistiki* [Modern problems of health care and medical statistics]. No. 3: 712–737. DOI: 10.24412/2312-2935-2023-3-712-737 (In Russ.).

8. Motrich E. L. (2020) Population of the Far Eastern Federal District: realities and prospects *Regionalistika* [Regionalistics]. Vol. 7. No. 2: 64–71. DOI 10.14530/reg.2020.2.64. (In Russ.).

9. Nayden S. N., Gritsko M. A., Burevaya N. S. (2020) Assessment of the development of social infrastructure in the context of the implementation of national projects: the experience of the Khabarovsk Territory *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 3(92): 64–82. DOI 10.22394/1818-4049-2020-92-3-64-82. (In Russ.).

10. Sidorova N. P. (2019) The influence of the population's standard of living on the formation of migration sentiments *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (86): 79–84. DOI 10.22394/1818-4049-2018-82-1-79-84 (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 06.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 06.03.2024.

Информация об авторе

А. С. Карев – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

A. S. Karev – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 658.3

doi:10.22394/1818-4049-2024-106-1-161-173

Управленческая культура крупной компании: сущность и состояние

Никита Александрович Бессонов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

nik.b717@mail.ru

Аннотация. Крупная организация не только как экономический субъект, но и как система, являющаяся активным участником общественной жизни, в своей основе имеет большую социальную зависимость как во внутреннем, так и во внешнем аспектах. Данную зависимость следует выразить как некоторое комплексное социальное состояние, благодаря которому возможен сам факт существования организации, в том числе и крупной. Опора на социальную жизнь и постоянное в ней участие позволяет представить крупную организацию как ключевого игрока в культурной жизни – жизни своих сотрудников, представителей управляющего звена организации и всех лиц, так или иначе взаимодействующих с компанией. Ввиду ее укрупненного позиционирования уровень взаимодействия выстраивается на национальном и мировом уровнях. Крупная компания как часть культуры в целом и управленческой культуры в частности сосредотачивает в себе различные ценности, которые организованным или хаотичным путем распределяются в социальных контактах между сотрудниками и клиентами. Поэтому ценностный обмен, как залог существования эффективной внутренней культуры крупной организации, должен определяться сам по себе через эффективность, системность (возможно даже относительную), а также через гуманизм – фундаментальное качество культуры как фактора обеспеченности человеческой моралью нужного культурного процесса. Уникальность связей управленческой культуры как самобытной разновидности культуры и крупной организации, которая ситуативно может представлять аналогичное свойство, состоит в проблеме взаимопринятия социально-экономических ценностей, заставляющих и культуру, и компании находиться на грани полярного столкновения материальных и духовных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: управление, культура, управленческая культура, крупная компания, управленческие процессы, культурные процессы

Для цитирования: Бессонов Н. А. Управленческая культура крупной компании: сущность и состояние // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 161–173. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-161-173>

Original article

Management culture of a large company: essence and condition

Nikita A. Bessonov

The Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

nik.b717@mail.ru

Abstract. A large organization, not only as an economic entity, but also as a system that is an active participant in public life, basically has a great social dependence – both in internal and external aspects. This dependence should be expressed as a kind of

complex social condition, thanks to which the very fact of the organization's existence, including a large one, is possible. Reliance on social life and constant participation in it makes it possible to present a large organization as a key player in cultural life – the lives of its employees, representatives of the organization's management and all persons interacting with the company in one way or another – due to its enlarged positioning, the level of interaction is built at the national and global levels. A large company, as a part of culture in general and management culture in particular, concentrates various values that are distributed in an organized or chaotic way in social contacts between employees and customers. Therefore, value exchange, as a guarantee of the existence of an effective internal culture of a large organization, should be determined by itself through efficiency, consistency (perhaps even relative), as well as through humanism – the fundamental quality of culture as a factor of ensuring the presence of human morality in the needed cultural process. Thus, the uniqueness of the links between managerial culture as an original kind of culture and a large organization, which may situationally represent a similar property, consists in the problem of mutual acceptance of socio-economic values that force both culture and companies to be on the verge of a polar collision of material and spiritual value orientations.

Keywords: *management, culture, management culture, large company, management processes, cultural processes*

For citation: Bessonov N. A. (2024) Management culture of a large company: essence and condition // Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (106): 161–173. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-106-1-161-173>

Введение

Управленческая культура компании, несмотря на ее значимость и содержательность, не является самостоятельной. Помимо самой управленческой деятельности, она также опирается на функции смежных культурных образований, а именно – на корпоративную и организационную культуры.

Корпоративная культура представляет собой набор этических правил поведения в коллективе в процессе взаимодействия между субъектами коллектива различного характера, которые объединены едиными ценностными ориентирами, природными и естественными для всех членов коллектива, которые использует в управлении предприятием руководство компании, направляя их в соответствующее русло для достижения целей [Захарова и др., 2022].

Организационная культура – это сложное системное образование, в основе которого лежат ценности, подсознательно определяющие поведение людей. Организационная культура является сложным социальным явлением, которое формируется внутри компании и оказывает влияние на личность всех её сотрудников. В то же время сама организацион-

ная культура также формируется и видоизменяется под воздействием личностей, объединённых в трудовой коллектив [Чибухчан, 2019].

Результаты

В настоящее время обозначилась смена управленческих парадигм и подходов, что явилось определенным завершением этапа эволюции менеджмента, как области научных знаний. Представления менеджмента обычно определяли четкое разделение объекта и субъекта управления, управляющей и управляемой подсистем. В процессе развития теории управления было разработано значительное количество методов, в том числе управление по целям, по результатам, по отклонениям, по ситуации и ряд других. При этом следует отметить для всех них важность фактора обратной связи и разделение систем на управляющие и управляемые.

Подход к управлению, основанный на синергетических концепциях, принципиально по-другому рассматривает предприятие, которое может определяться и как самостоятельная цель, и как средство внутренней реорганизации.

На предприятии самоорганизация существует взаимозависимо с управ-

ленческой деятельностью и реализуется в оперативных разнонаправленных процессах. Самоорганизация находится в подчиненном отношении по сравнению с упорядоченными процессами. Самоорганизация может приводить метаобласти управления в упорядочение, а также способствовать развитию формального управления. Примером тому может являться деятельность предприятия ООО «РН-Комсомольский НПЗ»¹, расположенного в городе Комсомольске-на-Амуре. Данное предприятие вертикально интегрировано в корпоративную систему «НК Роснефть» и является стратегически важным для Дальневосточного федерального округа. Предприятие занимается разработкой более 20 различных продуктов, в том числе, автомобильные бензины, дизельное топлива, судовые топлива. Проектная мощность НПЗ составляет 8,5 млн т. нефти в год. Контекст развития формального управления «РН-Комсомольский НПЗ» для стратегии корпоративной культуры «НК Роснефть» имеет локальный характер и способствует консолидации корпоративной конкуренции в регионально-отраслевых условиях, в том числе, с использованием проектных стратегий, позволяющих поступательно развивать корпоративную культуру как в части технико-технологического подкрепления производственных процессов ООО «РН-Комсомольский НПЗ», так и в рамках продвижения корпоративной культуры в локальные трудовые ресурсы.

Самоорганизация дает возможность развивать процесс управления с других качественных позиций. Формируется и развивается горизонтальная организационная структура, сотрудники создают разветвленную сеть взаимодействия. Объект и субъект управления не разделяются, процесс управления может определяться как многонаправленный. Предприятие становится автономным, поскольку ответное действие системы определяется принципиально ее структурой и внутренними связями.

Современные крупные промышленно-

производственные комплексы можно определить как сложные эмерджентные системы [Домовач, 2021]. В современных экономических условиях они зачастую функционируют в критических точках, в которых система реализуется в ряде случаев как неустойчивая и непредсказуемая, особенно в точках бифуркации. Даже незначительное, на первый взгляд, воздействие в этих условиях может привести систему к неустойчивому состоянию. Однако самоорганизующееся предприятие обладает способностью генерировать в момент возникновения проблем временные иерархические структуры, которые могут видоизменяться после устранения негативных воздействий. Отсюда самоорганизация может рассматриваться как целенаправленный процесс, лежащий изначально в основе любой системы и, имея естественный характер, определяющий ее стратегическую сущность.

Синергетический подход в управлении применяется в объединениях предприятий для достижения согласованности взаимодействия фирм, которые составляют финансово-промышленную группу, которое обеспечивается необходимым распределением синергетического эффекта, что согласует интересы всех входящих самостоятельных звеньев стимулировать внутрикорпоративное предпринимательство.

В современных экономических условиях синергетический подход к процессу становления и развития современного предприятия становится новой парадигмой управления при концептуализации стратегии предприятия и ее развития для перехода на качественно новый уровень формирования, когда управление происходит, опираясь на способность предприятия к самоорганизации.

Начиная с 1990-х гг., развивается теория компетенций. В ее основе постулат о том, что эффективность накопления и использования стратегических ресурсов базируется на особых категориях корпорации, ее корневых компетенциях.

¹ ООО «РН-Комсомольский НПЗ». URL: <https://mknnpz.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Pererabotka/mknnpz/history/>

Теория корневых компетенций обусловила новую перспективу в деятельности предприятий – захват лидерства в уникальных продуктах – основе для производства разнообразных товаров и услуг, во многом опережающих потребности и формирующих спрос.

К концу XX в. выяснилось, что статистические зависимости на рынках не укладываются в законы нормального распределения Гаусса и не описываются традиционными моделями. В 1991 г. была предложена гипотеза когерентного рынка (*coherent market hypothesis*). Его существенной особенностью является несводимость согласованного поведения элементов (частей) системы к их индивидуальным свойствам (сущность принципа эмерджентности). Это служит необходимым посылом поиска для описания рынка метода, одновременно учитывающего его сложность и нелинейность, неравновесность, неопределенность.

В системе «рынок» существует множество решений, связывающих спрос и предложение множеством параметров равновесия, что делает невозможным использование закона спроса и предложения в формулировке классической экономической теории.

В рыночных системах имеют место долговременные нелинейные корреляции и тренды, а также амбивалентность, пороговые и синергетические эффекты, что создает определенные трудности формирования развития на базе взаимообусловленных моделей.

Нелинейная синергетическая парадигма делает «понимание рынков и экономики в целом более полным и реалистичным. Оно одновременно великолепно и страшно. Оно позволяет глубже проникать в природу рынков...» [Петерс, 2000]. Синергетическая парадигма рынка определяет разнонаправленность развития рыночных систем, неизбежность прохождения ими множества точек бифуркаций, образующих поле равновесных состояний. В рыночных системах возможны фазовые и структурные трансформации.

Рынок – это исторически возникший институт. Как и всякий институт, он

имеет пределы применимости, скорости и степени развития. Институт синергетического рынка – это предложения по поводу создания (попытка создания) универсальной теории рынка, примеряющей разные подходы и в то же время открывающей новые возможности. В частности, формируется потенциал к исследованию не только непрерывных путей развития, а также неопределенных синергетических эффектов, способных разнонаправлено воздействовать на развитие предприятия.

Время выявило пределы рынка. Появился и имеет развитие феномен «отказов рыночных механизмов» (*market failure*), который признается экономистами всех направлений.

Появились и развиваются факторы дестабилизации рынков. К числу факторов неустойчивости рынка, имеющих наибольшее влияние, относятся транзакции и транзакционные издержки, призванные по сущности «смазывать» рыночный механизм. Рынок в прямом смысле атакован транзакционными издержками. По данным нобелевского лауреата в области экономики Д. Норта, объем транзакционных издержек в рыночной системе США достигает 40% ВВП, т. е. приближается к 5 трлн долларов США. В крупнейших корпорациях и фондовых институтах транзакционные издержки достигают 50% объема продаж.

Транзакции и транзакционные издержки – это определяющее понятие институциональной и неоинституциональной теорий экономики, направлений, которые превалируют среди других научных школ стран с развитой экономикой, что обуславливается актуальностью, проистекающей из современного развития экономики, поскольку выживают в историческом масштабе времени наиболее эффективные институты. С ростом транзакционных издержек в рыночных системах они становятся исторически обреченными институтами.

Когда Рональд Коуз в 1937 г. в «Природе фирмы» высказал мысль, что рынок как институт не может существовать без транзакций, а транзакции сопровождаются издержками (транзакционны-

ми издержками), данная точка зрения долго подвергалась сомнению. Однако по прошествии времени появились весьма определенные доказательства такого положения. Современный рынок стоит дорого, в XXI в. он стал очень дорогим, что обусловило рост культурной, образовательной, правоохранительной, природоохранной сфер.

По Д. Норту, разница между общими издержками и производственными издержками и есть трансакционные издержки. К трансакционным издержкам дополнительно следует отнести всю теневую экономику и издержки оппортунистического поведения. Если мы правильно прогнозируем будущее как движение к постиндустриальному обществу, когда производственные издержки в традиционном исчислении устремлены к минимуму, а общие расходы к максимуму, то получается, что трансакционные издержки в экономических системах будущего будут нарастать и приведут в конечном счете к ситуации, когда эффективность рыночной системы, воспринимаемая как коэффициент полезного действия системы, как отношение полезного эффекта к затратам на его реализацию, будет снижаться и будет устремлена к нулю. Это ставит вопрос о выживании системы в конкурентной (альтернативной) среде. Если принять в качестве определяющей концепции положение о том, что в мире статистически имеют предпочтение системы с более высоким КПД, то будущее рынка как исторической категории вызывает множество вопросов.

Однако обратимся к мнению крупнейшего экономиста нашего времени, нобелевского лауреата по экономике, основоположника теории ассиметричного рынка и информационной экономики Д. Стиглица: «Концепция МВФ основывалась на признании того, что рыночный механизм часто не срабатывает, и что он не может сам по себе обеспечить финансовые фонды, необходимые для восстановления экономики. Экономическая стабильность требует коллективных действий на глобальном уровне» [Стиглиц, 2003].

Патриарх французской экономической школы, нобелевский лауреат

М. Алле так оценивает роль конкуренции в экономике: «Конкурентная экономика – не образ реальности; она является лишь системой отсчета, помогающей нам понять, в какой мере общество, где мы живем, не использует свои возможностей» [Некрасов, 2010].

Рынок и конкуренция – лишь небольшая часть категорий экономической теории, определяющих необходимость переосмысления, с позиций синергетики, наряду с такими, как гипотеза равновесия спроса и предложения через равновесную цену купли-продажи. Это обусловило множество публикаций, критикующих закон спроса и предложения (М. Алле, Д. Стиглиц, С.Ю. Глазьев, В.К. Нусратуллин и др.).

Следует отметить, что многие как отечественные, так и зарубежные исследователи не удовлетворены современным состоянием стратегической теории фирмы. Данный термин, по их мнению, не является однозначным с точки зрения определения его сущности. Фирма определяется с позиций взаимодействия. Определение самого понятия фирмы в неоклассике сводится к такому параметру, как производственная функция, а также принципу максимизации прибыли. Фирма также определяется как организация, осуществляющая решения, имеющие стратегический характер, способные на перспективу поддерживать конкурентоспособное (и тем самым устойчивое) существование фирмы. Критерием принятия решения относительно экономической и организационно-правовой форм интеграционного процесса является оценка желаемых и возможных конкурентных преимуществ, обладателями которых становятся собственники созданной корпоративной структуры. В качестве таковых обычно выступают: лоббирование интересов корпорации; возможность привлечения и консолидации необходимых ресурсов на более выгодных условиях; координация финансовой, производственной, сбытовой политики; диверсификация производственных возможностей; реализация масштабных проектов; повышение финансовой устойчивости участников и т. п. Очевидно, что в результате интегра-

ции должен иметь место эффект синергии относительно имевшихся у участников сделки сильных сторон и эффект нивелирования недостатков [Герасимов, 2019].

Существующие теории не являются операциональными и зачастую не охватывают фирму во всей системе ее внутренних и внешних взаимосвязей. Однако, несмотря на определенные исследования, еще рано говорить о достаточно обоснованных теоретических положениях по вопросу теории фирмы в новых экономических условиях.

«Несмотря на всю свою значимость, представления о действительности редко подвергаются анализу, изучению и пересмотру – редко даже получают четкие формулировки», – отмечал один из основоположников теории и методологии менеджмента П. Друкер [Друкер, 2004]. Рассмотрим сущность системной парадигмы, характерную для новой системной методологии в экономической теории. В ее основе лежит концепция видения объекта и предмета экономических исследований, согласно которой функционирование экономики на любом уровне (от глобальной мировой экономики до экономики отдельного предприятия) рассматривается в ракурсе создания, взаимодействия, трансформации и ликвидации экономических систем. Под системой здесь понимается относительно автономная и устойчивая во времени и пространстве часть окружающего мира, обладающая одновременно свойствами внешней целостности и внутреннего многообразия.

К числу экономических систем относятся предприятия, организации, рынки, страны и другие виды экономических объектов. Однако в качестве экономических систем целесообразно рассматривать также другие экономические явления и образования: институты и институциональные совокупности, социально-экономические процессы, программы и проекты и т. п. Вместе с тем совокупность товаров, предназначенных к продаже в торговом предприятии, не может являться экономической системой.

Сущность системной парадигмы заключается в том, что концептуальная

реализация процессов производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ происходит через формирование, развитие и трансформацию экономических систем. Основным постулат для неоклассической парадигмы методологического индивидуализма заменяется принципом методологической систематики, поскольку определяющими представителями в экономике считаются не пространственно отделенные друг от друга индивиды, а лишь относительно автономные (возможно, взаимодействующие в геометрическом пространстве) экономические системы.

Межсистемное взаимодействие осуществляется через структуру соответствующей среды, имеющей релевантную структуру для распределения материальных и нематериальных ресурсов. Это обеспечивает единство среды функционирования предприятий и экономической среды в целом. Согласно системной парадигме, сущностный характер функционирования экономической системы определяется не столько ее масштабом, сколько особенностями ее содержания, в том числе взаимодействием границ с окружающей средой.

Ключевой компетенцией объектных систем является организация разнородных элементов в единое целое в ходе систематического производства продукции.

Стратегия фирмы как комплекс важнейших решений по основным направлениям ее политики, наряду с разделами, посвященными отдельным направлениям деятельности (товарно-рыночное, технологическое, инвестиционное и др.), должна включать и разделы, посвященные обеспечению паритета внутрифирменных систем различных типов.

Среди управленческого персонала на предприятиях традиционно выделяются: топ-менеджмент (генеральный директор и его заместители); функциональный менеджмент (руководители таких подсистем, как технологическая, логистическая, плановая, финансовая и т. п.); линейный менеджмент (руководители подразделений). На многих предприятиях назначаются, кроме того, руководители (менеджеры) проектов. В последнее

время появились и руководители другого типа: директора по знаниям, ответственные за формирование и поддержание корпоративной культуры и т. п. Наконец, развитие процессного подхода к управлению привело к возникновению еще одной категории менеджеров – руководителей («владельцев») процессов. Такое расширение перечня категорий менеджеров позволяет поставить вопрос о возможности ее развития и возникновения новых структурных типов менеджеров.

На этот вопрос можно ответить, исходя из того, что все подсистемы предприятия (включая предприятие в целом) делятся на четыре группы: объектные, средовые, процессные и проектные. Соответственно, в зависимости от системного типа объекта управления менеджмент предприятия можно разделить на четыре базисных направления:

- объектный менеджмент – управление объектными подсистемами на предприятии (предприятием в целом, линейными подразделениями, персоналом и др.);

- средовой менеджмент – управление средовыми подсистемами (знаниями, внутрикорпоративными институтами, корпоративной культурой, различными видами внутренней инфраструктуры);

- процессный менеджмент – управление процессными системами (бизнес-процессами, процессами научения, пространства инноваций и др.);

- проектный менеджмент – управление проектными системами (инновационными и иными проектами; к этому же виду менеджмента относится и управление событиями).

В этой группировке видов менеджмента по характеру объекта управления естественное место находят такие виды современного управления на предприятии, как управление изменениями, управление событиями, управление проектами (проектный менеджмент); процессный подход к управлению (процессный менеджмент); управление интеллектуальными ресурсами (средовой менеджмент); управление на базе делегирования и бюджетирования (объектный менеджмент).

Все это обуславливает постановку вопроса о переосмыслении сущностного содержания основного объекта управления на современном предприятии. Как правило, объектом менеджмента выступает персонал предприятия, а менеджмент, в конечном счете, сводится к управлению персоналом. В этом случае в контексте системной парадигмы в качестве минимального объекта менеджмента должна выступать внутрифирменная экономическая система. Такая система включает и определенные человеческие ресурсы, и способности, и материальные блага, и нематериальные факторы. Таким образом, менеджмент становится менеджментом систем. Это происходит аналогично тому, как теоретическая концепция методологического индивидуализма (неоклассическая парадигма) заменяется концепцией методологической систематики (системная парадигма). Также основной постулат теории управления, конкретизирующийся как управленческий индивидуализм, подразумевающий в качестве основного объекта управления конкретного сотрудника предприятия, заменяется постулатом управленческой систематики, рассматривающим предприятие как экономическую систему в качестве основного объекта управления. Здесь имеет место трансформация и одновременно диалектическое взаимодействие управленческих дефиниций менеджмента.

Следует отметить, что многофункциональный системный менеджмент управляет не только внутрифирменными подсистемами, но и фирмой в целом как самостоятельной системой, функционирующей в пространстве и во времени и сохраняющей необходимую внутреннюю концептуализацию. Таким образом, он содержит две постоянно взаимодействующие компоненты: стратегическую, в которой объединяются хронологический и пространственный компоненты, и тактическую, реализующуюся в разрезе решения оперативных целей деятельности предприятия.

Особое значение при этом имеют так называемые ресурсы широкого применения, наличие которых позволяет фирмам использовать свои управленческие

практики и репутацию в других видах бизнеса. Вместе с тем они обладают разной стоимостью как в разных отраслях, так и в рамках одной отрасли. Степень взаимодействия, которую предполагается иметь в каждый конкретный момент времени, определяется взаимосвязью между особенностями организационной структуры, диалектикой развития, имеющимися в ее распоряжении технологическими возможностями, а также имеющимися у фирмы комплементарными активами. Это определяет тот факт, что идентичные или близкие с точки зрения основных продуктов предприятия могут реализовывать взаимоисключающие стратегии диверсификации.

Основополагающая концепция ресурсной теории изменений состоит в том, что связанная теория изменений более предпочтительна по сравнению с несвязанной. Данный вывод вытекает из типичного для ресурсной концепции понимания возможности эффективности решений о диверсификации и покупке других бизнесов лишь при достижении в результате их применения потенциальной экономии от разнообразия при использовании операционных ресурсов (например, производственных сооружений, технологий и клиентской базы). После этого принцип объединения постепенно отошел на второй план, а понимание того, что «совет управлять фирмами как совокупностью рынков является необоснованным», стало доминировать среди теоретиков и практиков стратегий диверсификации. Теперь предприятиям стало целесообразным отказаться от несвязанных производств и развивать свои основные виды деятельности либо трансформировать и развивать внутреннюю организацию производства.

Среди выработанных в 1990-е гг. нормативных рекомендаций менеджерам по разработке и реализации эффективных стратегий диверсификации наиболее интересен подход к операционализации ресурсной концепции. Здесь было сформулировано определение корпоративной стратегии как «способа создания компанией ценности посредством конфигурации и координации своей деятельно-

сти на множественных рынках» [Collis, Montgomery, 1997], позволившее впервые рассматривать стратегии корпоративного и бизнес уровней на интегрированной основе.

Основой эффективной корпоративной стратегии является соответствие друг другу трех важнейших элементов ее модели: имеющихся у корпорации ресурсов; связанных между собой бизнесов; организационной структуры, систем и процессов, применяемых корпорацией для управления своими разнообразными бизнесами. Именно при достижении состыковки этих трех элементов, а также видения будущего фирмы, ее целей и задач, может иметь место корпоративная стратегия, которая действительно приведет к созданию для акционеров ценности от диверсификации корпорации. При этом к числу важных для эффективной корпоративной стратегии ресурсов относят «родительские функции» штаб-квартиры диверсифицированной корпорации. Следует подчеркнуть, что особое значение этих функций для успешного управления такой корпорацией признается и другими известными зарубежными и российскими учеными. Так, А. Чандлер выполнил фундаментальное исследование функций штаб-квартиры в многопрофильной фирме, выявив три их разные модели. Ряд исследователей с соавторами разработали специальную концепцию конкурентного преимущества как следствия эффективных «родительских» функций («parenting advantage») [Goold, Campbell, Alexander, 1994]. И. Гурков в своем новом крупном исследовании стратегии и структуры корпорации также уделил этому типу преимуществ внимание.

В классической работе динамические способности фирмы раскрываются как способность формирования, развития и трансформации необходимых компетенций для приспособления в разноразличной среде функционирования. Это важнейший элемент динамических способностей, реализуемый как умение (способность) фирмы успешно взаимодействовать и развивать существующие, формировать новые ресурсы для

реагирования и самое главное, по нашему мнению, анализировать конкурентные вызовы. Неопределенность внешней среды и ее вызовов является центральным моментом в моделировании динамических способностей. Для решения этих проблем возможно применение имитационного моделирования. В соответствии с концепцией Д. Дж. Тиса, динамические способности являются основополагающими для деятельности предприятия и проявляются исключительно в разнонаправленной внешней среде. Согласно же подходу сторонников эволюционной теории фирмы, динамические способности, с точки зрения проявления, актуальны всегда, даже когда отсутствует необходимость говорить об ускоренном росте в условиях конкуренции. Это обусловлено недостаточностью на современном этапе теоретико-методологических исследований, рассматривающих данную проблему. К сожалению, многие из них зачастую не отражают всю концептуальную глубину отмеченных проблем, а описывают технологические и организационные уклады в условиях, когда целый ряд компаний сохранил свою дореформенную производственную структуру, не всегда соответствующую условиям функционирования.

Вместе с тем необходимо отметить рост в последнее время значения вопросов реагирования предприятия на изменения среды деятельности и обоснования ее размеров. Это стало особенно актуальным при адаптации многопрофильных холдингов в среде функционирования, а также при консолидации активов при формировании крупных корпораций в целях реагирования на воздействия конкурентной среды. Выявились проблемы крупных компаний («Балтика», «Вимм-Билль-Данн» и др.), которые ранее строили стратегии на основе экономии от масштаба, а в новых условиях должны были освоить возможности экономии от разнообразия.

Управленческая культура на уровне крупной организации оперирует важностью сотрудничества как гаранта стабильности компании и возможности ее структурного сохранения в текущих локальных и макроэкономических, а также

социальных условиях.

Осуществление взвешенных решений, построенных на основе сотрудничества, способствует формированию надежного направления деятельности организации и благотворно влияет на затраты [Иванова, Савина, 2023]. То есть сотрудничество способно эффективно увязывать само в себе компоненты культурных ценностей и экономических интересов.

Организационная сущность заключается в том, что необходим коллектив, умеющий работать. Также необходимо оборудование, постоянное наблюдение за разработкой и реализацией.

Социальная суть основывается на механизме управления персоналом.

Правовая сущность заключается в точном соблюдении нормативно-правовых актов и иных документов.

Технологическая сущность отражает обеспечение всех сотрудников всем необходимым для эффективной работы [Иванова, Савина, 2023].

Для управленческой культуры компании сотрудничество является некоторым «пособником» в инновационной деятельности, поскольку на столкновении различных идей и интересов, которые при этом стратегически подчинены общей цели, строится успех и экономическая эффективность любой организации.

Внедрение инноваций в менеджменте крупных компаний предполагает разработку новых стратегий и практик, способствующих улучшению операционной эффективности, оптимизации бизнес-процессов и повышению качества продукции или услуг. Подобные инновации, как правило, включают в себя внедрение цифрового инструментария в менеджмент, выработку инновационных моделей управления, применение аналитических инструментов и системного подхода к принятию управленческих решений. Устоявшиеся практики управления клиентским опытом и организации внутренних процессов приводят к меньшей потребности во внедрении управленческих инноваций в данных областях для мультинациональных компаний по сравнению с российскими компаниями [Гусева, 2021].

Реформирование систем управления крупными предприятиями происходит на основе многочисленных методологий, накопленных в научном массиве за последние десятилетия. Более того, инновационный менеджмент и его важный компонент – проектный менеджмент являются собой отдельную и весьма актуальную дисциплину с высоким научным и практико-ориентированным потенциалом [Попова, 2023]. В то же время, продвигая технологические инновации, лидеры должны помнить о том, как нововведения могут усугубить неравенство в обществе [Егорова, 2020].

Для проектного менеджмента в части фундаментального и прикладного изучения компонентов организационной культуры представляется погружение ее в различные управленческие модели, которые в современном мире характеризуются многообразием и локальной уникальностью в отношениях масштабных экономических интересов.

Так, например, важная характеристика модели международного корпоративного управления немецкого типа – это ее закрытость, в отличие от англо-американской модели международного корпоративного управления.

Еще одно отличие немецкой модели от американской состоит в том, что совет директоров имеет двухуровневую конструкцию, включающую непосредственно правление и наблюдательный совет, который определяет состав правления, контролирует деятельность правления и работу всей корпорации.

Сравнительно с американской германская модель международного корпоративного управления отличается низкой ориентированностью на фондовые рынки и стоимость акций, так как она предусматривает самостоятельный контроль конкурентоспособности и результатов деятельности. Следует отметить, что законы Евросоюза дают возможность корпорациям использовать как одноуровневые, так и двухуровневые модели управления (американские/немецкие) [Яценко, 2019].

Модель семейного международного корпоративного управления является

противоположностью рыночной модели. Контроль над компаниями в семейной бизнес-группе устанавливается с помощью пирамидального построения самой группы, выпуска двойного класса акций и перекрестного владения акциями. Как правило, семейная управляющая компания контролирует целый ряд фирм, которые в свою очередь контролируют следующую группу компаний и т. д.

Несмотря на кажущуюся разность всех моделей организации крупных компаний, они все могут увязываться в процессе естественной культурной эволюции компании. Цепочка смены типов культуры по стадиям жизненного цикла фирмы выглядит следующим образом: культура профессионала (адхократическая) – компонента Т; культура лидера (семейная, клановая) – компонента S; бюрократическая (иерархическая) культура – компонента Р; культура предпринимателя (рыночная культура) – компонента Е [Аренков, 2023]. Данный процесс культурной эволюции компании может показаться свидетельством ценностной деградации организации в процессе ее экономико-культурного становления. Однако этот фактор в практической плоскости не всегда является актуальным, особенно в анализе национальной модели развития организаций в российской экономике.

Благоприятными факторами становления социальной ответственности бизнеса в России являются: исторические традиции социального служения предпринимательства, процессы глобализации, приводящие к распространению социальной ответственности и среди российских компаний, наличие мощных корпоративных структур, располагающих возможностями социальных инвестиций, повышение репутации компании и обеспечение доверия потребителя, конструктивное взаимодействие с органами государственной власти в целях обеспечения поддержки административными и информационными ресурсами [Рушева, 2019].

Основной тенденцией организационного развития в концепции стратегических изменений в современном управлении российских компаний является

переход от экономической модели управления в чистом виде (процесс, правила, цели, результаты) к модели ценностного управления (включающей в себя как технологию экономического управления, так и технологию управления ценностями), опирающейся на регулярный менеджмент, направленный на финансовые цели за счет разделяемых сотрудниками корпоративных ценностных ориентиров, формируемых при их непосредственном участии и развитии компетенций сотрудников и развитии коммуникаций [Руденко, 2019].

Главная, несколько абстрактная, но одновременно значимая характеристика представленных моделей заключается в том, что они все по-разному влияют на процесс принятия управленческих решений.

В процессе принятия управленческих решений в корпорации имеется ряд особенностей по сравнению с организациями других правовых форм. Традиционные для организаций технологии подготовки и реализации управленческих решений не позволяют руководителям корпораций в полной мере решать такие задачи, как организация работы коллективных органов управления корпорацией; организация управления дочерними и зависимыми компаниями, самостоятельными хозяйственными подразделениями, филиалами; организация управления в предпринимательских сетях, холдингах, финансово-промышленных группах, других интегрированных корпоративных системах; организация взаимодействия с акционерами, государ-

ственными органами, общественными организациями и другими участниками корпоративных отношений; организация управления устойчивостью корпоративных систем [Юсупова, 2022].

Именно поэтому особое значение приобретают сегодня корпоративные связи с персоналом. Внутренняя аудитория корпорации является наиболее активным носителем и транслятором информации о корпорации, и от степени ее лояльности, приверженности корпоративным ценностям напрямую зависят имидж и деловая репутация корпорации [Третьяков, 2021]. Лояльность имеет скорее мотивационный аспект, чем сугубо экономический, так как основополагающим в мотивации является ее взаимозависимость с потребностями конкретного работника, состоящая в необходимости их удовлетворения и достижении запланированного результата [Кирилина, 2019].

Выводы

Управленческая культура в крупной организации определяется значимой сложностью, где, с одной стороны, сложность характеризуется как многообразие культурологических процессов внутри самой организации, требующих постоянного контроля и ценностно-мотивационной согласованности, а с другой стороны, сложность определяется возможностью соотнесения крупной организации и самобытной культуры, для стабильности которой необходимо наличие некоторых базовых ценностных принципов с постоянной их поддержкой и управленческим контролем на этапе всех жизненных циклов развития компании.

Список источников:

1. Аренков И. А., Зябриков В. В., Шевазуцкий И. Р. Деловая культура во внутренней среде фирмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2023. №3. С. 402–436.
2. Герасимов К. Б. Модели и методы формирования региональных корпоративных структур // Вестник ГУУ. 2019. № 10. С. 93–101.
3. Гусева Н. И., Советкин Я. Д. Ключевые области внедрения управленческих инноваций в российских и мультинациональных компаниях, действующих на российском рынке // Проблемы управления. 2021. № 2. С. 52–63.
4. Домовач З. В. Современная управленческая парадигма // Прикладные экономические исследования. 2021. № 1 (41). С. 4–13.
5. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / Пер. с англ. М.: Издательский

дом «Вильямс», 2004. 272 с.

6. Егорова М. Ю. Мировоззренческие ориентиры анализа развития современно-го производства // Гуманитарный вестник. 2020. № 2 (82). С. 4–15.
7. Захарова Т. И., Иванов А. А., Кокоулина О. П., Магомедова Г. М., Стюрина Д. Е. Формирование и поддержание культуры деловых отношений в организации: проблемы и перспективы // Инновации и инвестиции. 2022. № 12. С. 52–57.
8. Иванова И. Г., Савина В. А. Принятие управленческих решений, методы и инструменты // Деловой вестник предпринимателя. 2023. № 1 (11). С. 53–56.
9. Кирилина О. Н. Роль мотивации в управлении персоналом // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14). С. 51–56.
10. Некрасов В. И. Взгляды Мориса Алле на эффективность в экономике рынков: идеи и условия // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2010. № 2. С. 18–22.
11. Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка: Пер. с англ. М.: Мир. 2000. 333 с.
12. Попова Е. В. Проектный менеджмент в управлении крупными организациями // Экономика строительства. 2023. № 5. С. 12–16.
13. Руденко И. В. Организационное развитие в концепции стратегических изменений в компании // Вестник СИБИТа. 2019. № 4 (32). С. 70–76.
14. Рушева А. В. Социальная ответственность бизнес-решений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 1. С. 85–99.
15. Стиглиц Д. Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ и примеч. Г. Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003. 300 с.
16. Третьяков О. В. Совершенствование системы управления развитием персонала в условиях расширения коммуникационного пространства корпорации // Московский экономический журнал. 2021. № 7. С. 332–346.
17. Чибухчан М. С. Подходы к типологии организационной культуры: сравнительный анализ // Экономика и социум. 2019. № 1–2 (56). С. 305–318.
18. Юсупова С. М., Алавина Е. М. Особенности принятия управленческих решений в корпорациях // Гуманитарный научный журнал. 2022. № 4–2. С. 48–59.
19. Яценко Е. А. Особенности международного корпоративного управления // Стратегии бизнеса. 2019. № 7 (63). С. 14–20.
20. Collis, D. J., and C. A. Montgomery. *Corporate Strategy: Resources and the Scope of the Firm*. IL: Irwin, 1997.
21. Goold M. C., Campbell A., Alexander M. *Corporate-level Strategy*. John Wiley & Sons: N. Y., 1994.

References:

1. Arenkov I. A., Zybrikov V. V., Shevazutsky I. R. (2023) Business culture in the internal environment of a company *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy]. No. 3: 402–436. (In Russ.).
2. Gerasimov K. B. (2019) Models and methods of forming regional corporate structures *Vestnik GUU* [Bulletin GUU]. No. 10: 93–101. (In Russ.).
3. Guseva N. I., Sovetkin Ya. D. (2021) Key areas of implementation of management innovations in Russian and multinational companies operating in the Russian market *Problemy upravleniya* [Problems of management]. No. 2: 52–63. (In Russ.).
4. Domovach Z. V. (2021) Modern management paradigm *Prikladnyye ekonomicheskiye issledovaniya* [Applied economic research]. No. 1 (41): 4–13. (In Russ.).
5. Drucker P. F. (2004) Problems of management in the 21st century: Transl. from English. M.: Williams Publishing House. 272 p. (In Russ.).
6. Egorova M. Yu. (2020) Worldview guidelines for analyzing the development of modern production *Gumanitarnyy vestnik* [Humanitarian Bulletin]. No. 2 (82): 4–15. (In Russ.).

7. Zakharova T. I., Ivanov A. A., Kokoulina O. P., Magomedova G. M., Styurina D. E. (2022) Formation and maintenance of a culture of business relations in an organization: problems and prospects *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. No. 12: 52–57. (In Russ.).
8. Ivanova I. G., Savina V. A. (2023) Making management decisions, methods and tools *Delovoy vestnik predprinimatelya* [Business Bulletin of the Entrepreneur]. No. 1 (11): 53–56. (In Russ.).
9. Kirilina O. N. (2019) The role of motivation in personnel management *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy* [Business education in the economy of knowledge]. No. 3 (14): 51–56. (In Russ.).
10. Nekrasov V. I. (2010) Views of Maurice Allais on efficiency in the economics of markets: ideas and conditions *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Bulletin of the Udmurt University. Series “Economics and Law”]. No. 2: 18–22. (In Russ.).
11. Peters E. (2000) Chaos and order in capital markets. A new analytical look at cycles, prices and market volatility: Trans. from English. M. : Mir.333 p. (In Russ.).
12. Popova E. V. (2023) Project management in the management of large organizations *Ekonomika stroitel'stva* [Construction Economics]. No. 5: 12–16. (In Russ.).
13. Rudenko I. V. (2019) Organizational development in the concept of strategic changes in the company *Vestnik SIBITa* [Bulletin of SIBIT]. No. 4 (32): 70–76. (In Russ.).
14. Rusheva A. V. (2019) Social responsibility of business decisions *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences]. No. 1: 85–99. (In Russ.).
15. Stiglits D. Yu. (2003) Globalization: alarming trends / Trans. from English and notes. G. G. Pirogov. M.: Mysl. 300 p. (In Russ.).
16. Tretyakov O. V. (2021) Improving the personnel development management system in the context of expanding the corporation's communication space *Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Moscow Economic Journal]. No. 7: 332–346. (In Russ.).
17. Chibukhchyan M. S. (2019) Approaches to the typology of organizational culture: comparative analysis *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society]. No. 1–2 (56): 305–318. (In Russ.).
18. Yusupova S. M., Alavina E. M. (2022) Features of making management decisions in corporations *Gumanitarnyy nauchnyy zhurnal* [Humanitarian scientific journal]. No. 4–2: 48–59. (In Russ.).
19. Yashchenko E. A. (2019) Features of international corporate governance *Strategii biznesa* [Business Strategies]. No. 7 (63): 14–20. (In Russ.).
20. Collis D. J. and C. A. (1997) Montgomery. Corporate Strategy: Resources and the Scope of the Firm. IL: Irwin.
21. Goold M. C., Campbell A., Alexander M. (1994) Corporate-level Strategy. John Wiley & Sons: N. Y.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Информация об авторе

Н. А. Бессонов – аспирант, Пятигорский государственный университет.

Information about the author

N. A. Bessonov – Postgraduate student, the Pyatigorsk State University.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2024 г. № 1 (106)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 16.04.2024 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 20,4

Учетн.-изд. л. – 26,1

Тираж – 500 экз.

Заказ № 3.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
